

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

**ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ**

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

142

**ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ БРОНЗЫ
И РАННЕГО ЖЕЛЕЗА**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

142

ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ БРОНЗЫ
И РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1975

В выпуске содержатся материалы новых археологических исследований эпохи бронзы и раннего железного века — памятники, найденные на территории лесостепной и степной полосы Восточной Европы. Особый интерес представляют статьи о выделении борисовского варианта трипольской культуры и о появлении и развитии земледелия и скотоводства в Индии и Пакистане.

Редакционная коллегия:

О. С. Гадзяцкая (ответственный секретарь),
Н. Н. Воронин, Н. Н. Гурина, И. Т. Кругликова (ответственный редактор),
К. Х. Кушнарёва, А. Ф. Медведев, Н. Я. Мерперт, Р. М. Мунчаев,
П. А. Раппопорт (зам. ответственного редактора),
В. В. Седов (зам. ответственного редактора),
Д. Б. Шелов, А. Л. Якобсон

Памятники эпохи бронзы и раннего железа
КСИА, вып. 142

Утверждено к печати
Ордена Трудового Красного Знамени Институтом археологии
Академии наук СССР

Редактор издательства *Л. И. Тормозова*. Художественный редактор *Н. Н. Власик*
Технический редактор *В. Д. Прилепская*
Корректоры *Р. С. Алимova, Л. И. Карасева*

Сдано в набор 3/III 1974 г. Подписано к печати. 9/IV 1975 г. Формат 70×108¹/₁₆. Бумага № 2.
Усл. печ. л. 11,2. Ун.-изд. л. 10,8. Тираж 2000. Т-04271. Тип. вак. 1705. Цена 65 коп.

Издательство «Наука». 103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
1-я типография издательства «Наука». 199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

СТАТЬИ

Е. К. ЧЕРНЫШ

МЕСТО ПОСЕЛЕНИЙ БОРИСОВСКОГО ТИПА
В ПЕРИОДИЗАЦИИ ТРИПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ

На северо-востоке территории, занимаемой трипольскими племенами, локализуется небольшая группа памятников так называемого борисовского типа. Неширокой полосой тянутся они от левобережья среднего течения Днестра в бассейн Южного Буга.

Трипольские поселения у сел Борисовка и Озаринцы стали известны еще в двадцатых годах. Позднее были открыты подобные им поселения Воеводченцы, Вила Ярузьки, Данилова Балка, Красноставка, Печера, Плисков—Чернавка и др.

Изучая находки с борисовского поселения, Н. Ф. Беляшевский подразделил керамику на три группы: грубую кухонную, с прочерченным орнаментом и с желобчатой (каннелированной) поверхностью¹. В те же годы М. Я. Рудынский, сопоставив орнаменты на посуде из Озаринцев и Кадиевцев—Бавков, пришел к выводу, что различие заключается только в технике исполнения узора (углубленные полосы на керамике из Озаринцев передавали тот же узор, что и роспись на посуде из Кадиевцев—Бавков)². Занимаясь классификацией трипольской керамики, Т. С. Пассек отнесла поселения у Борисовки и Красноставки к выделенному ею этапу В₁, который соответствует фазе Кукутень А румынской периодизации поселений Кукутень—Триполье³.

Позднее, создавая периодизацию трипольских поселений, Т. С. Пассек в своих выводах относительно раннего этапа в значительной степени опиралась на данные стратиграфии румынского поселения Извоаре. В Извоаре слой с керамикой, покрытой углубленным узором, каннелюрами и оттисками зубчатого штампа, залегал глубже, чем слой с керамикой, расписанной в стиле Кукутень А. Не имея возможности проанализировать технику нанесения углубленного и каннелированного узоров, а также стилистические особенности орнамента на посуде из различных районов распространения трипольской культуры, Т. С. Пассек рассматривала поселения борисовского типа в качестве одновременных поселениям типа Саврань, Унгены и им подобным⁴. Поэтому керамика с поселений Борисовка, Озаринцы, Красноставка одновременно с керамикой из Саврани и Извоаре I послужила

¹ М. Біляшівський. Досліди на городищі біля с. Борисівки. Коротке звітження за 1925 р. Київ, 1926; он же. Борисівське городище. ТКУ, вип. 1. Київ, 1926.

² М. Рудинський. Поповгородський вияв культури мальованої кераміки. «Антропологія», т. III. Київ, 1930, стор. 247—248.

³ T. S. Passek. La céramique tripolienne. Изв. ГАИМК, вып. 122, Л., 1935, стр. 165.

⁴ T. S. Passek. Периодизация трипольских поселений. МИА, № 10, 1949, гл. III.

эталонном для выделения раннего этапа трипольской культуры. Таким образом, Т. С. Пассек отошла от своего первоначального взгляда о синхронности поселений борисовского типа поселениям с ранней расписной керамикой этапа V_Г.

Ряд серьезных исследований в области раннего Триполья принадлежит С. Н. Бибикову. Представляет интерес, что в поисках аналогий раннетрипольскому поселению Лука-Врублевцкая С. Н. Бибиков обращается к памятникам, которые можно объединить в две группы. В одну из них входят Брага, Гигоешть, Извоаре, называемые в те годы дотрипольскими; в другую группу — Борисовка, Озаринцы, Печера, называемые раннетрипольскими⁵. С. Н. Бибиков неоднократно указывает на аналогии в поселениях борисовского типа. Например, «... криволинейное построение орнаментальных мотивов в виде заштрихованных лент, овалов, простейшей спирали, гребенчатого орнамента, групп ямок, чередование определенных устойчивых построений из каннелюр, прочерченных линий, ямок, фигур из выявленных участков фона, декорировка донцов и т. п. дают полную возможность почти отождествлять керамику Луки-Врублевцкой с керамикой Озаринцев»⁶.

Позднее С. Н. Бибиков предложил метод определения древности раннетрипольских поселений по типу жилищ⁷. Поселения, состоящие из землянок, были отнесены к более древним по сравнению с поселениями, состоящими из наземных домов. По этому признаку к более древним были отнесены: Лука-Врублевцкая, Ленковцы, Берново—Лука, Сабатиновка I, Городница—Городище, Борисовка, Печера, Красноставка, поселения, керамические комплексы которых значительно различаются. Этот новый вывод С. Н. Бибикова идет в разрез с результатами анализа керамики, произведенного в свое время самим С. Н. Бибиковым, Т. С. Пассек и другими исследователями. Кроме того, на многих поселениях культуры Кукутень—Триполье доказано сосуществование наземных домов и углубленных в землю сооружений.

Остановимся еще на мнении двух исследователей. В. Н. Даниленко предложил деление раннетрипольских поселений на три этапа. К последнему из них он отнес поселения Борисовка и Озаринцы, отметив при этом, что они близки Сабатиновке I и не имеют аналогий в поселениях Румынии⁸. Полихромную керамику Сабатиновки I он считает импортной и сопоставляет с керамикой из Кукутень А и Хэбэшесть.

Работая над уточнением периодизации позднего Триполья, Т. Г. Мовша пришла к заключению, что пеньожковская группа, относящаяся по периодизации Т. С. Пассек к этапу V_Г, является продолжением эволюции памятников борисовского типа⁹. Очевидно, большого разрыва во времени существования поселений борисовского и пеньожковского типов не было.

Автору настоящей статьи не удалось найти место для памятников борисовского типа среди раннетрипольских поселений. По инвентарю они оказались более близкими к поселениям переходного времени от раннего к среднему Триполью: Городница—Городище, Сабатиновка I, Поливанов-Яр III, Дарабань I¹⁰. Особенно примечательным кажется то обстоятельство, что в поселениях борисовского типа широко распространены формы

⁵ С. Н. Бибиков. Дотрипольское поселение Лука-Врублевцкая. КСИМК, вып. XXI, 1947, стр. 60.

⁶ С. Н. Бибиков. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевцкая на Днестре. МИА, № 38, 1953, стр. 158.

⁷ С. Н. Бибиков. О хронологическом разделении памятников Триполья — А. VII. МҚДП. М., 1966, стр. 93—99.

⁸ В. Н. Даниленко. Археологические исследования в зонах строительства ГЭС на Южном Буге. КСИА АН УССР, вып. 12. Киев, 1962.

⁹ Т. Г. Мовша. Періодизація і хронологія середнього та пізнього Трипілья. «Археологія», вип. 5. Київ, 1972, стр. 7.

¹⁰ К. К. Черниш. Ранньотрипільське поселення Ленківці на Середньому Дністрі. Київ, 1959, стор. 72.

посуды, почти не встречающиеся в раннетрипольское время. Это — грушевидные сосуды с ровно срезанным краем; биноклевидные сосуды с перемычкой, имеющей обращенный кверху выступ; чаши на подставке, соединенные с последней ручками; крупные шлемовидные крышки с плоским верхом; широкогорлые крупные горшки с плавно отогнутым краем; кувшины с ручками у края или на сильно раздутых боках. В отличие от раннетрипольского орнамент характеризуется небрежно прочерченными желобками значительной ширины (0,3; 0,5; 0,7 см). Часто их сопровождают крупные круглые ямки. Края многих сосудов покрыты частыми вдавлениями, отчего приобрели волнистые очертания. На некоторых сосудах имеются непомерно широкие каннелюры. Ширина каннелюр часто достигает 1,2 см. Диаметр ямок, используемых в орнаменте, колеблется от 0,4 до 0,7 см. Широко применялись окраска красной сырой охрой, а также заполнение желобков белой краской.

Вместе с тем в Борисовке найдено несколько расписных черепков. Один из них опубликован Н. Ф. Беляшевским. Он представляет собой край сосуда, покрытого параллельными белыми полосами¹¹.

Перечисленные особенности керамики борисовского типа сближают ее с керамикой начала этапа В₁. На таблице (рис. 1) видно, насколько близки орнаменты посуды Борисовки, Озаринцев, Печеры к орнаментам керамики поселений этапа В₁ Городница—Городище, Поливанов-Яр III, Дарабань I. И выполнены они в манере, присущей керамике этапа В₁. Для всех сравниваемых поселений характерны широкие каннелюры, обрамление каннелюр отгисками крупнозубчатого штампа (по преимуществу прямоугольного в Побужье и круглого в Поднестровье), построение геометрических узоров из каннелюр и отгисков штампа (ромбов, треугольников и т. п.); использование ямок для заполнения пространства между линиями углубленного узора, заштрихованность свободных пространств между фигурами орнамента, насечки по краям сосудов, распространение однотипных элементов узора.

Наличие одинаковых групп керамики, близость форм сосудов, одинаковые технические приемы выполнения орнаментов и совпадение многих элементов узора свидетельствуют о хронологической близости памятников борисовского типа и памятников этапа В₁.

В настоящее время кажется целесообразным выделение борисовской группы памятников в самостоятельный локальный вариант трипольской культуры этапа В₁.

Выделение борисовской группы позволяет в общих чертах проследить путь формирования коломиштинского варианта трипольской культуры в Поднепровье.

Несколько севернее территории распространения поселений борисовского типа, на левобережье Днестра недавно открыты древнейшие трипольские поселения у сел Бернашовка и Исаковцы¹². Они соответствуют по времени поселениям фазы Докукутень II в Румынии. Поселение у села Брага, обследованное М. Я. Рудыным и П. И. Борисовским, долго считалось древнейшим в рассматриваемом районе, но оно относится к фазе Докукутень III—Триполье А.

Для поселений начала этапа А (Брага) характерно сохранение в керамическом комплексе древних традиций культуры Кукутень—Триполье, кухонной посуды с барботином, выполнение негативного узора путем прочерчивания тонких линий и заполнения свободного пространства частыми от-

¹¹ М. Біляшівський. Досліди на городищі біля с. Борисівки, стор. 69, рис. XVI, 16. Приношу глубокую благодарность Т. Г. Мовша за сообщение, что в Киевском государственном историческом музее в коллекции из Борисовки хранятся расписные фрагменты, упомянутые Н. Ф. Беляшевским.

¹² С. М. Бібіков, Г. Л. Евдокимов, В. Г. Збенович. Розвідки на Середньому Дністрі в 1969 році. «Археологічні дослідження на Україні в 1969 р.», вип. IV. Київ, 1972, стор. 368, 369.

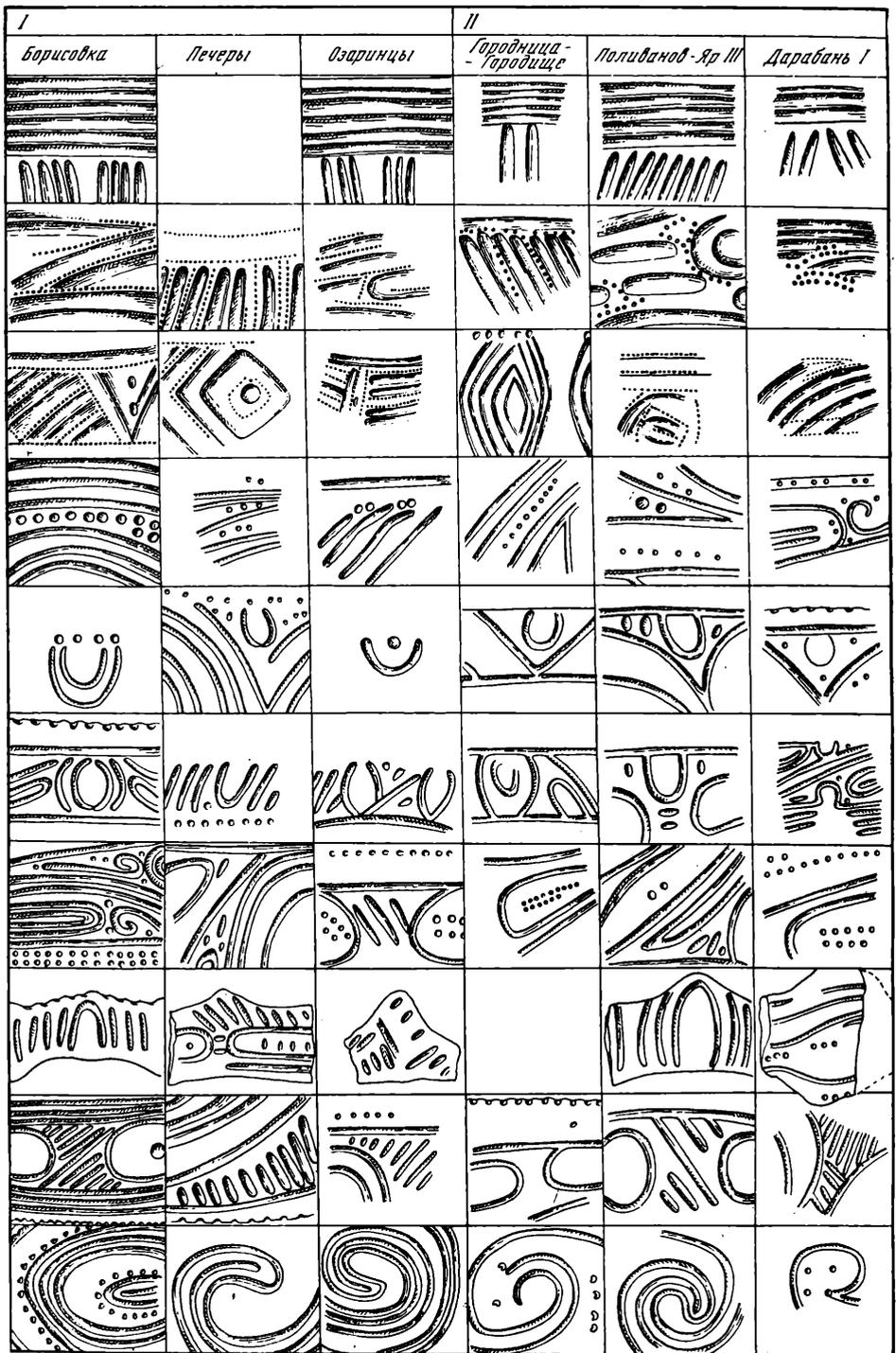
тисками мелкозубчатого штампа, использование для передачи узора линий, оттиснутых штампом, применение каннелюр шириной 0,7—0,9 см, сочетание каннелюр, оттисков штампа и прочерченных линий на одном сосуде. Орнамент покрывает сосуды целиком.

В более поздних раннетрипольских поселениях Поднестровья типа Ленковцы ранние черты исчезают. Отсутствует древний вид керамики с барботином. Пропадают некоторые приемы орнаментации, например, заполнение больших площадей частыми отпечатками мелкозубчатого штампа. Иную форму получает лента змеевидного узора на грушевидных сосудах. В это время большое распространение приобретают антропоморфные фигурки, покрытые богатым углубленным узором. Статуэток с гладкой поверхностью мало. Они окрашены охрой. Форма их сильно отличается от более древних статуэток.

Конец раннего Триполья в Поднестровье характеризуется поселениями типа Лука-Врублевца. В керамике Луки-Врублевца много своеобразия (рис. 2а, 2б). На небольших горшочках преобладает геометрический орнамент, расположенный в горизонтальном направлении. Орнаментальный пояс на некоторых сосудах очень узок. Такое расположение орнамента и форма приземистого горшка характерны для поселений конца фазы Докукутень III. Раннетрипольский прием использования каннелюр без оттисков зубчатого штампа в Луке-Врублевце встречается очень редко. Как и на посуде с поселений этапа В₁, прочерченные змеевидные узоры заполнялись группами ямок. Орнамент наносился довольно небрежно. В отличие от более древних трипольских сосудов с сильно раздутым туловом, резко отделяющимся от нижней части, грушевидные сосуды Луки-Врублевца плавно сужаются ко дну. Поздним признаком является и слабо выраженный край грушевидных сосудов. В более раннее время он был несколько приподнят кверху. Среди чаш на подставке появляется новая форма с ушками в местах соединения чаши с подставкой. Есть антропоморфные изделия с чашей на голове подобно сосудам для возлияний из Трушешть. Единственная перемычка «биноклеvidного сосуда» раннетрипольского времени найдена в Луке-Врублевце. Подобные сосуды известны пока только в поселениях, существовавших не ранее этапа В₁—Кукутень А. О довольно позднем возрасте раннетрипольского поселения Лука-Врублевца свидетельствует и форма черпаков с антропоморфными ручками. Крупные черепки с большим отверстием в длинной ручке обнаружены лишь в наиболее поздних поселениях раннего Триполья и Докукутень III. Они широко распространены в поселениях этапа В₁—Кукутень А. Форма крышек, увенчанных низкой ручкой с плоской вершиной, также характерна для поселений конца раннего Триполья. Среди антропоморфной пластики в Луке-Врублевце преобладают статуэтки, сплошь покрытые углубленным узором. Эти особенности керамических изделий Луки-Врублевца получают дальнейшее развитие в днестровских поселениях борисовской группы, что хорошо видно при сопоставлении коллекций из Луки-Врублевца и Озаринцев.

Сформировавшиеся на базе таких поселений, как Лука-Врублевца, поселения типа Озаринцы, Воеводчинцы, Вила—Ярузьки представляют в Поднестровье следующий этап развития трипольской культуры — этап В₁. С этой сравнительно небольшой территории левобережья Днестра, продвигаясь вверх по его притокам, носители трипольской культуры постепенно заселили сначала междуречье Днестра и Южного Буга, затем расселились вдоль р. Соб. Все далее продвигаясь на восток, они заняли большое пространство вдоль северной границы лесостепи.

Подойдя к верховьям р. Рось, создатели борисовского варианта трипольской культуры получили возможность продвинуться в Поднепровье. Следствием этого явилось возникновение поселений типа Веремье и Коломийщина II.

Рис. 1. Сравнительная таблица орнаментов керамики с каннелированным и углубленным орнаментом поселений

I — борисовской группы; Борисовка, Пещера, Озаринцы; II — среднеднепровских, I этапа V; Городища-Городище, Поливанов-Яр III, Дарабань I

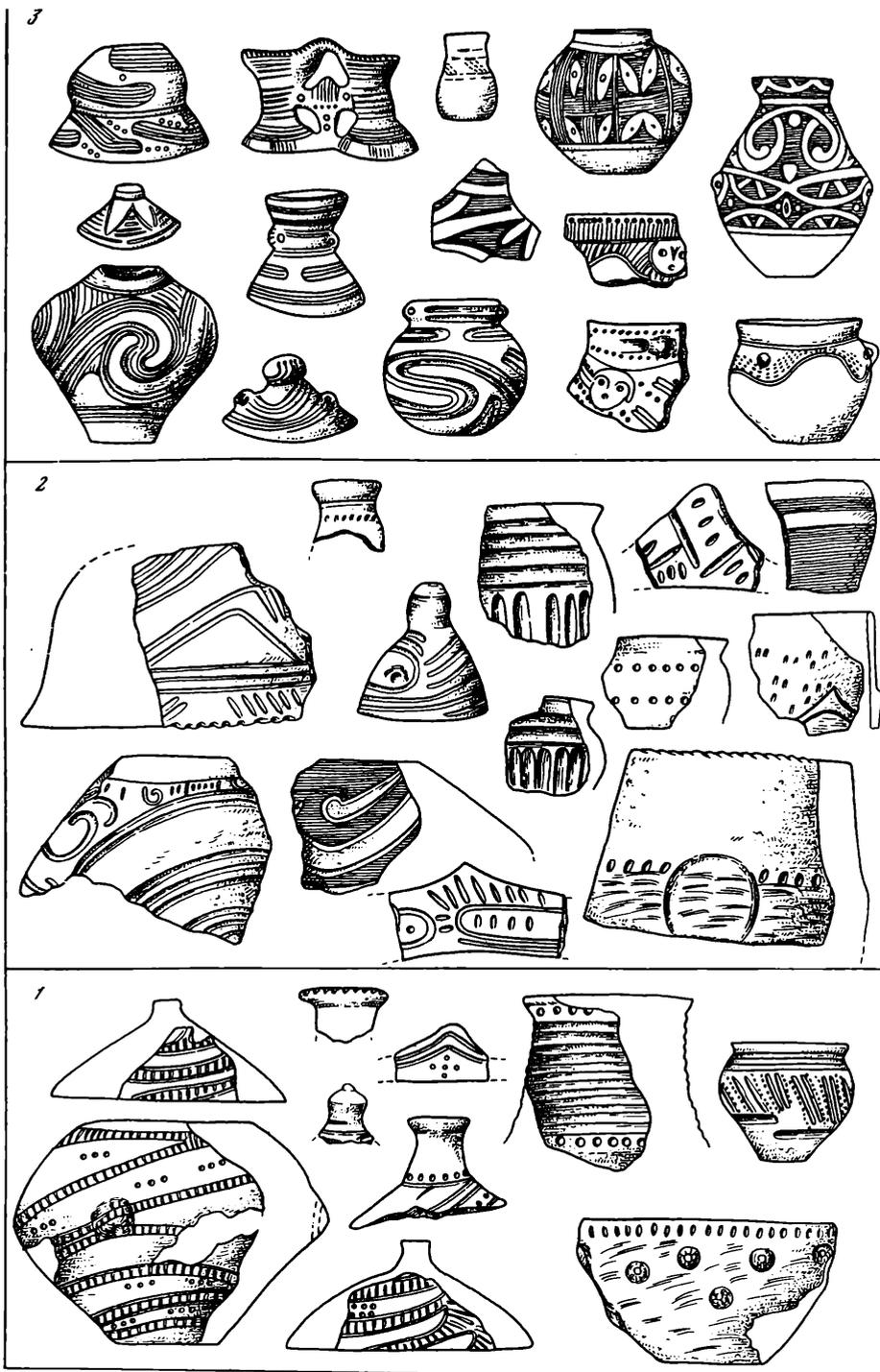

Рис. 2а. Сравнительная таблица керамики памятников трипольской культуры расположенных в междуречье Среднего Днестра и Днепра

1 — тип Луки-Врублевцкой; 2 — тип Борисовки, 3 — тип Веремья

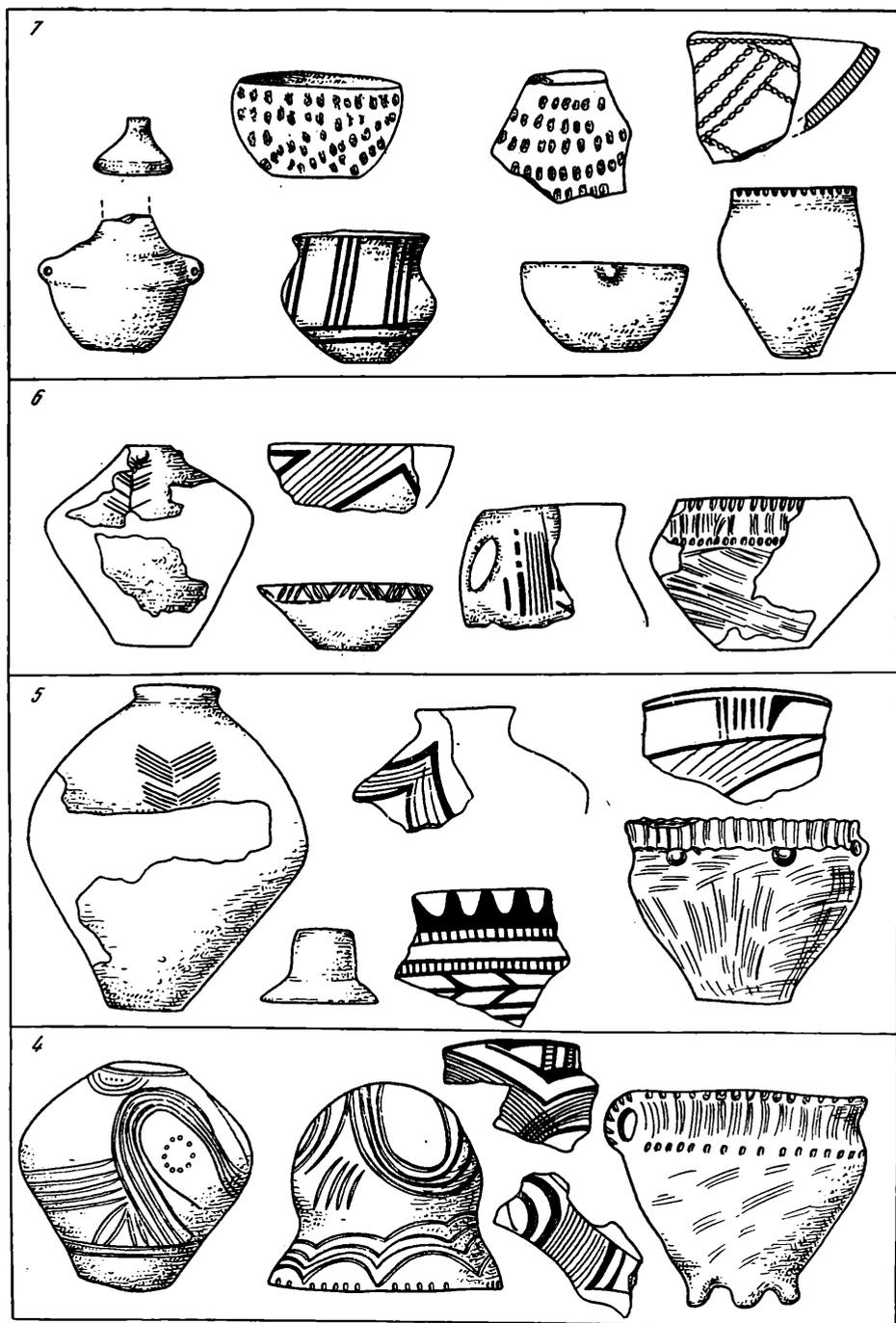

Рис. 26. Сравнительная таблица керамики памятников трипольской культуры, расположенных в междуречье Среднего Днестра и Днепра
 4 — тип Коломийщины II; 5 — тип Коломийщины I; 6 — тип Лукашовки, 7 — тип Софиевки

Удалившись на большое расстояние от древних центров, население постепенно утратило прежние связи. В материальной культуре стал проявляться определенный консерватизм. Отсюда понятно, почему у приднепровского населения получила развитие керамика с углубленным, а не расписным узором. В момент переселения с Днестра на восток носители трипольской культуры борисовского варианта расписной керамики еще не знали, а импортная расписная посуда в столь отдаленные районы за Днестр попадала в небольшом количестве. Здесь долго оставалось неизвестным искусство изготовления расписной керамики, столь успешно распространенное в междуречье Прута и Днестра. Таким образом, возник северо-восточный вариант трипольской культуры, представленный вначале памятниками борисовского типа, а позднее — памятниками типа Веремье и Коломийщина II.

Между керамикой поселений этих двух этапов (V_I и V_{II}) наблюдается большое сходство. Формы грушевидных сосудов, шлемовидные и конические крышки, кубки, биноклевидные сосуды представляют собой дальнейшее развитие посуды, существовавшей у жителей поселений борисовской группы. Это же можно сказать и относительно эволюции орнамента на посуде. Расписная посуда представлена единичными экземплярами. Совершенно новую группу керамики представляют кухонные горшки, вылепленные из глины с примесью толченой раковины, в чем проявилось воздействие местного населения.

Дальнейшая эволюция трипольской культуры в Поднепровье изучена хорошо. Поселения типа Коломийщина II генетически связаны с поселениями типа Коломийщина I, относящимися к этапу C_I . На их основе развились поселения типа Лукашовки (этап C_{II}). Эволюция трипольских поселений в рассматриваемом районе Поднепровья закончилась сложением софиевской группы памятников¹³.

Так, в свете последних исследований представляется история сложения и дальнейшая эволюция поселений борисовского типа.

¹³ «Археологія УРСР». Київ, 1971, стор. 150—177, 193—205.

Н. А. НИКОЛАЕВА, В. А. САФРОНОВ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ
КОСТЯНЫХ МОЛОТОЧКОВИДНЫХ БУЛАВОК

Ареал распространения костяных молоточковидных булавок широк — от Среднего Подунавья (на западе) до Ирана (на востоке) и от Тюрингии (на севере) до Пелопоннеса (на юге), поэтому булавки представляют интерес для синхронизации и датировки культур ранней и средней стадии бронзового века Восточной и Центральной Европы. Огромная территория, на которой встречается эта категория вещей, затрудняет датировку, поскольку невозможно предположить их проникновение в районы, отдаленные друг от друга на тысячи километров. Кроме того, типологическая неоднородность булавок не исключала возможности их конвергентного происхождения. Таким образом, проблема датировки булавок зависела от решения вопросов их происхождения и типологической классификации.

Вопросам происхождения булавок посвящен ряд работ отечественных и зарубежных исследователей. Не выдержала проверки временем теория Е. Маевского¹ и В. А. Городцова² о крито-микенском происхождении этих поделок³. Большинство исследователей в настоящее время склоняется к мысли В. Милойича⁴ о генетической связи указанных булавок с экземплярами из Аладжи Гююк (XXV—XXIII вв. до н. э.).

Высказанная М. И. Артамоновым⁵ точка зрения о сложении этой формы на «основе малоазийско-кавказских медных булавок с катушечной головкой», к сожалению, не получила должного развития. Все высказывания по вопросам происхождения и датировки булавок были сформулированы, по справедливому замечанию Б. А. Латынина, «обычно только декларативно и заключения о них оставались гипотетическими»⁶.

Основным недостатком исследований молоточковидных булавок было полное отсутствие попыток классификации этих изделий. Булавки рассматривались суммарно как хронологически единая категория. Нахождение булавок в древнеямных и катакомбных могилах, вопреки данным стратиграфии, рассматривалось как доказательство сосуществования двух культур⁷. Только Б. А. Латынин в своей монографии о молоточковидных

¹ E. Majewski. O charakterze starzych, Kurhanow grupy lackowuckiej. «Swiatowit», t. VI. Warszawa, 1905, str. 46.

² В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России. ОИМ за 1914 г. М., 1916, стр. 176—177.

³ С. С. Березанская, О. Г. Шапошникова. Рец. на книгу Т. Б. Поповой. СА, 1957, № 2.

⁴ V. Milošić. Zur Leitstellung der Hammernadeln. «Germania», Bd. 33, 1955, S. 240—242.

⁵ М. И. Артамонов. Предисловие к монографии Б. А. Латынина. «Молоточковидные булавки, их культурная атрибуция и датировка». Л., 1967.

⁶ Б. А. Латынин. Молоточковидные булавки, их культурная атрибуция и датировка. Л., 1967.

⁷ О. А. Кривцова-Гракова. Генетическая связь ямной и катакомбной культур. Тр. ГИМ, вып. VIII. М., 1938, стр. 33—36; Т. Б. Полова. Племена катакомбной культуры. Тр. ГИМ, вып. 24. М., 1955, стр. 50—65; Л. С. Клейн. О хронологических и генетических взаимоотношениях локальных вариантов катакомбной культуры. «Исследования по археологии СССР». Л., 1961, стр. 76.

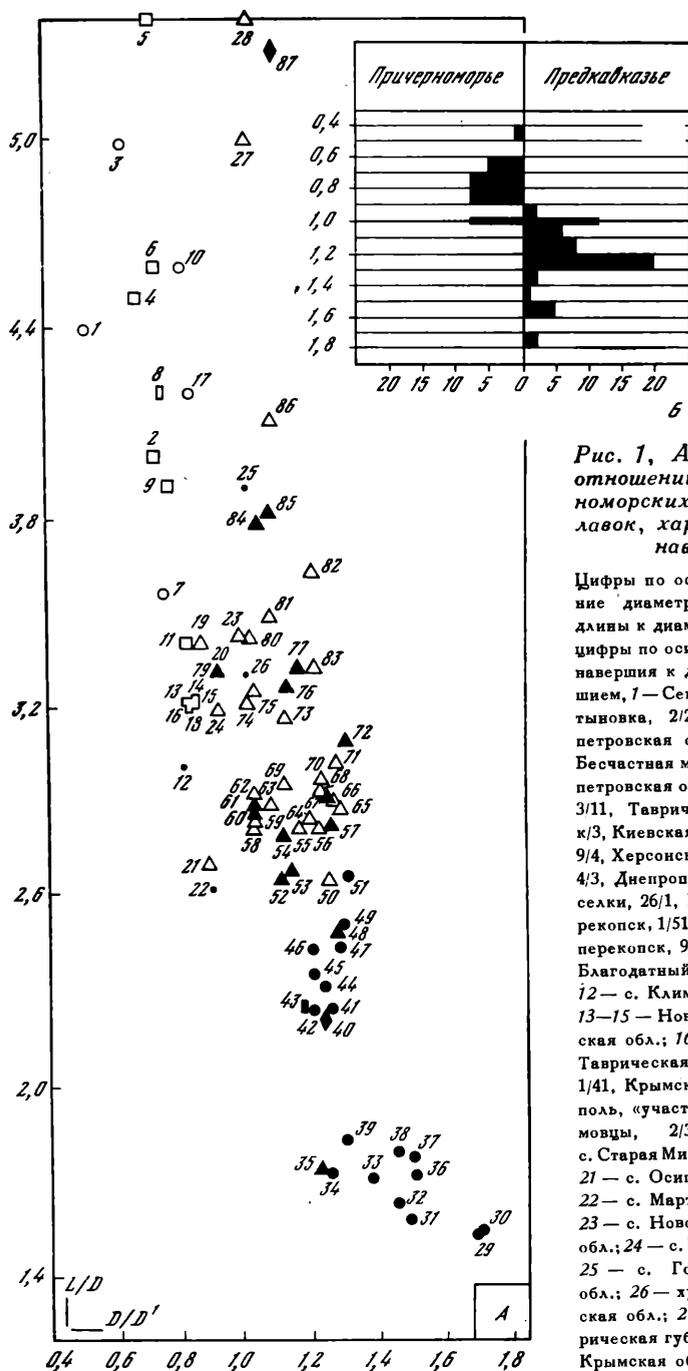

Рис. 1, А — график корреляции отношений параметров причерноморских и предкавказских булавок, характеризующих форму навершия стержня

Цифры по оси абсцисс означают отношение диаметра стержня на середине его длины к диаметру стержня под навершием; цифры по оси ординат — отношение длины навершия к диаметру стержня под навершием, 1 — Северо-Восточный Крым, с. Мартыновка, 2/23; 2 — с. Кут, 16/1, Днепропетровская обл.; 3 — с. Новогригорьевка, Бесчастная могила, погребение 11, Днепропетровская обл.; 4 — с. Нижние Серговы, 3/11, Таврическая губ.; 5 — с. Кобрино, к/3, Киевская губ.; 6 — с. Новочерноморье, 9/4, Херсонская обл.; 7 — с. Марьяновское, 4/3, Днепропетровская обл.; 8 — с. Новоселки, 26/1, Киевская губ.; 9 — Краснопереконск, 1/51, Крымская обл.; 10 — Краснопереконск, 9/18, Крымская обл.; 11 — хут. Благодатный, 1/2, Екатеринославская губ.; 12 — с. Климовцы, 2/3, Полтавская губ.; 13—15 — Новогригорьевка, 1/11, Николаевская обл.; 16 — с. Большая Белозерка, 5/1, Таврическая губ.; 17 — Краснопереконск, 1/41, Крымская обл.; 18 — Крым, Симферополь, «участок Генкель», 1/2; 19 — с. Климовцы, 2/3, Полтавская губ.; 20 — с. Старая Михайловка, Мариупольская губ.; 21 — с. Осипенко, 2/4, Запорожская обл.; 22 — с. Мартыновка, 1/16, Крымская обл.; 23 — с. Новочерноморье, 7/3, Херсонская обл.; 24 — с. Бехтеры, 1/1, Херсонская обл.; 25 — с. Голая Пристань, Херсонская обл.; 26 — хут. Шевченко, 1/14, Запорожская обл.; 27 — с. Б. Белозерка, 5/6, Таврическая губ.; 28 — Краснопереконск, 1/44, Крымская обл.; 30 — с. Бородаевка I, 6/9; 30 — с. Бородаевка F 6/9; 29, 33, 34, 37,

38 — Архаринский I могильник, 49/4; 35 — 55/4; 51 — 49/3; 63, 62, 71 — 19/4; 59 — 25/2; 67, 80, 86 — 54/3; 84 — 29/3; 50 — 54/3; 57 — 54/3; 69 — 19/4; 75 — 54/3; 79 — 2/4 Чограйский I могильник; 45 — 43/3; 41 — 39/4; 48 — 37/5; 55, 65, 73, 83 — 35/2; 66 — 18/8; 85 — 18/7; 36 — 19/7; 47 — 43/3 Чограйский II могильник; 32 — 4/15; 56 — 25/7; 72 — 26/4 Чограйский III могильник; 60 — 18/6; 70 — 28/9; 78 — 43/15 Чограйский I могильник 1966 г.; 77 — 13/7 Чограйский III могильник 1966 г.; 39 — 34/6; 44 — 15/4; 53, 81, 74 — Элиста 7/4; 68 — 8/8; 76 — 1/1 Лола II; 52 — Пятигорск (раскопки В. Р. Алухтина); 46 — хут. Солёный 3/6; 58 — с. Благодарное; 61 — Костромская 1/2; 54 — пос. Донской 7/6; 64 — Ремонтное; 43 — Бичкин Булук; 49 — Летническое 2/2; 87 — Минутка.

Б — Гистограмма распределения костяных молоточковидных булавок по трем типам: предкавказский (линеообразный стержень) III тип; причерноморский (конический стержень) II тип и древнейший (цилиндрический стержень) I тип. По вертикали отложены значения D/D' ; по горизонтали — число случаев

¹ Первая цифра означает номер кургана, вторая — номер погребения.

булавках выделил пять типов костяных молоточковидных булавок в Причерноморье и три типа — в Предкавказье. Однако последние два типа, выделенные им для Причерноморья, относятся по форме к предкавказским, к тому же они были найдены вблизи северной границы Предкавказья (хутор Солёный на Маньче и станица Ильинская на р. Сал). Других подобных булавок в Причерноморье нет. Вряд ли правомерно выделение типа I. Подобных булавок найдено всего два экземпляра. Они имеют вместо вырезанного молоточковидного навершия эпифиз, т. е. в данном случае форма навершия подсказана материалом.

Из трех предкавказских типов (IV, V, VI) костяных молоточковидных булавок в отдельный тип выделена поделка (с коническим стержнем) из кургана 11, вообще не характерная для Предкавказья. Подобная булавка в Предкавказье имеет одну аналогию в Чограйском могильнике. Булавки с коническим стержнем были найдены в Причерноморье (рис. 1, А, 1—23).

В своей типологической классификации Б. А. Латынин не использовал количественных характеристик, не определил хронологическое соотношение между типами, не наметил линии развития. Определяя назначение и цель своей классификации, Б. А. Латынин писал, что она «может дать некоторое обобщенное представление, в каких формах булавки имеются в различных районах, но не отвечает на вопрос об их соотношении во времени»⁸.

Классификация предкавказских костяных молоточковидных булавок позволила В. А. Сафронову наметить линию их развития и выделить древнейшие типы⁹. Наиболее древними оказались экземпляры с цилиндрическим стержнем и большой головкой, приближающиеся типологически к булавкам типа Сачхере¹⁰. Однако вопрос происхождения данная работа не решала, поскольку оставалась неразобранной серия костяных молоточковидных булавок в Северном Причерноморье, и большинство авторов считало прототипами костяных и металлических Т-образных булавок¹¹.

Изучая серию причерноморских булавок, можно заметить, что у одних экземпляров так же, как и у предкавказских, стержень по всей длине цилиндрический, а у других — конический, чего не наблюдается у предкавказских экземпляров. Эта особенность может быть выражена через те же количественные характеристики, которые были выбраны для предкавказских булавок, т. е. через отношение двух параметров — D/D^1 и L/D , где D — диаметр стержня на середине длины, D^1 диаметр стержня у основания навершия, L — длина молоточковидного навершия. Отложим все пары вычисленных значений D/D^1 и L/D соответственно на оси абсцисс и оси ординат. Расположение точек на корреляционном поле свидетельствует о наличии иной зависимости параметров, чем у предкавказских булавок¹² (ср. рис. 1 и 2).

Для причерноморских булавок с цилиндрическим стержнем отношение D/D^1 будет равно 1,0, а значения L/D будут находиться в интервале от 5,6 до 3,2; аналогичные булавки Предкавказья будут характеризоваться отношением L/D от 5,0 до 2,8¹³. Причерноморских булавок с такими параметрами насчитывается шесть (№ 24—28); другие имеют конический

⁸ Б. А. Латынин. Молоточковидные булавки..., стр. 34.

⁹ В. А. Сафронов. Классификация предкавказских костяных молоточковидных булавок. КСИА, вып. 134, 1973, стр. 42—47.

¹⁰ В. А. Сафронов. Классификация..., стр. 47.

¹¹ Т. Б. Попова. Указ. соч., стр. 120; А. А. Иерусалимская. К истории племен эпохи бронзы степного Предкавказья. Автореферат канд. дисс. Л., 1958, стр. 12—14.

¹² С территории Северного Причерноморья известно 51 костяная молоточковидная булавка, для построения графиков было использовано 29 целых экземпляров (остальные фрагментированы). В Предкавказье в настоящее время известно около 100 булавок. Большая часть их остается неопубликованной и оказалась недоступной для обмеров. В работе учтены 58 экземпляров, которые отражают состояние на 1965 г. коллекции костяных молоточковидных булавок Предкавказья.

¹³ В указанной работе В. А. Сафронова допущена опечатка: вместо «находится в интервале от 4 до 2,8» следует читать: «в интервале от 5 до 2,8». Вторая строка сверху, стр. 45.

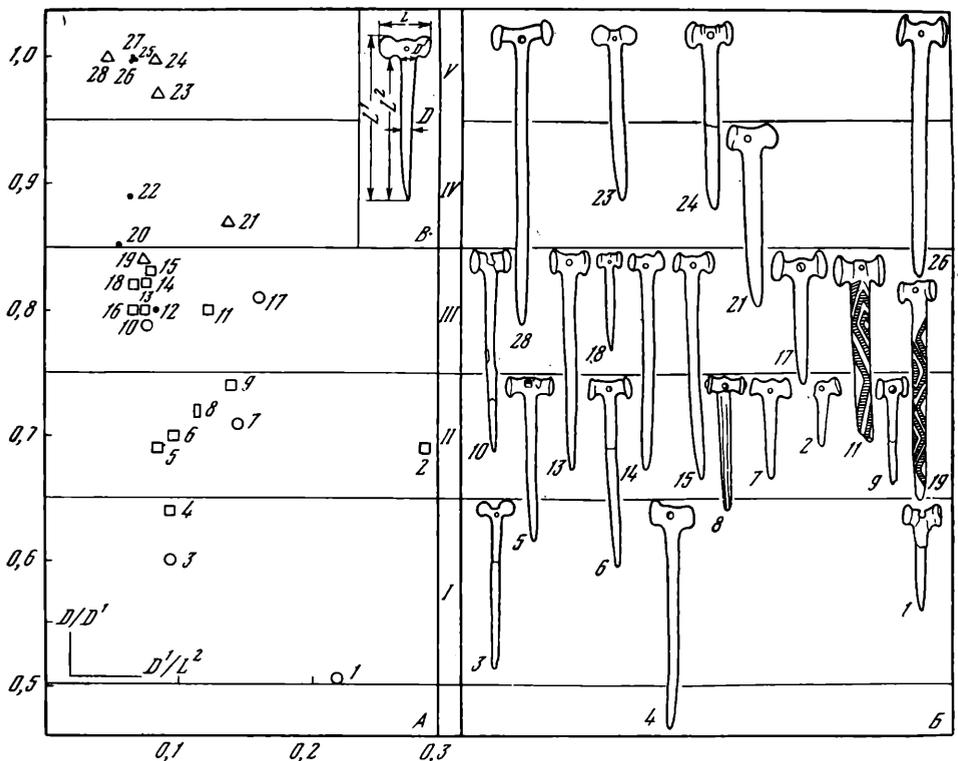

Рис. 2. Классификация костяных причерноморских молоточковидных булавок
 А — график корреляции основных характеристик булавок; цифры по оси абсцисс означают отношение диаметра стержня под головкой к длине стержня; по оси ординат отложены значения отношения D/D' ; Б — классификация булавок; I—V — стадии развития булавок. Кругами обозначены булавки из катакомбных погребений; квадратами — из правобочных захоронений; треугольниками — из ямных погребений; точками — из погребений неопределенной формы могилы; прямоугольником — из погребения с вытянутым труположением; В — основные позиции, при которых производились замеры параметров булавок. Нумерация причерноморских булавок сохранена та же, что и на рис. 1, А. Масштаб — ок. 1/2 н. в.

стержень. Навершие таких булавок характеризуется отношением L/D , колеблющимся в широком интервале значений от 5,6 до 2,6. Различаются эти булавки по отношению D/D' , которое колеблется от 0,9 до 0,48.

Булавки с цилиндрическим стержнем Северного Причерноморья различаются между собой лишь по величине головки (это различие выражено отношением L/D). Причерноморские булавки с коническим стержнем варьируют и по относительной величине головки, и по степени укороченности стержня. Зависимость между характеристиками в серии причерноморских булавок такая же, как в серии предкавказских: чем больше D/D' , тем меньше L/D (рис. 1, Б). По отношению D/D' причерноморские булавки резко отличаются от предкавказских. Диаметр в средней части стержня (D) у предкавказских булавок всегда равен или больше диаметра стержня под головкой (D'). Наибольшее количество булавок предкавказской серии имеет отношение D/D' в интервале от 1,2 до 1,3 (рис. 1, Б). Общая амплитуда колебаний указанных отношений находится в интервале от 1,0 до 1,75. У причерноморских булавок отношение D/D' равно или меньше 1,0 (от 1,0 до 0,48). У наибольшего количества булавок (16) отношение D/D' находится в интервале от 0,9 до 0,7; пока не обнаружено экземпляров с отношением D/D' в пределах от 0,98 до 0,9 (рис. 2).

Различия между формой стержня предкавказских и причерноморских булавок прослеживаются при составлении гистограммы (рис. 1, Б), указывающей число экземпляров, имеющих значение отношения в определен-

ном интервале. Сопоставление гистограмм показывает, что отношения D/D^1 у обеих групп различные и имеют соприкосновение лишь в интервале от 0,9 до 1,0¹⁴, а точнее в значении D/D^1 $1,0 \pm 0,02$ составляют пятую часть в той и иной группе: 20,1% (12 экз.) от числа всех (58 экз.) предкавказских булавок и 20,7% от числа (29) булавок из Причерноморья.

Если выделить группу булавок с цилиндрическим стержнем ($D/D^1 = 1,0$), то причерноморские булавки по отношению D/D^1 не имеют точек соприкосновения с предкавказскими экземплярами. Близкие отношения основных параметров (L/D и D/D^1) у булавок с цилиндрическим стержнем в Причерноморье и Предкавказье указывают на отсутствие типологических различий между поделками подобного типа в обоих регионах. Значительное число этих булавок, а также резкое отличие основной массы причерноморских экземпляров (с коническим стержнем) от предкавказских (с линзовидным стержнем) позволяет булавки с цилиндрическим стержнем выделить в отдельный тип. Таким образом, в соответствии со значениями D/D^1 можно выделить три типа в серии костяных молоточковидных булавок в Причерноморье и Предкавказье.

Первый тип представлен булавками с цилиндрическим стержнем (D/D^1 принимает значения $1 \pm 0,02$) и длинной головкой (L/D принимает значения от 5,6 до 3,2 для причерноморских экземпляров и от 5,0 до 2,8 для предкавказских) (рис. 3, 2, 3, 8).

Второй тип (причерноморский) представлен булавками с коническим стержнем (D/D^1 принимает значения от 0,9 до 0,48), с массивной длинной головкой (L/D принимает значения от 5,6 до 2,6); распространен только в причерноморских степях (рис. 3, 4—7).

Третий тип (предкавказский) представлен булавками с линзообразным стержнем (D/D^1 принимает значения от 1,1 до 1,75), с короткой относительно первых двух типов головкой (L/D колеблется в интервале значений от 3,3 до 1,3; распространен только в Предкавказье) (рис. 3, 9—11).

Хронологическое соотношение I типа булавок с III типом (предкавказским) рассматривается в работе В. А. Сафронова¹⁵. Булавки I типа были обнаружены лишь при погребениях на спине с подогнутыми в коленях ногами, в ямах подпрямоугольной или овальной формы. Булавки III типа обнаруживаются в Предкавказье при погребениях, совершенных по аналогичному обряду, либо на спине, в катакомбных могилах (рис. 1). В результате исследования было установлено, что наиболее древними булавами являются экземпляры с цилиндрическим стержнем и длинным навершием (рис. 1, 73—86), которые выделены в I тип. Булавки, относимые к III типу, являются хронологически более поздними.

Для решения вопросов происхождения подобных изделий необходимо также установить соотношение между I и II (причерноморским) типами костяных молоточковидных булавок. Булавки I типа (рис. 1, 23, 24, 26—28) обнаружены в древнейших погребениях, совершенных по обряду, аналогичному для предкавказских древнейших погребений (на спине, с подогнутыми в коленях ногами, в прямоугольных и овальных ямках, с ориентировкой в северо-восточном секторе). Булавки типа II обнаруживались как в древнейших захоронениях (рис. 1, 2, 19, 21), так и в погребениях на правом боку, в ямах (рис. 1, 2, 4—6, 9, 11, 13—18). Часть булавок (7 экз.) была найдена в катакомбах (рис. 1, 1, 3, 7, 10, 11, 17). Стратиграфия курганных памятников в районах, где были найдены булавки (Приазовье, Крым, Херсонщина), не позволяет определить соотношение между захоронениями на боку в ямах и катакомбными погребениями.

В курганах Северного Причерноморья погребения в ямах на спине, с подогнутыми в коленях ногами занимали более древнее положение от-

¹⁴ Лишь две булавки (IV стадия) из Предкавказья имеют отношение D/D^1 , равное приблизительно 0,9.

¹⁵ В. А. Сафронов. Классификация... стр. 42—47.

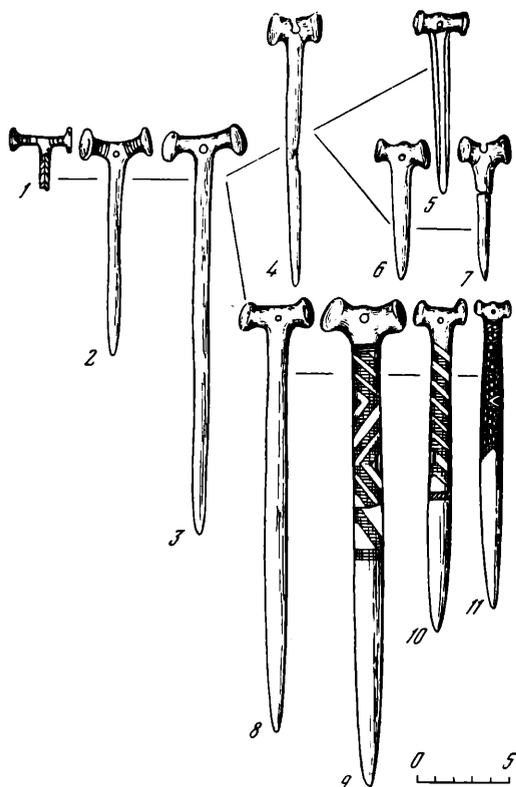

Рис. 3. Происхождение костяных молоточковидных булавок

1 — с. Корнис Южной Осетии; 2 — у ст. Минутка, у Кисловодска; 3, 4 — Северный Крым, Красноперекоск, 1/44, 9/12; 5 — с. Новоселки, 26/1; 6 — с. Марьяновское, 4/3, Днепропетровская обл.; 7 — с. Мартыновка, 2/23, Крымская обл.; 8 — Калмыцкая АССР; Архаринский могильник, 38/1; 9, 10 — Лолинский могильник, 16/1, 8/2; 11 — Архаринский могильник, 17/3

носителю захоронений на правом боку в ямах и катакомбах. Так, в Крыму, в пяти курганах, где основными были погребения в ямах на спине, скорченно, впускными являлись погребения в катакомбах¹⁶, и на правом боку (в девяти курганах¹⁷ — 15 погребений на правом боку).

В десяти курганах Херсонской области¹⁸, где основные погребения содержали скелеты на спине в скорченном положении, были «впущены» 26 погребений в катакомбах и 13 погребений на правом боку в ямах. Таким образом, булавки I типа обнаружены в древнейших погребениях и на территории Северного Причерноморья. Материал, типологическое сходство булавок I типа в Причерноморье и Предкавказье, нахождение их в одинаковых по обряду погребениях в древнейших памятниках позволяют утверждать, что костяные молоточковидные булавки имели единое происхождение (рис. 3, 2, 3) и на некотором отрезке времени — и единую линию развития (рис. 2, 19, 23—28). В эволюции булавок в дальнейшем усматривается отступление от первоначальных образцов, причем развитие формы костяной молоточковидной булавки происходит по разным путям в Предкавказье и Причерноморье (рис. 3, 4—7 и 3, 8—11). В Предкавказье изменение формы булавок шло по пути уменьшения навершия и приобретения линзовидной формы стержня. Эволюция причерноморских булавок может быть проиллюстрирована графиком корреляции отношения D/D^1 и L/D (рис. 1, 1—28). На графике достаточно четко заметны две

¹⁶ Бабенково, к. 1, 2, 3; Красноперекоск, к. 14; Мартыновка, к. 6.

¹⁷ Бабенково, к. 1, 2, 3, 4; Красноперекоск, к. 1, 4, 5, 13; Мартыновка, к. 6. Материалы приведены по книге А. А. Щепинский, Е. Н. Черепанова «Северное Присивашье в V—I тыс. до н. э.». Симферополь, 1969.

¹⁸ Село Цукур, к. 1; Чаплинка, к. 2 (в 13 км), к. 2 (в 6 км); совхоз «Коминтерн», Голопристанского района, к. 2; село Красное, к. 4, 5, 6; Голая пристань, село Новочерноморье, к. 1, 2, 3, 4, 6, 7, 8.

группы значков, одни из которых вытянуты по вертикальной оси с одинаковым значением D/D^1 , равным 1,0 (рис. 1, 24—28). Для другой группы булавок (D/D^1 меньше 0,9) наблюдается некоторая закономерность размещения на графике: экземпляры с массивной головкой и коротким коническим стержнем находятся в левом верхнем углу, экземпляры со слабо выраженным коническим стержнем и относительно небольшим навершием находятся в правом нижнем углу. Другими словами, для группы булавок (рис. 1, 1—22) (II тип) наблюдается отрицательная корреляция между отношениями параметров D/D^1 и L/D . Обе линии развития причерноморских булавок (I и II типы) связываются между собой через экземпляры № 19, 21, 23, 24, имеющие одинаковые параметры L/D и близкие значения D/D^1 . Эти экземпляры сближаются и по хронологическому положению: они были найдены в древнеямных погребениях.

Более четкое отличие древнейших экземпляров от II типа причерноморских булавок было выявлено благодаря построению графика, на осях которого откладывались значения отношения параметров, характеризующих изменение стержня булавок (от цилиндрического к коническому): D^1/L^2 по оси абсцисс и D/D^1 по оси ординат. Древнейшие экземпляры, происходящие из древнеямных погребений, с большим навершием и со стержнем, близким к цилиндрическому, расположились в левом верхнем углу, тогда как булавки с коническим стержнем, найденные в катакомбах, в правом нижнем углу. Между отношениями параметров D/D^1 и D^1/L^2 наблюдается также отрицательная корреляция. Этот график показал, что действительно две линии развития, выявившиеся на рис. 1, связываются между собой через экземпляры № 19 и 21 из древнеямных погребений. Для удобства описания выделены формы причерноморских булавок в развитии. Как и при классификации предкавказских молоточковидных булавок, проведем через равные интервалы (0,1) прямые линии. Полученные стадии I—V соответствуют определенным интервалам значений D/D^1 .

Таким образом, в результате исследования наметились тенденции развития булавок двух указанных регионов — Причерноморья и Предкавказья, выявлен древнейший тип этих булавок (соответственно рис. 3, 3, 4, 2). Количество наиболее древних булавок в древнеямных комплексах в Предкавказье значительно превосходит аналогичную серию в Причерноморье. Этим доказываются приоритет Предкавказья перед другими степными районами Восточной Европы. Форма наиболее древних образцов с обеих территорий не свойственна материалу, из которого они изготовлены (кость): длинные и тонкие головка и стержень должны были легко ломаться, а изготовление их требовало большой затраты труда. Формы таких булавок восходят к металлическим булавкам из Сачхере. Однако у последних значительно больше отношение L/D (от 8,0 до 10,0). находка булавки типа Сачхере из села Корнис (Южная Осетия) показала, что некоторые сачхерские образцы имеют такое же отношение L/D (5,5), как и некоторые экземпляры костяных молоточковидных булавок (рис. 3, 2). Орнаментация на булавке из села Корнис почти тождественна орнаментации на навершии экземпляра со ст. Минутка, у Кисловодска. Таким образом, через указанные два экземпляра может осуществляться сопоставление большой серии костяных молоточковидных булавок Предкавказья и Причерноморья и металлических Т-образных булавок типа Сачхере в Закавказье и центральной части Северного Кавказа.

Сачхерские булавки происходят из комплексов раннебронзового века конца III тыс. до н. э. в Закавказье, начала II тыс. до н. э. на Северном Кавказе, причем в инвентаре северокавказских комплексов с металлическими Т-образными и костяными молоточковидными булавками содержатся одинаковые предметы¹⁹.

¹⁹ В. А. Сафронов. Хронология памятников II тыс. до н. э. юга Восточной Европы. Автореферат канд. дисс. М., 1970.

С. В. ОШИБКИНА

КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
ПОЗДНЕКАРГОПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Переходный период от эпохи бронзы к раннему железу в волго-онежском междуречье оказался временем сложения яркой и своеобразной культуры, получившей название позднекаргопольской в отличие от каргопольской культуры эпохи неолита¹.

В свое время эти материалы были включены М. Е. Фосс в каргопольскую культуру в качестве ее третьего этапа и датированы VII—V вв. до н. э. При этом было отмечено, что население, оставившее стоянки эпохи раннего металла, не имело генетической связи с предшествующим ему в этом районе неолитическим населением². Одной из причин такого объединения послужила постоянная смешанность неолитического и позднекаргопольского слоя на стоянках, что М. Е. Фосс объясняла ограниченным числом мест, удобных для поселения в озерном крае с болотистыми низинами.

Впоследствии количество стоянок эпохи раннего металла увеличилось. А. Я. Брюсовым были открыты и исследованы стоянки Селище и Кубенино II, где позднекаргопольский слой не смешан с другими материалами³. Известны также стратифицированные памятники, где неолитический слой перекрыт слоем позднекаргопольским (Андозеро II, Погостище II) и чистые комплексы неолитической каргопольской культуры (Бревенник, Вещозеро и др.)⁴.

Новые данные позволяют составить характеристику позднекаргопольской культуры и датировать ее.

Территория распространения позднекаргопольских стоянок охватывает большую часть озерного края, включая бассейны озер Воже, Лача, Андозеро (рис. 1). Всего насчитывается 16 стоянок, что заметно меньше числа неолитических каргопольских памятников на той же территории. Особое значение имеет стоянка Селище, которая представляет собой однослойный и хорошо изученный памятник. Материалы Селища послужили в известной степени контрольным комплексом при типологическом выделении позднекаргопольских материалов на смешанных стоянках.

Наиболее массовым вещественным материалом на позднекаргопольских памятниках является керамика (рис. 2), хорошо представлены костяные орудия, встречены изделия из металла и камня.

¹ П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге. М., 1966, стр. 144; С. В. Ошибкина. Племена Восточного Прионежья в эпоху раннего металла. Канд. дисс., 1966.

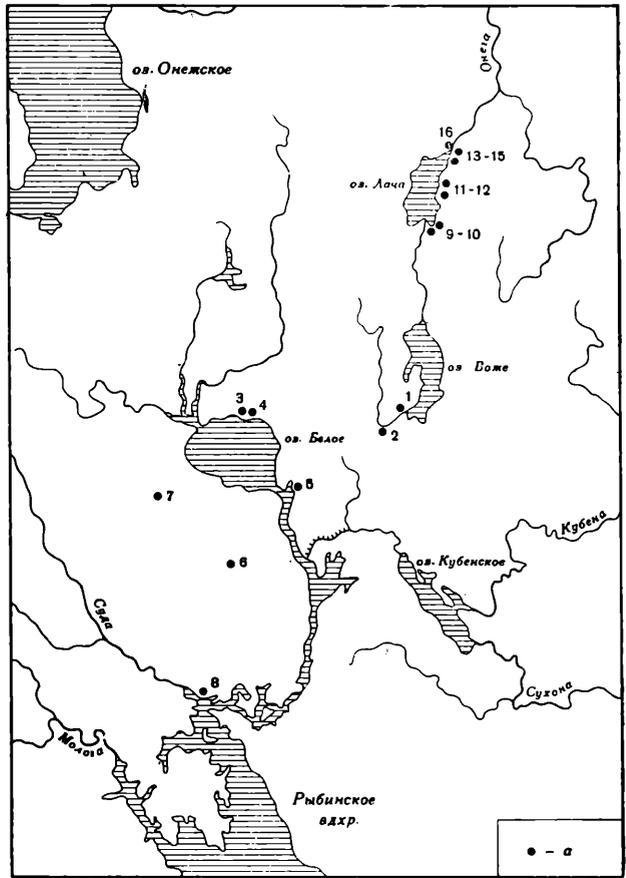
² М. Е. Фосс. Древнейшая история севера Европейской части СССР. МИА, № 29, 1952, стр. 78—119.

³ А. Я. Брюсов. Отчеты Вологодской экспедиции 1957—1961 гг. Архив ИА, коллекция ГИМ.

⁴ С. В. Ошибкина. Отчеты о работе Череповецкого отряда в 1968—1969 гг. Отчеты о работе Северного отряда в 1970—1971 гг. Архив ИА.

Рис. 1. Карта распространения позднекаргопольских стоянок

а — стоянка; 1 — Селище; 2 — Погостище II; 3 — Водоба; 4 — Водоба II; 5 — Шексна; 6 — Яковлево; 7 — Андоверо II; 8 — Торопово; 9 — Попово; 10 — Верхнее Веретье; 11 — Кинема; 12 — устье Ольги; 13 — устье Ольженицы; 14 — Кубенино; 15 — Кубенино II; 16 — Маяк

Керамика изготавливалась из хорошо отмученной глины с примесью дресвы и уже по внешнему виду отличается от неолитической керамики с ее грубой примесью. В способе обработки поверхности сосудов с течением времени происходили изменения. Для керамики ранней поры характерно заглаживание поверхности. Постепенно распространяется заглаживание сосуда, похожее на штриховку, что иногда приобретает декоративный характер.

Орнаментировалась только верхняя часть сосуда, преимущественно его шейка. Преобладали узоры из отпечатков длинной гребенки, дополненные другими элементами орнамента. При всем своеобразии позднекаргопольских орнаментальных мотивов в них заметно сходство с узорами, получившими распространение в эпоху поздней бронзы.

Переход к штриховке поверхности сосудов сопровождался упрощением орнамента. При этом некоторые узоры характерны для ранних и поздних стоянок и имеют устойчивые традиции. Это в первую очередь относится к орнаменту, включающему отпечаток, напоминающий перевернутую каплю («слезки»). Такие отпечатки известны под названием двузубого орнамента, хотя иногда встречаются отпечатки по три и очень редко по четыре «слезки». Узоры из длинной гребенки и двузубый орнамент чаще применялись на ранней керамике с заглаженной поверхностью, на штрихованных сосудах поздней поры они очень редки. Длительное употребление традиционных орнаментов или их элементы позволяет считать, что изменение способа обработки поверхности сосудов происходило в рамках единой культуры и имело хронологический характер. В поздний период, в VII—V вв. до н. э., получили распространение новые элементы орнамента — от-

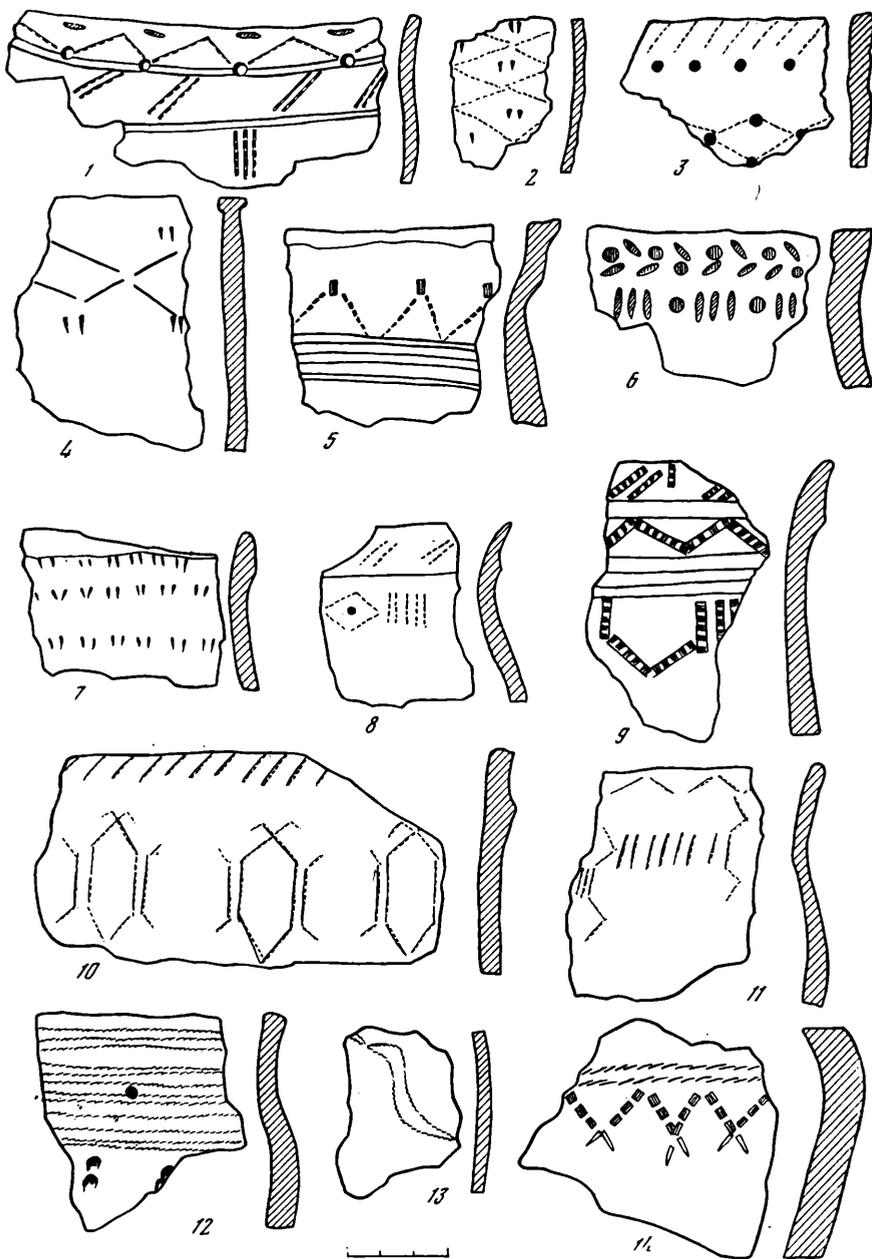

Рис. 2. Образцы керамики

1, 4, 5 — с заглаженной поверхностью; 2, 3, 6 — с сетчатой; 7, 8, 12—14 — со штрихованной (1, 6, 8 — Кинема; 4 — Кубеяно; 7 — Кубеяно II; 2, 3, 5 — В. Веретье; 9—14 — Селище)

печатки веревочки, неправильных ямок и веревочного узелка или лапки.

Позднекаргопольская керамика плоскодонная. Удалось восстановить форму мелких сосудов, которые не отражают полностью разнообразия керамических форм. Мелкие сосуды напоминают низкие чаши со слегка выраженной шейкой или прямые. Крупные сосуды имели плоское дно с закраинами, напоминающими своеобразный поддон (рис. 3, 6—9). Такие формы особенно характерны для ранних стоянок, а позже появляются более массивные сосуды с простым плоским дном (рис. 3, 10—12). Оба

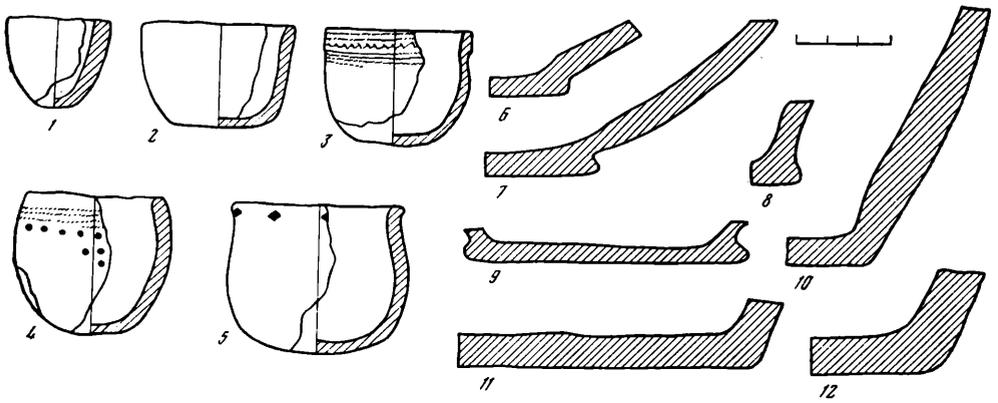

Рис. 3. Миниатюрные сосуды и донные части крупных сосудов
1, 2, 5, 7 — В. Веретье; 4 — Водоба; 3, 6, 8, 10 — Селище; 9 — Попово

способа оформления донной части посуды применяются на самых поздних стоянках.

Особое место занимает так называемая сетчатая керамика. Ее количество на позднекаргопольских стоянках невелико и колеблется от 0,8 до 16,5%. Наибольшее количество сетчатой керамики приходится на стоянки, которые можно считать ранними.

В орнаментации сетчатой керамики преобладают узоры эпохи поздней бронзы, известные на позднефатьяновской и поздняяковской керамике⁵. К середине I тыс. до н. э. сетчатая керамика на позднекаргопольских стоянках встречается реже, но все-таки имеются фрагменты сетчатой посуды с отпечатками веревочки.

Судя по керамике время сложения позднекаргопольской культуры можно отнести к более раннему времени, чем было принято считать. Наиболее ранние стоянки должны быть датированы последними веками II тыс. до н. э. Следует отметить, что в орнаментах этих ранних стоянок (Кубенино II, Кинема) отсутствуют узоры, выполненные веревочными отпечатками. Обычно эти элементы орнамента связывают с ананьинской культурой и датируют VII—V вв. до н. э. То же можно сказать о появлении таких деталей оформления посуды, как валики и воротнички.

Костяной инвентарь представлен орудиями для ловли рыбы и стрелами. Среди рыболовных орудий встречены мелкие костяные крючки, остроги (рис. 4, 15), гарпуны. Костяные стрелы нескольких типов: мелкие игловидные, биконические, однокрылые, симметричные черешковые, тупые (рис. 4, 1—7). К наиболее ранним типам можно отнести игловидные и биконические стрелы с поперечным желобком (рис. 4, 2, 5).

Каменные орудия еще не вышли из употребления, но имели второстепенное значение. Об этом говорят однообразие форм и небрежная обработка орудий. На позднекаргопольских стоянках найдены массивные, грубо обработанные стрелы с черешком, скребки, орудия, напоминающие клинья.

Изделия из металла насчитываются единицами: три железных стрелы, крючок, ручка бронзового котла. Но в период наибольшего развития позднекаргопольской культуры широко применялись железные орудия,

⁵ Н. Н. Гурина. Древняя история северо-запада Европейской части СССР. МИА, № 87, 1961, рис. 194, 195; А. Л. Никитин. Дикариха. «Труды Горьковской экспедиции». МИА, № 110, 1963, стр. 217, рис. 18—26; О. С. Гадзяцкая и Д. А. Крайнов. Новые исследования неолитических памятников Верхнего Поволжья. КСИА, вып. 100, 1965, стр. 36, рис. 15, 4, 5, 8; O. Bahder. Kulturen der Bronzezeit in Zentralrussland. SMYA, 59 : 1, 1957. Helsinki, Abb. 11, 9.

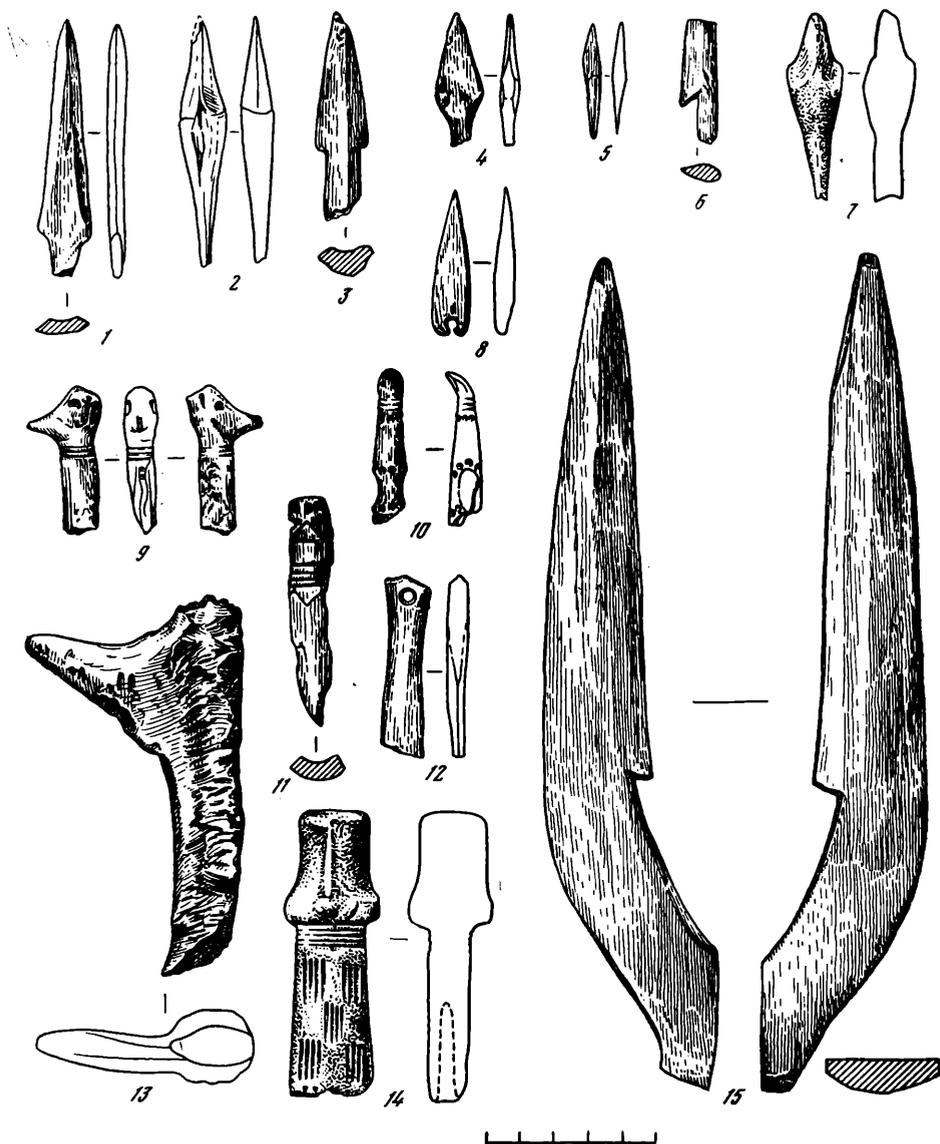

Рис. 4. Костяные изделия

1-7 — наконечники стрел; 8 — игла; 10-12, 14 — рукояти ножей и шильев; 15 — острога; 9, 13 — скульптурное изображение птицы

о чем свидетельствуют находки костяных рукоятей, ножей и шильев. Прямые аналогии этим изделиям известны в дьяковских городищах⁶. Возможно, что ножи и шилья являлись привозными вещами, хотя можно допустить их местное производство по привозным образцам. Несомненно, что позднекаропольское население освоило выплавку металла и изготовление изделий из него. О способах местного производства металла дает представление железоплавильный горн, обнаруженный на стоянке Ольский (мыс у Каргополя)⁷, а также находка льячки на стоянке Яковлево⁸.

⁶ С. В. Ошибкина. Костяные рукояти из позднекаропольских стоянок. СА, 1968, № 4.

⁷ О. В. Овсянников, Г. В. Григорьева. Железоплавильный горн на стоянке Ольский мыс. КСИА, вып. 102, 1964.

⁸ С. В. Ошибкина. Стоянка Яковлево Вологодской области. СА, 1966, № 1.

Основой хозяйства позднекаргопольских племен являлись охота, рыбная ловля, а также разведение домашних животных. Остеологический анализ костных остатков со стоянки Селище показал, что охота велась на крупных животных. По этому виду хозяйства позднекаргопольская культура ближе дьяковской, чем ананьинской культуре, где преобладала пушная охота.

На позднекаргопольских стоянках середины I тыс. до н. э. найдены кости домашних животных — крупного и мелкого рогатого скота, лошади и собаки. Поселения даже самого позднего времени не имели укреплений, хотя существовали в период создания укрепленных городищ на соседних территориях.

Как уже говорилось, время возникновения позднекаргопольской культуры по орнаментации керамики определяется концом II тыс. до н. э. Эту дату подтверждают и другие данные. Пыльцевой анализ на стоянке Селище позволил А. Я. Брюсову датировать ее началом I тыс. до н. э.⁹

В расположении позднекаргопольских стоянок наблюдается некоторая закономерность. Они обычно находятся в местах, не пригодных для заселения в настоящее время, но заселявшихся в эпоху раннего неолита¹⁰. Видимо, климатические и природные условия существования позднекаргопольской культуры были сходны с соответствующими условиями эпохи неолита в первой половине III тыс. до н. э., когда наблюдался период пониженной увлажненности, а стоянки располагались на самых низких местах. Можно считать, что освоение позднекаргопольским населением Озерного края проходило в период максимально теплого и сухого климата второй половины II тыс. до н. э. Известно, что влажный климат II тыс. до н. э. в основном закончился к середине тысячелетия.

Наиболее сухим периодом были 1200—1000 гг. до н. э.¹¹ Явление это иногда именуют ксеротермом¹². Только в условиях сухого и теплого климата позднекаргопольские племена могли существовать в ныне затопляемых низинах и вести хозяйство, связанное с разведением домашнего скота.

Теплый и сухой период около 850 г. до н. э. стал несколько более влажным и холодным, хотя и был теплее современного. А в 700—800 гг. до н. э. по сухим слоям торфяников Северной Европы зафиксирован очередной короткий засушливый период, вслед за которым пришло быстрое и сильное повышение увлажненности. Некоторые исследователи считают, что в Центральной и Северной Европе около 500 г. до н. э. повышение увлажненности климата и его последствия имели катастрофический характер и сопровождалось сильным подъемом уровня озер, наводнениями, изменением конфигурации берегов Северного, Немецкого и частично Балтийского морей¹³. Резкое ухудшение климата распространилось не только на всю Европу, но также на Западную Сибирь и Казахстан, где отмечено затопление торфяников, гибель на них лесов, превращение торфяников в озера¹⁴.

Для позднекаргопольской культуры ухудшение климата и подъем уровня озер, видимо, оказался решающим. Места поселений были оставлены. Верхняя дата культуры определяется V—IV вв. до н. э.

Считалось, что позднекаргопольская культура сложилась на основе населения, продвинувшегося в волого-онежское междуречье с ветлужско-камских городищ в VII—V вв. до н. э.

⁹ А. Я. Брюсов. Караваяевская стоянка. «Сборник по археологии Вологодской области». Вологда, 1961, стр. 82.

¹⁰ Имяются в виду стоянки неолитической каргопольской культуры III тыс. до н. э., ранний период которой датируется первой половиной III тыс. до н. э.

¹¹ К. Брукс. Климаты прошлого. М., 1952, стр. 274, 277, 282.

¹² А. В. Шнитников. Изменчивость общей увлажненности материков северного полушария. «Записки географического общества Союза ССР», т. 16, новая серия. М.—Л., 1957, стр. 261.

¹³ К. Брукс. Указ. соч., стр. 278—282.

¹⁴ А. В. Шнитников. Указ. соч., стр. 268.

Тот факт, что формирование культуры относится к более раннему времени, а крупные поселения известны уже в начале I тыс. н. э., снимает вопрос о решающей роли камско-ветлужских племен в этом процессе. Нужно думать, что основу позднекаргопольской культуры составило население эпохи поздней бронзы, о котором мы имеем лишь отрывочные сведения. Наиболее ранними компонентами позднекаргопольской материальной культуры является сетчатая керамика эпохи бронзы, отдельные находки каменных сверленных топоров, керамики позднефатьяновского облика, бронзовый кельт со стоянки Кинема¹⁵. Все это говорит о проникновении в волго-онежское междуречье новых групп населения в течение II тыс. до н. э., несмотря на чрезвычайно неблагоприятные природные условия. Памятники этого времени нам неизвестны, кроме остатков кратковременной стоянки на самой высокой части местности Вшивая Тоня, где найдены фрагменты сетчатого сосуда с орнаментом из отпечатков гребенки и жемчужин по шейке и наконечник стрелы сейминского типа.

Возвращаясь к вопросу о сетчатой керамике, отметим, что многие исследователи справедливо замечали ее тесную связь с культурами эпохи поздней бронзы¹⁶. Таким образом, население эпохи бронзы, по происхождению близкое к позднефатьяновскому или поздняяковскому населению, составило основу позднекаргопольской культуры. Возможно, этим объясняются ее устойчивые связи с волго-окским населением, что нашло отражение в орнаментации керамики позднего периода, а также сходстве костяных и железных орудий. Особенно интенсивными были эти связи в VII—V вв. до н. э., когда на позднекаргопольских стоянках отмечено влияние и камсковетлужских городищенских культур. Расширением всесторонних связей с ранними дьяковскими и ананьинскими городищами можно объяснить появление в позднекаргопольских орнаментах узоров, свойственных ананьинской культуре.

Не исключено и проникновение с Ветлуги и Камы отдельных групп населения, которое существенно не изменило облика позднекаргопольской культуры.

Дальнейшая история позднекаргопольской культуры неясна. Население оставило приозерные низины, переменило места жительства, что должно было сопровождаться изменениями в хозяйстве и быте, тем более что предыдущий период активных внешних связей подготовил эти изменения. Памятники позднекаргопольской культуры позже V—IV вв. до н. э. неизвестны. Но в керамике белозерских вепсов IX—X вв. изредка встречаются традиционные каргопольские элементы орнамента. Очевидно, население этой культуры долгое время существовало в волго-онежском междуречье, изменив привычные места обитания, хозяйство и материальную культуру, но сохраняя отдельные традиционные черты. Впоследствии оно вошло в состав вепской финно-угорской группы населения.

¹⁵ М. Е. Фосс. Указ соч., рис. 57, 59.

¹⁶ О. Н. Бадер. Культура с «текстильной» керамикой в Северо-Восточной Европе. СА, 1966, № 3.

В. П. ТРЕТЬЯКОВ

СООТНОШЕНИЕ ПОЗДНЯКОВСКИХ ПАМЯТНИКОВ
И КУЛЬТУРЫ СЕТЧАТОЙ КЕРАМИКИ

Наиболее сложными в археологии являются вопросы формирования культуры и определение ее роли в древней истории той или иной области. В полной мере это замечание относится и к так называемой поздняковской культуре, памятники которой известны в Волго-Окском междуречье и в бассейне Средней Волги, и, равным образом, к культуре «сетчатой» керамики, широко распространенной во второй половине II тыс. до н. э. в лесной полосе Европейской части СССР.

Открытие и изучение указанных культур связано с именами В. А. Городцова, А. А. Спицына, Б. С. Жукова, Б. А. Куфтина, О. Н. Бадера, А. Я. Брюсова, Н. Н. Гуриной, П. Н. Третьякова, А. Х. Халикова, Т. Б. Поповой и других исследователей. Одно лишь количество авторов свидетельствует о глубоком интересе, который вызывают эти древности.

В последнее время проблема формирования культуры сетчатой керамики рассматривается в связи с изучением памятников поздняковского типа, что и побудило нас затронуть вопрос о соотношении и возможной взаимосвязи упомянутых древностей.

Поздняковская культура характеризуется памятниками двух типов: поселениями и могильниками. Поселения представляли собой открытые стоянки, расположенные вблизи озер и рек. Мощность культурного слоя, в ряде случаев достигавшая одного-полутора метров (например, на Подборновской стоянке), позволяет рассматривать их как долговременные селения. Могильники нередко располагались вблизи стоянок (например, Коренецкие могильник и стоянка, Малоокуловские курганы и Поздняковская стоянка и др.). Погребения подкурганые (высота насыпи в настоящее время до 1 м) находились в неглубоких ямах (Малоокуловские курганы) или на уровне древнего горизонта без каких-либо могильных ям, в ряде случаев на небольшой подсыпке (Коренецкие курганы). Судя по величине ям, умершие лежали в вытянутом (Малоокуловский, младший Волосовский, Коренецкий могильники) или скорченном положении (Старший Волосовский могильник). В Борисо-Глебовском могильнике встречаются оба типа захоронений. Погребения сопровождалась погребальным инвентарем: посудой, бронзовыми орудиями, изделиями из кремня.

Посуда поздняковской культуры изготовлялась из глины с добавлением в тесто неорганических остатков (размельченный кварц, песок). Сосуды имели уплощенное или четко выраженное плоское дно, прямой или профилированный венчик. Найдена посуда баночной формы. В ряде случаев встречены небольшие горшочки на поддонах (например, в Коренецких курганах). Орнамент располагался в основном под венчиком. Среди орнаментальных композиций мы видим меандровые узоры, «жемчужины», сочетания горизонтальных зигзагов и поясков, ряды треугольников, фестоны с опущенными вниз вершинами, ряды ямочных вдавлений.

Для памятников поздняяковской культуры характерны находки бронзовых изделий. Особенно много их было найдено при исследовании Младшего Волосовского и Борисо-Глебовского могильников. Здесь были встречены кельты, двулезвийные ножи, копья сейминского типа, браслеты, бляшки, всевозможные подвески, бусы и т. п. На Алехановской стоянке, кроме того, была обнаружена бронзовая булава. На Подборновской, Поздняковской и Алехановской стоянках найдены следы металлургического производства — литейные формы, льячки и шлаки. Изделия из камня представлены терочниками, кремневыми скребками, наконечниками стрел, ножами, проколками, отбойниками и др. При раскопках седьмого Коренецкого кургана были найдены точильный брусок и каменная булава.

Исследование орудий производства и остеологических остатков на памятниках поздняяковской культуры свидетельствует о том, что основным занятием ее носителей были охота, скотоводство и земледелие. На стоянках и в погребениях встречены кости домашних животных: лошадей, крупного и мелкого рогатого скота и т. д.

Такова краткая характеристика материалов поздняяковской культуры. Памятники с перечисленными выше изделиями известны в настоящее время в бассейне р. Оки, где, начиная с последнего десятилетия прошлого века и вплоть до настоящего времени, изучались стоянка на дюне «Могилка» близ с. Алеханова, Старший и Младший Волосовские могильники, Подборновская и Поздняковская стоянки, Малоокуловские курганы, Борисо-Глебовский могильник, Коренецкие курганы и стоянка. На Средней Волге за последние годы раскопаны Аккозинское, Шарнейское, Шавское и Безводнинское поселения¹.

По мнению ряда исследователей, материалы поздняяковской культуры обнаружены также при раскопках ряда памятников к северу от бассейна р. Оки: это верхние слои Говядиновского могильника недалеко от г. Костромы, стоянки Липки на р. Клязьме и Дикариха в Ярославском Поволжье, поселение у озера Стойка близ села Саметь, «Пески» (поздний комплекс), Овинцы и другие стоянки в районе г. Костромы².

Знакомясь с материалами указанных памятников, представленными в основном керамикой, мы видим их значительное отличие от того, что нам известно из бассейнов рек Оки и Средней Волги. По-видимому, не будет ошибкой, если мы отметим, что описанные выше поздняяковские черты в Верхнем Поволжье в незначительном количестве содержатся лишь в керамических комплексах Говядиновского могильника, стоянок Липки и Дикарихи. Остальные поселения содержат раннесетчатую керамику, не орнаментированную ни одним из перечисленных выше окских и средневожских поздняяковских узоров.

В чем же причина, позволившая некоторым авторам отнести к поздняяковской культуре поселения с «сетчатой» керамикой? Попытаемся ответить на этот вопрос.

Как установлено исследованиями Б. С. Жукова, О. Н. Бадера, А. Х. Халикова и других³, сетчатая керамика в конце II—начале I тыс. до н. э. появляется на Оке и Средней Волге и в ряде случаев сопутствует богато орнаментированной поздняяковской керамике. По их мнению, сетчатая керамика является одним из компонентов поздняяковской культуры. Если придерживаться этой точки зрения, то отнесение поселений с сетчатой кера-

¹ Т. Б. Попова. Племена поздняяковской культуры. Тр. ГИМ, вып. 44. М., 1970.

² Т. Б. Попова. Происхождение поздняяковской культуры. Тр. ГИМ, т. 37. М., 1960, стр. 45—46; П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.—Л., 1966, стр. 132; Б. С. Жуков. Теория хронологических и территориальных модификаций некоторых неолитических культур Восточной Европы по данным изучения керамики. «Этнография», 1929, стр. 71.

³ О. Н. Бадер. Культура текстильной керамики в Северо-Восточной Европе. СА, 1966, № 3, стр. 32—37; А. Х. Халиков. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы. Тр. МАЭ, ч. I. Йошкар-Ола, 1960, стр. 167—176.

микой к поздняковской культуре окажется вполне объяснимым. Однако, как нам кажется, подобное суждение нуждается в коррективах. Доказательством этому является история сложения поздняковской культуры, а также события, которые привели к возникновению сетчатой керамики. В литературе высказаны две точки зрения относительно формирования поздняковской культуры. Согласно одной из них (Б. С. Жуков, Б. А. Куфтин, О. Н. Бадер, А. В. Эбруева, Т. Б. Попова)⁴, поздняковские древности не являются результатом развития местного волго-окского неолита, а представляют собою дериват культуры степных скотоводов, в основном срубников. При этом указывалось на близость поздняковской и срубной керамики (формы сосудов и ее орнаментация), погребального обряда (курганные могильники, скорченные захоронения), металлических вещей (орудия труда, ножи, копья, кельты, украшения и т. п.). Все эти черты культуры были не знакомы волго-окскому населению. По-видимому, точка зрения относительно пришлого характера поздняковской культуры может быть подкреплена и фактом резкого различия в хозяйственной деятельности неолитических волго-окских и поздняковских племен: если первые из них занимались главным образом охотой и рыбной ловлей, то вторые были хорошо знакомы со скотоводством и, по некоторым данным, земледелием. В то же время хозяйство поздняковцев идентично хозяйству срубников.

Противники описанной выше точки зрения защищают мнение о местном, автохтонном появлении поздняковских племен, опираясь на отдельные отличия погребального обряда поздняковцев и срубников (наличие у первых, кроме скорченных, о чем мы писали, и вытянутых захоронений), что якобы является местной чертой, а также принимая во внимание факты находок значительного количества каменных орудий на поздняковских поселениях, что не было известно у срубников, но характерно для волго-окского неолита⁵.

По-видимому, более верной является первая гипотеза. Близость типа хозяйства у поздняковских племен и срубников, сходство их изделий из металла, в частности украшений, общие черты в погребальном обряде и керамики (форма и орнаментация сосудов), эти важнейшие этнокультурные показатели, на наш взгляд, являются решающими при определении этнического облика поздняковского населения. Некоторые особенности в его материальной культуре (вытянутые захоронения и значительное количество кремневых орудий) можно рассматривать в качестве местного компонента. Но ведь они играли явно подчиненную роль среди всех элементов, слагавших поздняковскую культуру, при бесспорном преобладании привнесенных извне. Все это позволяет полагать, что поздняковская культура возникла благодаря продвижению на север южных скотоводов, ассимилировавших местное население, перенявших у последнего отдельные элементы культуры, сохранив в основном самобытный облик.

И вот на поздних памятниках поздняковской культуры (конец II тыс. до н. э.) появляется «сетчатая» керамика, а на рубеже II и I тыс. до н. э. поселения с последней (уже без всякой примеси богато орнаментированной поздняковской керамики) занимают весь бассейн р. Оки и частично Средней Волги, в то время как поселения с поздняковскими древностями постепенно исчезают. Некоторые исследователи видят в этом процессе трансформацию внешнего облика поздняковской культуры. Однако здесь возможно и иное объяснение.

⁴ Б. С. Жуков. Теория... стр. 71; он же. Новая культура бронзовой поры в бассейне р. Оки, на оз. Подборном, близ г. Касимова Рязанской губернии. МДЦПО. М., 1927, стр. 47; О. Н. Бадер. Бассейн Оки в эпоху бронзы. М., 1970, стр. 59; А. В. Эбруева. Мало-Окуловские курганы. СА, IX, 1947, стр. 211; Т. Б. Попова. Происхождение поздняковской культуры, стр. 38—47.

⁵ А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 66—71; П. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 131.

Прежде всего необходимо отметить, что, если мы считаем сетчатую керамику производным поздняяковской культуры, то было бы естественным ожидать ее появления на памятниках, родственных поздняяковской культуре рубежа II—I тыс. до н. э., и прежде всего срубной. Однако ни на одном из поселений срубной культуры до настоящего времени не обнаружено сетчатой керамики.

Интересные данные по этому вопросу можно получить и сравнивая между собой материалы культур поздняяковской и сетчатой керамики. Памятники культуры сетчатой керамики представляют собой открытые небольшие поселки, при исследовании которых находят редкие остатки металлургического производства, наборы каменных орудий и обломки посуды, украшенной отпечатками ткани и бедными орнаментальными мотивами. Отсутствие курганных могильников со скорченными или вытянутыми костяками, орудий труда, оружия и украшений из бронзы, совершенно непохожие керамические комплексы в значительной степени отличают поздняяковские древности и материалы культуры сетчатой керамики.

Находки сетчатой керамики в одних горизонтах с поздняяковской на некоторых памятниках следует скорее всего объяснить нарушением культурного слоя, который, как правило, состоял из песка незначительной мощности. Факты совмещения разнохарактерных и разновременных материалов в одном песчаном слое широко известны в Европейской части СССР. Не исключено, что в ряде случаев поздняяковское население научилось изготавливать сетчатую керамику в результате какого-либо воздействия со стороны носителей культуры сетчатой керамики. Но и в том, и другом случаях приходится констатировать, что поздняяковская культура и культура сетчатой керамики не связаны друг с другом по происхождению.

По нашему мнению, появление поселений с сетчатой керамикой на р. Оке есть результат постепенного распространения данной культуры в южном направлении, возможно сопровождавшегося процессами ассимиляции местного населения (поздняяковцев).

Подтверждением нашему предположению служат наблюдения над материалами второй половины II тыс.—начала I тыс. до н. э. в Казанском Поволжье. На этой территории в указанный период бытовали памятники приказанской культуры, которая во многом напоминает поздняяковскую, также являясь результатом ассимиляции местного населения степными скотоводами (срубниками).

И вот в конце II тыс. до н. э. на приказанских поселениях аналогично тому, что мы наблюдали на поздняяковских памятниках, появляется сетчатая керамика. А. Х. Халиков отмечал, что последняя была более характерна для западных районов распространения приказанской культуры, а в восточных «текстильная» (сетчатая. — В. Т.) керамика исчезает полностью. Детально сопоставляя материалы стоянок с сетчатой керамикой и поселений приказанской культуры и учитывая неравномерное распространение сетчатой керамики в Среднем Поволжье (постепенное исчезновение ее по мере удаления от основных центров культуры сетчатой керамики — территории Верхнего Поволжья и прилегающих к нему областей), А. Х. Халиков писал, что предположение «о том, что „текстильная“ керамика, распространенная в западных районах приказанской культуры, является местной и особенно характерна для них, представляется необоснованным (курсив наш, — В. Т.). Приказанские памятники последней четверти II тыс. до н. э. этих районов (Займище II, Волжская стоянка, Криюши) почти совершенно не знают ее. Нет подобной керамики и в памятниках чирковско-сейминской культуры. Она появляется и распространяется в Западном Поволжье и казанских районах Среднего Поволжья лишь в конце II и начале I тыс. до н. э., очевидно в результате некоторого сдвига волго-окских племен на восток»⁶.

⁶ А. Х. Халиков. Указ. соч., стр. 165.

Таким образом, в Среднем Поволжье наблюдается та же картина, что и на Оке: сюда проникает сетчатая керамика, но она является чужеродным элементом, не связанным с модификацией местного керамического производства.

Где же искать истоки культуры сетчатой керамики? Многочисленные исследования, проведенные рядом авторов, начиная с рубежа нашего века, позволяют предполагать наличие генетической связи культуры сетчатой керамики и ямочно-гребенчатого неолита. Еще в 1903 г. А. А. Спицын писал: «Несомненно, между черепками местного каменного века (ямочно-гребенчатой керамики. — В. Т.) и черепками городищ дьякова типа имеется тесная связь...»⁷ А. А. Спицыну в то время не были известны материалы селищ с раннесетчатой керамикой, предшествующие эпохе городищ. Такие селища были раскопаны уже в двадцатых годах в основном трудами экспедиции Антропологического института при МГУ. Проследившая взаимосвязь местной ямочно-гребенчатой и сетчатой керамики, Б. С. Жуков назвал их «звеньями прямого цикла развития туземных культур»⁸. По-видимому, данная точка зрения является справедливой⁹. Ее фундаментом служат материалы десятков поселений (Ворокса, Станок II, Ватажка, Изсады, «Под Сопкой» и др.)¹⁰ с керамическими комплексами, свидетельствующими о том, что неолитическую ямочно-гребенчатую керамику и посуду, покрытую отпечатками сетки, роднит как общность формы, так и орнаментация (ямочные и гребенчатые узоры на сетчатой керамике). Примечательно, что сосуды с отпечатком сетки нередко имели округлое дно так же, как и неолитические, а отпечатки сетки очень часто бывает трудно отличить от многорядных оттисков гребенчатого штампа. Некоторые авторы отмечают воздействие и ряда других культур (фатьяновской, поздняяковской и др.) на процесс формирования культуры сетчатой керамики¹¹. Действительно, на фрагментах сосудов таких стоянок, как Ворокса, нижний слой городища у села Городище, нижний слой городища у сел Городок, Ватажка сочетание сетки и ямочно-гребенчатых узоров сопровождается такими мотивами, как отпечатки шнура, фестоны, представляющие собой треугольники из ямок с опущенными вниз вершинами, многорядные зигзагообразные линии, что характерно для поздняяковской и фатьяновской керамики. Однако эти типы орнаментов играли явно подчиненную роль: их мало, а на некоторых поселениях не встречено вовсе (например, Шуньга в Поволжье, а также материалы стоянок в современной Ленинградской области — Изсады, «Под Сопкой», Усть-Рыбежна II и др.). Следует отметить, что памятники с раннесетчатой керамикой в пределах современной Ленинградской области имеют особенно важное значение при выяснении вопроса о происхождении данной культуры, поскольку в Поволжье горизонты, содержащие сетчатую керамику, нередко отделяются от горизонтов с древностями ямочно-гребенчатого неолита слоями с воловскими материалами. На территории Ленинградской области этого нет. Сочетание ямочно-гребенчатой орнаментации и оттисков сетки прослеживается и на посуде со стоянок с территории Эстонии (Акали, Кулламяги — верхние слои), анализ керамики которых позволяет предполагать связь посуды с ямочно-гребенчатой орнаментацией и сетчатой. Интересно, что здесь так же, как и в Ленинградской области, нет никаких следов вли-

⁷ А. А. Спицын. Последний период каменного века в Верхнем Поволжье. ЗОРСА, 1903, т. V, вып. 1, стр. 278.

⁸ Б. С. Жуков. Теория..., стр. 71.

⁹ В. П. Третьяков. Культура ямочно-гребенчатой керамики в лесной полосе Европейской части СССР. Л., 1972, стр. 123—128.

¹⁰ П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья в I тыс. н. э. МИА, № 5, 1941, стр. 18—26; Н. Н. Гурина. Памятники эпохи поздней бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье. МИА, № 110, 1963, стр. 101—164; она же. Древняя история северо-запада Европейской части СССР. МИА, № 87, 1961, стр. 450—500.

¹¹ П. Н. Третьяков. К истории..., стр. 15; Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. САИ, В1—20, 1962, стр. 41—42.

яния степных культур. Однако здесь, по замечанию Л. Ю. Янитса, перера-
стание культуры ямочно-ребенчатой керамики в сетчатую было осложнено
вмешательством племен, изготавливавших посуду со шнуровым орнаментом,
что привело к использованию некоторых шнуровых мотивов местным насе-
лением при украшении своих сосудов¹².

Итак, не отрицая участия поздняяковцев, фатьяновцев, шнуровиков и,
может быть, других племен в процессе сложения культуры сетчатой кера-
мики, мы подчеркиваем, что их роль в этих событиях была второстепенной:
культура сетчатой керамики возникла и в тех районах, где влияние пере-
численных племен не сказывалось. В то же время материалы всех поселений
с раннесетчатой керамикой четко показывают ее генетическое родство с ке-
рамикой, украшенной ямочно-ребенчатой орнаментацией. Все это дает
право полагать, что последняя послужила основой для возникновения по-
суды, украшенной отпечатками сетки.

¹² Л. Ю. Янитс. Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайыги.
Таллин, 1959, стр. 157, 348—349.

А. П. ЖУРАВЛЕВ

О ДРЕВНЕЙШЕМ ЦЕНТРЕ МЕТАЛЛООБРАБОТКИ МЕДИ
В КАРЕЛИИ¹

Буквально до последнего времени характеристика древнейшей медно-бронзовой металлургии в Карелии исчерпывалась лаконичным и мало что говорящим тезисом: «Бронзовая металлургия в Карелии была развита очень слабо: медных и бронзовых изделий встречается очень мало»².

А между тем еще в 30—50-х годах на территории Карелии и Ленинградской обл. А. Я. Брюсовым³ и Н. Н. Гуриной раскопаны памятники, материал которых позволил выделить «эпоху раннего металла»⁴. К ней Н. Н. Гуриной были отнесены стоянки энеолита, бронзы и раннего железного века (Оровнаволок, бронзолитейная мастерская близ Томиц, Оровгуба и т. д.).

В последние годы автором в Карелии раскопана новая группа памятников, относящихся ко времени первого знакомства населения этой территории с медью. Такими стоянками сейчас здесь, кроме открытых Н. Н. Гуриной Войнаволока 9, Оровнаволока, Деревянного I, являются стоянки Вигаинаволока I, Сандермоха I, Пегрема I, Пегрема VII и другие, где вместе с предметами материальной культуры, имеющими в общем-то еще неолитический облик, найдены кусочки меди (рис. 1) и поделки из нее. На стоянке Пегрема I раскопана медеплавильня⁵, в которой плавили медь (рис. 2), о чем свидетельствует обломок тигелька с капельками металла на нем. В данной статье мы рассматриваем северо-западное и северное побережье Онежского озера, где раскопаны стоянки с чистым комплексом ромбически-ямочной керамики, в инвентаре которых найдены также изделия из меди и кусочки самородной меди (рис. 3).

Изделия изготовлены ковкой. Каждое из них имеет индивидуальный облик и не обладает стандартностью типа, отлитого по форме. Все предметы невелики, размеры их различны. Однако взятые вместе они дают возможность представить наиболее характерные черты, отличающие их от предметов других культур раннего металла, например фатьяновских, турбинских и других. Общий облик медных находок (проколка, кольцо, крючки, ножи, пластинки и поделки неясного назначения, а также отходы производства и кусок ковальной меди) довольно отчетливо характеризует начальный этап металлообработки в Карелии и позволяет рассматривать круг вопросов, связанных с этим производством: в каких формах произошло знакомство населения Карелии с металлом, к какому времени относятся здесь начало металлообработки и характер последней.

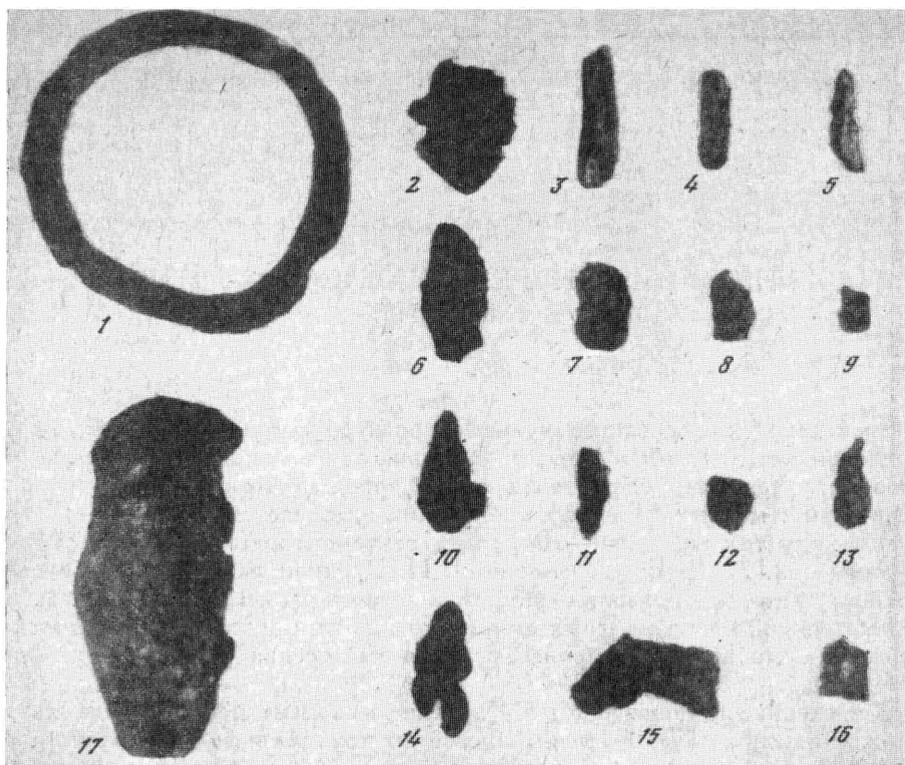
¹ Доклад прочитан на Сессии Отделения истории АН СССР, посвященной полевым археологическим и этнографическим исследованиям в 1971 г. (27 апреля 1972 г.).

² Г. А. Панкрушев. Племена Карелии в эпоху неолита и раннего металла. М.—Л., 1964, стр. 17.

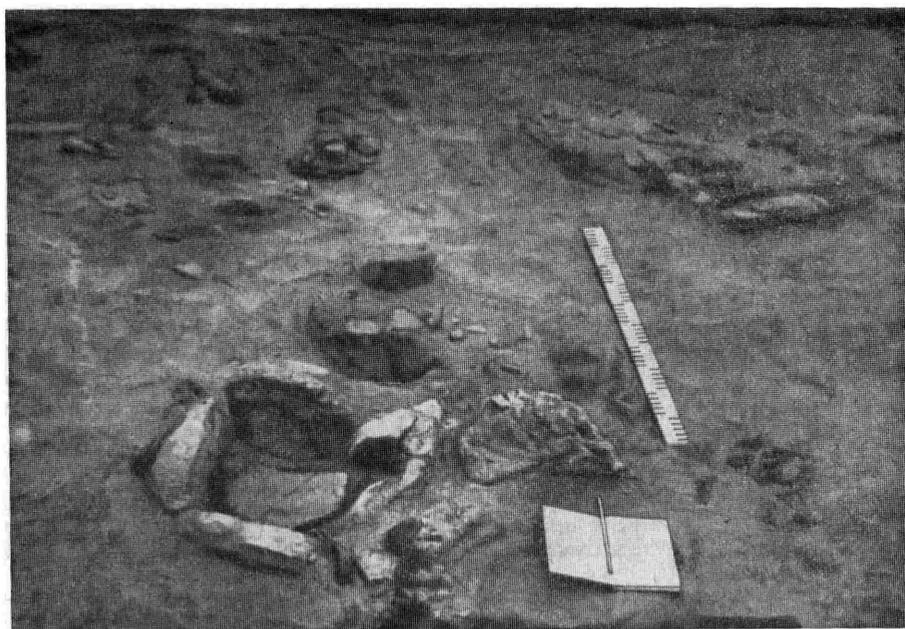
³ А. Я. Брюсов. История древней Карелии. М., 1940, стр. 239—243.

⁴ Н. Н. Гурина. Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР. М.—Л., 1961, стр. 81—112.

⁵ А. П. Журавлев. Древнейшая мастерская по металлообработке меди в Карелии. СА, № 3, 1974, стр. 243—246.

Рис. 1. Медные предметы из энеолитических поселений Карелии
 1 — кольцо (Вийгайनावолок I); 2 — пластинка (Пегрема I); 3 — обломок проколки (Пегрема I);
 4—5 — стерженьки (Пегрема I); 6—16 — пластинки (Пегрема I); 17 — кусок кованой меди (Пегрема I)

Рис. 2. Печь для переплавки меди на стоянке Пегрема I

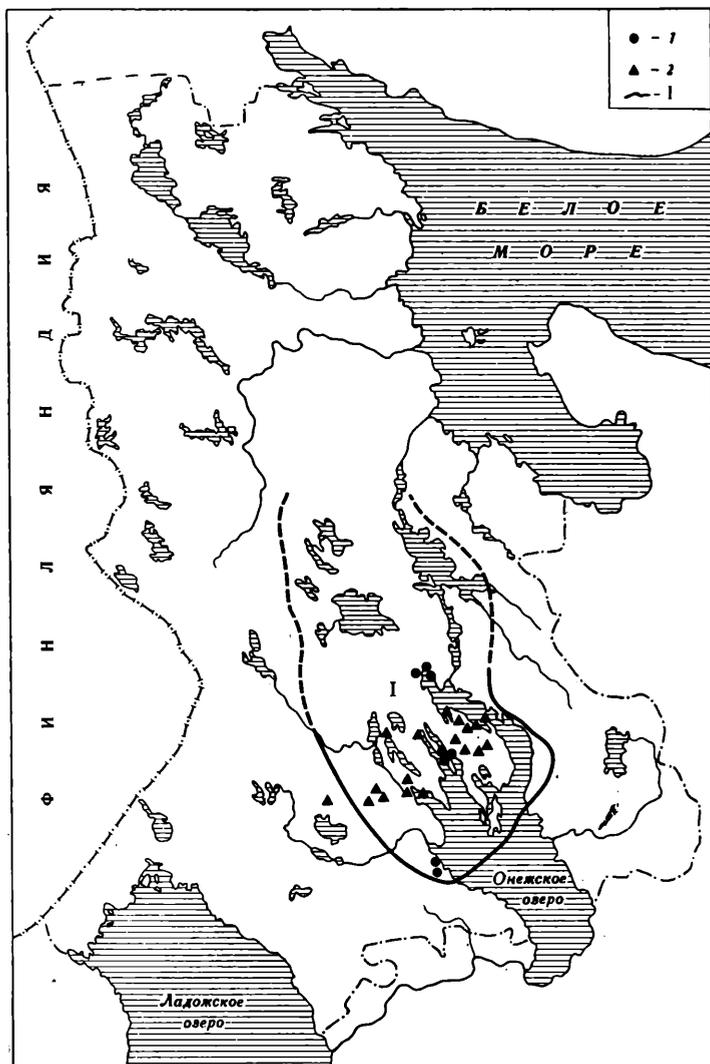

Рис. 3. Карта

1 — центр металлообработки меди в Карелии; 1 — неолитические памятники Карелии с чистым комплексом ромбически-ямочной керамики; 2 — находки самородной меди (нанесены В. И. Горловым)

Медные изделия, а также архаичная медеплавильня из Пегремы дают возможность представить технологию металлообработки в Карелии. Здесь кузнецы сначала воспринимали медь как разновидность красного ковкого камня. Поэтому они пользовались приемами ее обработки, заимствованными от техники обработки орудий предшествующей эпохи (холоднаяковка самородной меди) и уже затем, видимо, освоили ее плавку.

Говоря о начальной стадии изготовления медных орудий в Карелии, охарактеризуем вкратце их сырьевую базу. Карелия, будучи чрезвычайно богатой каменным сырьем, являлась средоточием горного дела еще в неолитическое время, обладая тем самым важной предпосылкой развития металлургии. Энеолитическим горнякам здесь были хорошо известны горные породы, приемы и способы добычи сырья, иными словами — они обладали тем запасом знаний, который был необходим для развития горного дела.

Металлообработка в Карелии зарождается и получает развитие на базе высокого уровня технологии производства каменных орудий, начиная от стадии добычи сырья и первичной обработки и кончая шлифовкой.

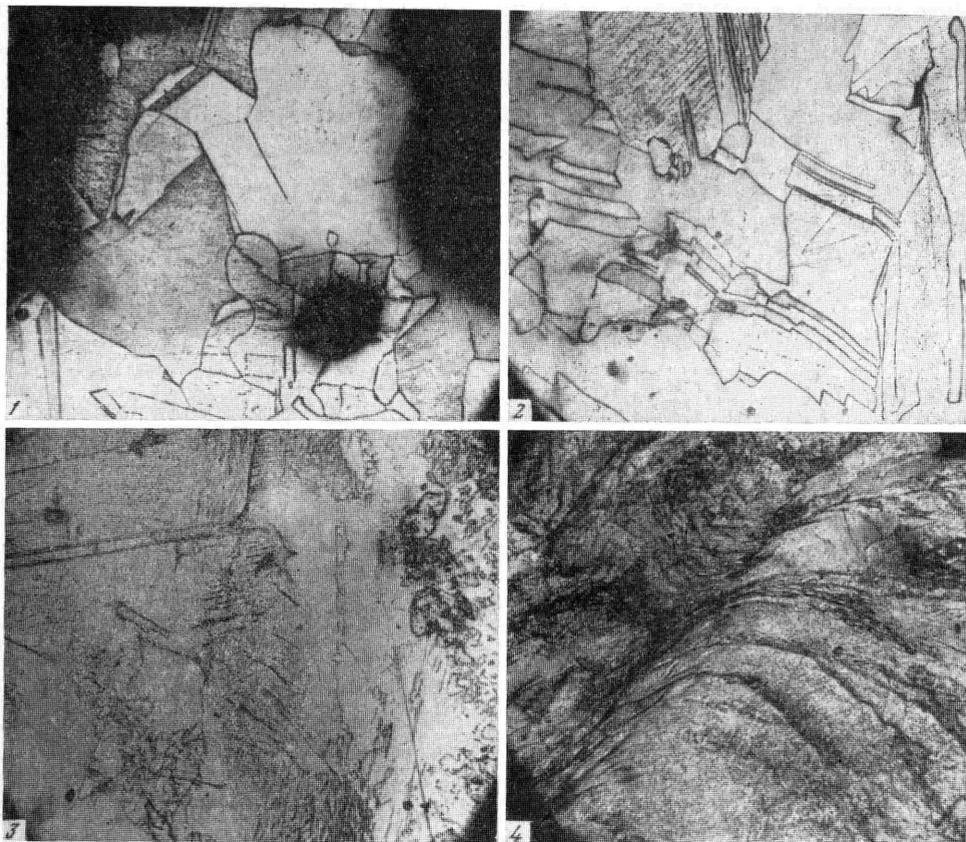

Рис. 4. Микроструктуры шлифов

1 — самородной меди из Пегремы I; 2, 3 — самородной меди из месторождения «Береговое»; 4 — ковanej заготовки из Пегремы I

Напомним, что в энеолите в Карелии появляются жилища — мастерские и даже поселения, в которых зарождается специализация горняков, где возникают зачатки металлообрабатывающего производства и происходит его дальнейшее развитие. Таким поселком является Пегрема I.

Для изучения вопросов развития медной металлообработки в Карелии были проделаны металлографические^{5а} исследования самородной меди из месторождения «Береговое», меди с энеолитического поселения Пегрема I, а также ковanej заготовки и проковки из Пегремы. Образец меди с древнего поселения Пегрема I представляет собой образование неправильной формы с небольшими выступами. После изготовления на одной из плоскостей шлифа обнаружилось, что весь кусок металла состоит из малых частей, разделенных прослойками темно-серого цвета. Металлографическим анализом нетравленного шлифа установлено отсутствие неметаллических включений. Имеется большое количество раковин и пор. Микроструктура этих образцов представляет собой систему зерен различного размера и конфигурации (рис. 4, 1). Границы имеют причудливую форму. Есть двойниковые прослойки. Видны многорядные дислокационные границы, характерные для металла, кристаллизующегося из расплава. Границы зерен четкие, чистые, не содержат неметаллических включений. Микротвердость образца составляет Н-44 кг/мм². Характер микрострук-

^{5а} Анализы сделаны в лаборатории рентгеноструктурного анализа ПГУ Э. Л. Врублевской.

туры говорит о том, что металл этих образцов получен кристаллизацией из расплава. Полное отсутствие неметаллических включений, отсутствие серы⁶ дают возможность считать, что данные образцы являются образцами самородной меди. Анализ микроструктуры самородной меди, найденной в карьере «Береговое» (рис. 4, 2, 3), показывает разнообразие ее структуры в различных сечениях дендрита. Основными чертами являются неправильность формы зерна, наличие большого количества двойниковых прослоек, неоднородность в размере зерен. Сравнение микроструктуры выявляет сходство их у образцов из Пегремы и самородной меди. Микротвердость самородной меди Н-85 кг/мм².

Микроструктура другого образца из Пегремы представлена на рис. 4, 4. Металл был деформирован в холодном состоянии, отчего хорошо заметны вытянутые по направлению течения зерна. Сравнение наименее деформированной области заготовки со структурой недеформированной самородной меди показывает, что заготовка сделана из куска самородной меди. Это подтверждается полным отсутствием неметаллических включений.

Помимо того в спектральной⁷ и химической лабораториях Карельского филиала АН СССР были проделаны анализы 23 предметов с энеолитических поселений Карелии, а также самородной меди из месторождения «Береговое»⁸ (табл. 1). Установлено, что все предметы сделаны из химически чистой меди, причем шесть из них изготовлены из мышьяковистой меди с содержанием мышьяка от 0,03 до 0,5%, остальные — из меди, в составе которой имеются элементы Mg, Mn, Al, Fe, Ca, Sn (в составе самородной меди из месторождения «Береговое» есть элементы Mg, Fe, Al, Si).

Интересно, что в подвергнутых анализу карельских самородках и руде столь большого содержания мышьяка (до 0,5%) не обнаружено. Следовательно, можно допустить, что изделия из мышьяковистой меди могли проникнуть в Карелию из других мест. В этой связи интересна гипотеза Е. Н. Черных, где он считает, что мышьяковистая ташказганская медь распространяется из Зауралья «узким длинным языком» по р. Белой, Каме, вплоть до Верхней Волги⁹. Изделия из этого металла найдены у абашевцев, турбинцев, фатьяновцев и других племен. Не исключено, что возникновение карельской металлообработки объясняется связями с уральской металлургией, откуда медь могла проникнуть в Карелию. Однако справедливость этого предположения зависит от дальнейшего накопления археологического материала и его будущего исследования.

Можно допустить, что, заимствовав идею, древние горняки Карелии развили в дальнейшем металлообработку на базе собственной самородной меди. Тогда же начинает здесь складываться собственный центр металлообработки, и то, что удалось проследить самую раннюю ее фазу¹⁰, придает этому вопросу особое значение.

⁶ Химический анализ сделан в лаборатории Карельского филиала АН СССР Н. В. Укконен.

⁷ Анализы сделаны Э. С. Васильевой.

⁸ За период с 27 апреля 1972 г. по 27 апреля 1973 г. в спектральной лаборатории Института геологии Карельского филиала АН СССР были сделаны анализы 16 образцов самородной меди: из Карелии (9 образцов), Урала (3 образца), Алтая (4 образца). В одном карельском самородке из Соломенного обнаружены следы мышьяка. В них присутствуют те же самые элементы — Mg, Mn, Al, Fe, Ca, Sn. В уральских и алтайских, кроме того, есть элементы Zn и Pb. Получены также четыре даты по C¹⁴ из Пегремы (анализы сделаны в ЛОИА и в Тарту), 4980±60 (ЛЕ 1029), 5145±110 (ТА-541), 4780±50 (ТА-492), 4200±50 (ТА-493) — даты от наших дней. Эти результаты не коррелируются с традиционными представлениями исследователей о датировке памятников с чистым комплексом ромбически-ямочной керамики Карелии. Они значительно удревяняют наш энеолит.

⁹ Е. Н. Черных. Древняя металлургия Урала и Поволжья. М., 1970, стр. 34.

¹⁰ Открыта, очевидно, самая ранняя стадия обработки металла: холоднаяковка самородной меди и переплавка ее. Горячейковки мы пока не нашли. Нет также и следов, свидетельствующих бы об умении древних пегремцев выплавлять медь из руды. Очевидно, на этом этапе исторического развития данный сложный технологический прием был еще не известен кузнецам.

Конечно, открытие местной самородной меди на раннем этапе не могло привести к резким изменениям хозяйственной деятельности и форм материальной культуры, как это часто бывает в связи с приходом нового населения. Основу экономики по-прежнему составляют охота и рыболовство, что подтверждается составом хозяйственного инвентаря, претерпевающего лишь незначительные изменения. Здесь по-прежнему бытуют разнообразные орудия рыбной ловли (кроме того, появляются рыболовные глиняные грузики), орудия охоты — наконечники, причем на втором этапе энеолита кремневых и сланцевых наконечников становится чрезвычайно мало. Видимо, для них теперь больше используются кость и металл. Почти до конца энеолита сохраняются традиционные категории бытового инвентаря — скребки, ножи, скребла и другие орудия, употреблявшиеся для разделки продуктов охоты и рыбной ловли, уменьшается лишь количество орудий. Сохраняется также старая топография памятников, располагавшихся в непосредственной близости к воде.

Раскопанные на энеолитических стоянках медные предметы ставят перед нами вопрос о сырьевой базе нового металлургического центра. Олонецкая губерния очень давно привлекала внимание исследователей горнорудного дела и, в частности, месторождений медных руд. Еще Петром I были заложены здесь медеплавильные заводы: Алексеевский (оз. Телекино), Повенецкий, Вичковский (село Повенец), Кончезерский и Петровский (позднее Александровский пушечный). Эти заводы снабжались медной рудой из многочисленных медных разработок. Здесь широко распространены медноколчеданные и окисные руды, содержащие самородную медь и находящиеся в коренных породах, выходящих близко к поверхности¹¹. Они являются наиболее легкоплавкими и поддающимися простой обработке. Их добыча не требовала глубоких подземных работ и могла производиться открытым способом, от которого сохранились ямы, врубы, закопущки¹².

Таким образом, в Карелии очевидно существование одной из основных предпосылок возникновения металлообработки, а затем металлургии — обширной сырьевой базы. Однако в данной статье мы остановимся на характеристике того сырья, которое использовалось энеолитическими кузнецами, а именно — самородной меди. В настоящее время здесь открыто более 500 месторождений рудопроявлений, среди которых известны проявления самородной меди более чем в 30 пунктах¹³.

Часть находок обнаружена на территории Заонежского полуострова и на площадях к западу от него. Самородная медь приурочена к гидротермальным карбонатно-кварцевым жилам, развивающимся по трещинам отдельности в ятулийских (поздних среднепротерозойских) интрузивных габбро-диабазов. В Заонежье больше всего самородной меди обнаружено в районе дер. Шуньга, оз. Путкозере, дер. Фоймогуба. «Горная книга» за 1774 г. указывает на находки самородной меди весом 4—5 пудов и более в Фоймогубской волости. Находки самородной меди встречаются также в районе Уницы и Викшезера.

Другим районом, где чаще всего обнаруживается самородная медь, является район северного Кончезера, Пертозера, Кондопожского залива Онежского озера и г. Кондопоги. В Кондопоге даже до сих пор обнаруживают самородную медь при проходке траншей, рытье котлованов, в действующем карьере месторождения «Береговое» габбро-диабазов, где почти ежемесячно находят самородки различной формы от ветвистых дендридов

¹¹ В. М. Тимофеев. Месторождение медных руд Заонежья. Л., 1934; В. И. Соколов. Естественные производительные силы России, т. IV. Медь. Олонецкий край, 1917; П. А. Борисов. Подземные кладовые Карелии. Петрозаводск, 1960.

¹² А. П. Светов. Ятулийский вулканический комплекс центральной Карелии и его металлогеническая специализация (диссертация на соискание степени кандидата геологических наук). Петрозаводск, 1968.

¹³ В. И. Горлов. Находки самородной меди на территории Карелии. «Тезисы докладов на секциях, посвященных итогам полевых исследований 1971 г.» М., 1972, стр. 66.

до плитообразных кусков весом от 3 до 10 и более кг. Самородная медь находится в полосе развития сланцев и кварцитов, т. е. основных пород каменного сырья, которое использовалось энеолитическими мастерами для изготовления орудий труда.

Не применяя сплавов, древние металлурги Карелии производили холодную ковку самородной меди, а также переплавляли ее. Выплавлять медь из руды, как уже указывалось выше, и получать искусственные сплавы, пегремцы еще не умели. Эти открытия в Карелии были сделаны в эпоху бронзы.

Таким образом, начальный этап металлообработки в Карелии характеризуется применением кузнечнойковки, при которой металл могли расплющивать, растягивать, сгибать в холодном виде. Затем научились расплавлять медь в специальной сложенной из камня печи. Но литых изделий и предметов, изготовленных горячей ковкой, пока не нашли.

Итак, энеолитический период в Карелии, характеризующийся использованием местной самородной меди, является довольно яркой страницей древнейшей истории Севера нашей страны. Его особенность состоит в том, что период чистой меди здесь затянулся. В то время как на других территориях уже знали сплавы и умели выплавлять металл из руды, в Карелии продолжали пользоваться изделиями из чистой самородной меди. Этому содействовали как специфические условия края с достаточным количеством местной самородной меди, так и в значительной мере замкнутость и отдаленность энеолитических племен Карелии от более развитых центров металлургии.

А. Н. МЕЛЕНТЬЕВ

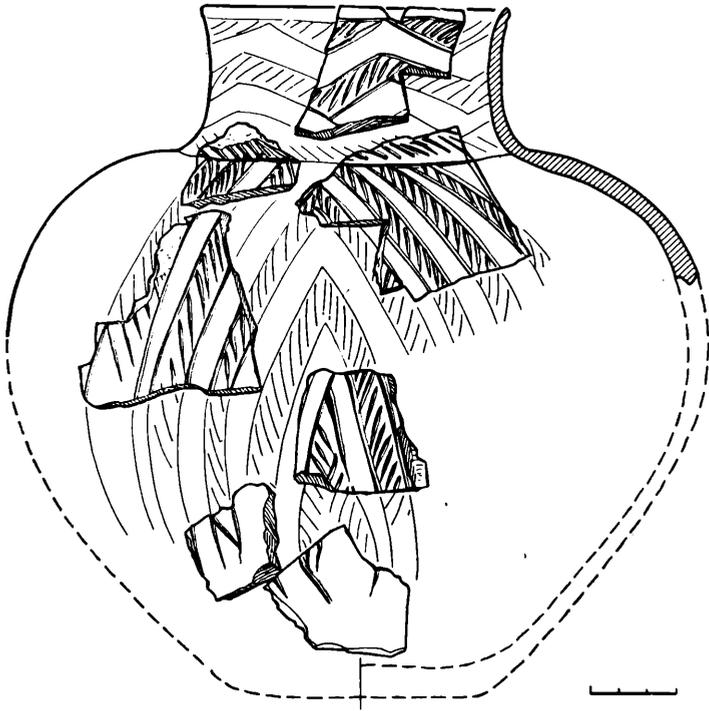
КЕРАМИКА КАРАСУКСКОГО ТИПА
ИЗ СЕВЕРНОГО ПРИКАСПИЯ

В 1967 г. Астраханская экспедиция ЛОИА начала планомерное обследование очень слабо изученных памятников древности в Северном Прикаспии. В итоге четырехлетней разведки получен значительный по объему материал, позволяющий наметить контуры этнокультурных изменений, протекавших на этих территориях в эпоху бронзы. В Волго-Уральском междуречье прослеживается влияние древнейшей культуры, отчетливо выраженная связь с предкавказской катакомбной культурой и в меньшей степени — воздействие срубной культуры. Достаточно хорошо фиксируется и связь с восточным соседом — алакульской культурой. Наряду с этим на керамическом материале определенно вырисовывается своеобразие этнокультурного развития населения Северного Прикаспия эпохи бронзы, истоки которого лежат в более ранних хронологических периодах.

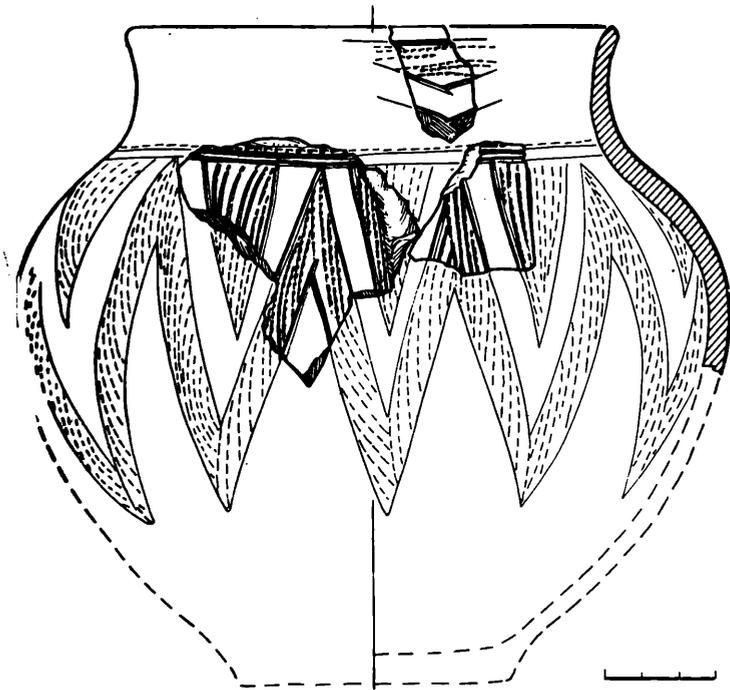
На этом фоне четко выделяется небольшая группа керамики, резко отличная от характерной посуды срубной культуры и не имеющая связи с более ранними автохтонными типами. Находки ее на левобережье Нижнего Поволжья свидетельствуют о существовании в конце эпохи бронзы непосредственных связей населения Северного Прикаспия с более отдаленными восточными районами и, в частности, с территорией Западной Сибири и Центрального Казахстана.

Местонахождения керамики этой группы невелики по площади и связываются, вероятно, с кратковременными стойбищами. Все они расположены в Денгизском районе Гурьевской обл. Казахской ССР. Два из них находились в барханном массиве, окаймлявшем с юго-восточной стороны небольшое озеро Ата-куль. В пункте Ата-куль I отдельные обломки посуды конца эпохи бронзы встречены на площади 15—20 кв. м среди фрагментов керамики на обширном поселении среднесарматского времени. В пункте Ата-куль II, например, обломки одного сосуда (рис. 1) лежали кучно на открытой площадке. Третье местонахождение связано со стоянкой Стаган, расположенной в 12,5 км к северо-востоку от поселка Новый Уштитан. Керамика позднебронзового типа (рис. 2, 3, 4) лежала вперемежку с обильной россыпью фрагмента посуды более раннего периода эпохи бронзы. Из общей массы керамики удалось выделить только типологически определенные по орнаменту обломки от десяти сосудов этой группы. При сборах в урочище Кошелака среди подъемного материала также изредка встречались фрагменты керамики этого типа (рис. 3, 3).

Керамика этой группы представлена горшками с прямой короткой шейкой, резким изгибом переходящей в крутые плечики широкого тулова, плавно сужающегося к плоскому или уплощенному днищу. Наряду с горшками бытовали и кувшинообразные сосуды, отличающиеся сравнительно высоким прямым горлом и плоскодонным шаровидным туловом (рис. 1—4). Посуда лепная, изготовлена ленточным способом, с последующим уплотнением стенок отбивкой на шаблоне-болванке. С обеих сторон покрыта

Рис. 1. Керамика из Ата-куля II

Рис. 2. Керамика со стоянки Стаган

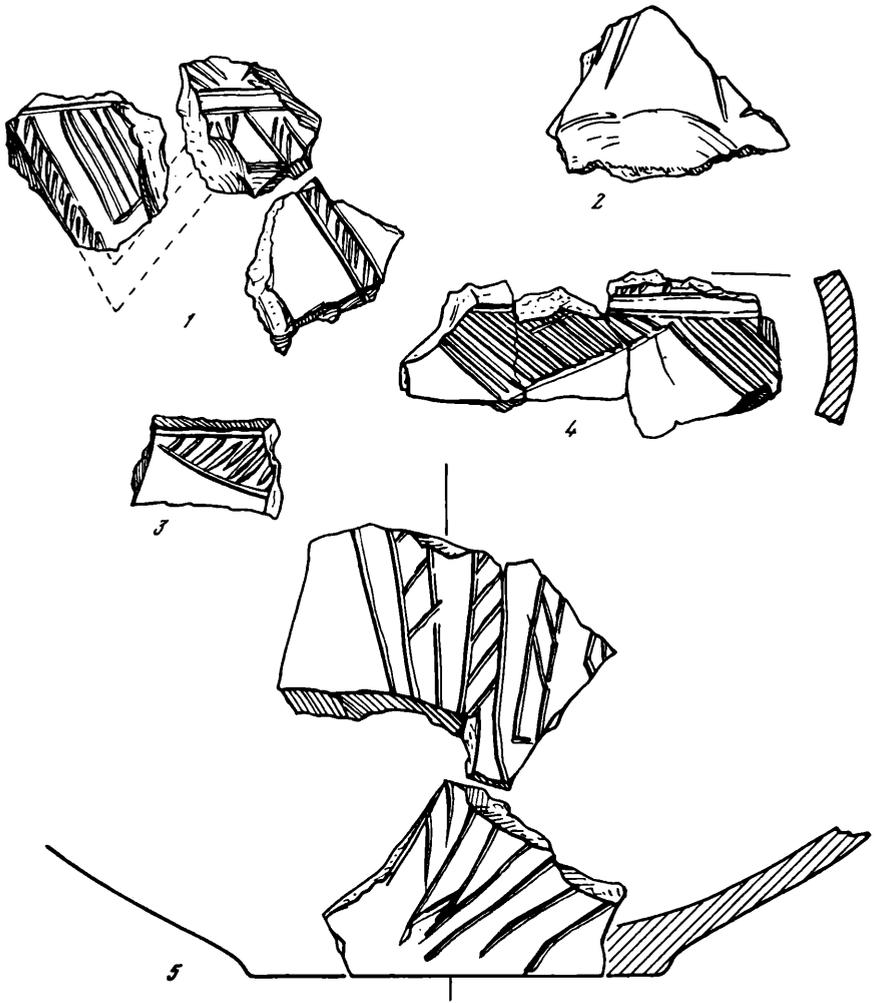

Рис. 3. Керамика

1, 3, 4 — из Ата-куля I; 2 — из Кошелака; 5 — со ст. Стаган

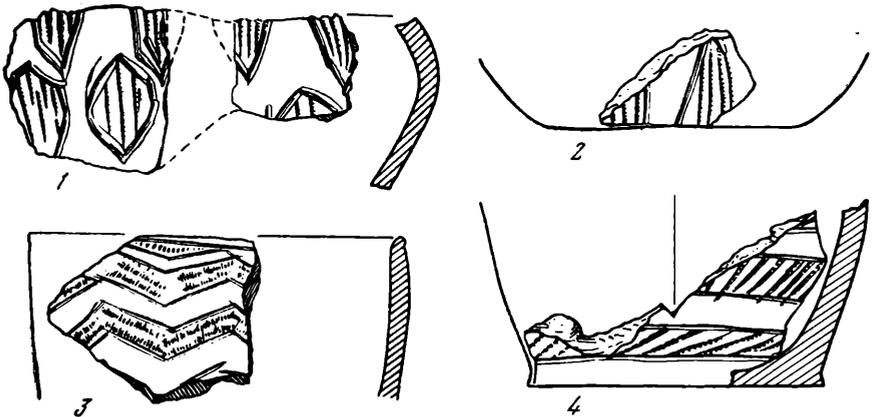

Рис. 4. Стоянка Стаган

тонким слоем отмученной глины, хорошо заглажена и по наружной поверхности залощена. Цвет сосудов — от коричневатого-сероватого до красновато-желтоватого. Орнамент исполнен прочерчиванием и оттисками мелкозубчатого штампа. Основной элемент узора — ломаная очерченная полоса — зигзаг, разделяющий орнаментальное поле на правильные чередующиеся участки. Штампом заполнены или зигзаг, или свободные зоны, образующие правильные геометрические фигуры — треугольник, ромб и др. Типологические параллели этой посуде устанавливаются в керамических комплексах позднебронзовых памятников Западной Сибири, испытанных заметное воздействие культуры карасукского типа. Определенное сходство прослеживается с отдельными сосудами из района Кустаная — керамикой из заполнения землянок Алексеевского и Садчиковского поселений¹. Несомненное единство рассматриваемой посуды наблюдается и с керамикой группы лесостепных поселений поздней бронзы типа Ирмень I². Наибольшая же близость по формам, технике изготовления и орнаментации проявляется при сопоставлении с посудой из погребений степной полосы в Центральном Казахстане — могильник Дындыбай, курган 11 и могильник Бегазы, курганы 1 и 2³.

По вопросу датировки этих памятников нет особых расхождений. Большинство исследователей относит их к концу эпохи бронзы или к предскифскому времени и датирует в пределах X—VIII вв. до н. э.⁴ Несколько более позднее время, VII—VI вв. до н. э., авторы раскопок определяют для погребений бегазинского могильника на основании находки в могиле 2 двух наконечников стрел раннескифского типа⁵. Определение даты могил Бегазы раннескифским временем было уже аргументированно подвергнуто сомнению М. П. Грязновым⁶. Следует добавить, что, поскольку наконечники стрел и керамика характерного карасукского облика происходят из разных могил (соответственно 2 и 3) и к тому же полностью нарушенных при ограблении, весьма вероятно, что они не являются единым комплексом. Поэтому основным датирующим элементом остается посуда. Во взглядах же на происхождение и культурную принадлежность памятников единства нет. Л. Р. Кызласов и А. Х. Маргулан памятники типа Бегазы — Дындыбай включают в ареал культуры плиточных могил и на основании датировки памятников раннескифским временем вообще исключают возможность участия карасукского культурного комплекса в этногенезе племен Казахстана конца эпохи бронзы — начала железного века⁷. М. П. Грязнов справедливо отметил несостоятельность гипотезы об отнесении Бегазинских памятников «в локальный вариант культуры плиточных могил, занимающей гигантскую территорию»⁸.

¹ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Тр. ГИМ, т. XVII, 1948; она же. Садчиковское поселение (раскопки 1948 г.). МИА, № 21, 1951, стр. 16, рис. 18, 15.

² М. П. Грязнов. К вопросу о культурах эпохи поздней бронзы в Сибири. КСИМК, вып. 64, 1956, стр. 27—42; рис. 10 и 11; Н. Л. Членова. О культурах бронзовой эпохи Западной Сибири. СА, XXIII, 1955, стр. 43—55, рис. 4, 5 и 9, 12, 14.

³ П. С. Рыков. Работы в совхозе «Гигант» (Караганда). Отчет о работах. Изв. ГАИМК, вып. 110, 1935, стр. 49—51; М. П. Грязнов. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане. СА, XVI, 1952, стр. 129 и сл., рис. 5—7; он же. К вопросу о культурах. . . , стр. 27—42; Л. Р. Кызласов и А. Х. Маргулан. Плиточные ограды могильника Бегазы. КСИМК, вып. XXXII, 1950, стр. 126—136, рис. 41, 3 и 4; А. Х. Маргулан. Отчет о работах Центрально-Казахстанской археологической экспедиции 1947 г. Изв. Каз. АН ССР, № 67, серия археологическая, вып. 2. Алма-Ата, 1950, стр. 13—18.

⁴ О. А. Кривцова-Гракова. Садчиковское поселение. . . , стр. 177, 181; М. П. Грязнов. Памятники карасукского этапа. . . , стр. 162; он же. К вопросу о культурах. . . , стр. 35; Н. Л. Членова. О культурах бронзовой эпохи. . . , стр. 55.

⁵ Л. Р. Кызласов и А. Х. Маргулан. Плиточные ограды. . . , стр. 137.

⁶ М. П. Грязнов. Памятники карасукского этапа. . . , стр. 155—158.

⁷ Л. Р. Кызласов и А. Х. Маргулан. Плиточные ограды. . . , стр. 136—137.

⁸ М. П. Грязнов. Памятники карасукского этапа. . . , стр. 157—159.

Основные точки зрения на этнокультурную атрибуцию западносибирских памятников поздней бронзы отражены в работах М. П. Грязнова и Н. Л. Членовой. По мнению Н. Л. Членовой, памятники этого типа в лесостепной зоне представляют единую ирменскую культурную группу, которая происходит от андроновской, но сформировалась под заметным воздействием карасукской культуры и имеет этнокультурную близость в большей мере с группой памятников Центрального Казахстана и в меньшей — с алтайской группой⁹. По мнению М. П. Грязнова, появление карасукской культуры в Минусинской степи и на других территориях Сибири и Казахстана есть результат дальнейшей трансформации андроновской культуры на новом качественном и хронологическом этапе развития.

Для нас существенно отметить то, что оба исследователя на основе источниковедческого анализа утверждают: памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири и Казахстане представляют единый этнокультурный регион, в комплекс археологических признаков которого входят элементы карасукского культурного типа.

Находка в Северном Прикаспии в ряде пунктов керамики карасукского типа отодвигает западную границу распространения некоторых элементов карасукской культуры далеко за пределы ареала андроновской культуры, вплоть до левобережья Нижней Волги.⁷

Более двадцати лет назад С. В. Киселев, отмечая «замечательную находку» М. П. Грязнова у аула Дынды-бай, поставил вопрос: «Имеем ли мы право видеть в таком распространении карасукских форм далеко на запад указание на широкое расселение по Сибири пришельцев из Монголии и Суйюани?»¹⁰ Сам факт распространения такой категории вещей, как керамика, склоняет, казалось бы, к положительному ответу на вопрос о непосредственном проникновении населения — носителя карасукской культуры. Но одних археологических находок для решения этого вопроса недостаточно — нужно совокупное исследование большого по объему археологического и в первую очередь антропологического материала. К сожалению, таких данных пока нет. Мы можем лишь отметить, что на завершающем этапе развития культур степной бронзы, непосредственно на рубеже формирования крупнейших племен европейских степей — скифов и савроматов — в районе савроматского ареала в Астраханском Заволжье появился с востока новый культурный элемент — генетически связанный с карасукской культурой.

В основе сложения культуры скифов и савроматов наряду с основным субстратом — срубной и андроновской культурами — выявляется наличие и восточного карасукского компонента¹¹. По мнению К. Ф. Смирнова, приток «грацильного круглоголового населения» совершился в поздние этапы развития савроматской среды¹². Обнаружение в Заволжье карасукской керамики указывает на более ранний период этого явления. Весьма вероятно, что с этим моментом и связаны истоки широкого распространения в I тыс. до н. э. брахикранного населения в ареале сарматских племен.

⁹ Н. Л. Членова. О культурах бронзовой эпохи. . . , стр. 50.

¹⁰ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. МИА, № 9, 1949, стр. 93.

¹¹ А. И. Тереножкин. Предскифский период на Днепровском Правобережье. Киев, 1961, стр. 200—205; Е. К. Максимов. О хронологии сарматских памятников Н. Поволжья. Тр. СОМК, в. III. Саратов, 1960, стр. 90—132; К. Ф. Смирнов. Савроматы. М., 1964, стр. 187.

¹² К. Ф. Смирнов. Савроматы. . . , стр. 188.

М. Н. ПШЕНИЦЫНА

ГЛИНЯНАЯ «ГОЛОВА» — ПРЕДШЕСТВЕННИК
ТАШТЫКСКОЙ ГИПСОВОЙ МАСКИ

Основными источниками для изучения истории древних племен Минусинских степей II—I вв. до н. э. служат два типа могильных памятников — большие одиночные курганы с коллективными захоронениями в них до 100 и более человек в одном склепе и могильники, состоящие из 8—96 и более небольших могил, тесно расположенных на небольшой площадке. Вопрос о культурно-исторической принадлежности этих памятников пока еще недостаточно освещен. Л. Р. Кызласов выделяет их в особый переходный тагаро-таштыкский этап¹. М. П. Грязнов вслед за С. А. Теплоуховым² и С. В. Киселевым³ относит их к завершающему этапу тагарской культуры и называет его тесинским⁴.

В погребальном обряде этого времени еще продолжают традиции тагарской культуры и вместе с тем появляется много нового, что находит свое развитие в последующую, таштыкскую эпоху. Основой хозяйства на тесинском этапе остается яйлажное скотоводство и мотыжное земледелие. Кладбища в этих условиях обычно устраивались около зимних жилищ. Возможно, как предполагает М. П. Грязнов, что обычай консервации трупов для длительного их хранения, получивший распространение на тесинском этапе, явился следствием яйлажной системы хозяйства и обусловленного им полукочевого образа жизни⁵. К сожалению, мы пока не располагаем данными о приемах обработки самих трупов. Можно лишь предполагать, что это имело место. Зато есть факты, указывающие на способы обработки головы умершего с целью сохранения его облика. Череп покойного трепанировали для удаления головного мозга из черепной коробки и освобождали от мягких тканей, затем обмазывали глиной. Поверх этой глиняной основы лобную и лицевую части черепа покрывали еще одним слоем той же глины или гипса, в результате чего получалась своего рода глиняная «голова», передающая черты лица умершего. Часто на гипсовую обмазку наносили узор красной краской, изображающий, по мнению С. В. Киселева⁶ и Л. Р. Кызласова⁷, татуировку лица покойного. Этот весьма оригинальный способ сохранения облика покойного зародился, судя по фрагментарным данным, на предшествующем тесинскому — сарагашенскому этапе тагарской культуры (IV—III вв. до н. э.). А. В. Адрианов в могиле

¹ Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха в Хакасско-Минусинской котловине. М., 1960, стр. 24—25.

² С. А. Теплоухов. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. «Материалы по этнографии», т. IV, вып. 2. Л., 1929, стр. 49—50.

³ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 277—285.

⁴ М. П. Грязнов. Тагарская культура. «История Сибири», т. I. М., 1968, стр. 187, 191, 192, 194. В настоящей статье этот период назван по М. П. Грязнову.

⁵ М. П. Грязнов. Указ. соч., стр. 195.

⁶ С. В. Киселев. Указ. соч., стр. 449.

⁷ Л. Р. Кызласов. Указ. соч., стр. 148.

3 кургана 42, на Тагарском острове и в обеих могилах кургана 1 на оз. Кызыл-куль I обнаружил кусочки гипса⁸.

Первые находки фрагментов глины и гипса в погребениях тесинского этапа происходят из трех больших курганов. В склепе Большого Тесинского кургана найдено не менее 50 кусков глины из глазных впадин и носовых отверстий, подбородка и т. п. Среди них имеется нижняя челюсть, облепленная глиной. А. М. Тальгрэн отмечает, что «одна из масок была покрыта краской телесного цвета»⁹. В Уйбатском кургане встречено много фрагментов «глиняных масок», от двух из них сохранились носы и «передняя часть шеи». Внутри одного куска глины в форме подбородка, нижняя часть которого «напоминает шею», обнаружен обломок кальцинированной нижней челюсти¹⁰. К. Горощенко, специально изучивший 55 черепов, трепанированных в области височных костей и моделированных глиной из склепа кургана 8 у оз. Кызыл-куль, отмечает, что «в одном случае череп обмазывался или замазывался только глиной, причем иногда глина облежала скелет шеи и нижней части лица, в другом случае обмазанный глиной череп покрывался слоем гипса (толщиной 3—4 мм), а иногда еще в третий раз — слоем глины. Следов одного гипса на черепе, как остатков маски, не встречалось»¹¹. В центральной могиле кургана 1 у Мохова улуса на груди женщины найдены «обломки необожженной гипсовой маски, окрашенной в красный цвет»¹².

Все эти находки (кроме кургана у Мохова улуса) происходят из разграбленных родовых склепов, где черепа и кости погребенных найдены в полном беспорядке. Часть из них в настоящее время вообще утрачена. Остальные настолько фрагментарны, что не дают представления ни о способе обработки голов и самих трупов для длительного их хранения, ни о характере изображений лиц умерших.

В связи с изложенным особое значение приобретают раскопки Красноярской экспедиции АН СССР, давшие новые находки глиняных «голов» в склепе Большого кургана могильника Барсучиха I (М. Н. Пшеницына, 1967, 1970, 1971) и в могильниках Каменка III и V (Я. А. Шер, 1964, 1966, 1967).

В Большом кургане Барсучихи I, на дне склепа, в его южной половине обнаружены останки пяти взрослых погребенных (двое из них, по размерам костей, — мужчины)¹³. Черепа и кости настолько плохой сохранности, что их нельзя было взять. Черепа моделированы глиной. Глиняная основа покрыта тонким слоем гипса со следами черной и красной красок. У одного из погребенных сохранилась нижняя часть глиняной «головы» (верхняя и нижняя челюсти) с хорошо проработанным подбородком и толстыми губами (рис. 1)¹⁴. Внутренность черепных коробок у четырех скелетов заполнена какой-то растительной массой. На затылке одного черепа — остатки светлых волос. В северной половине склепа найдено еще семь раздавленных черепов со следами глиняной обмазки. В заполнении верхнего

⁸ А. В. Адрианов. Выборки из дневников курганных раскопок в Минусинском крае. Минусинск, 1902—1924, стр. 48, 58.

⁹ А. М. Tallgren. Trouvailles tombales sibiriennes en 1889. Le kourgane de Tes. SMYA. XXIX—2. Helsingfors, 1921, p. 13—15, fig. 6. Опубликованная А. М. Тальгреном гипсовая маска в его кн. «Collection Tovostine» (Helsingfors, 1917), на рис. 84, ошибочно отнесена им к находкам из Тесинского кургана.

¹⁰ Рукописный отчет Д. А. Клеменца. Архив ИИМК за 1888 г., д. 23, л. 247—248.

¹¹ К. Горощенко. Гипсовые погребальные маски и особый вид трепанации в курганах Минусинского округа. «Труды X археологического съезда в Риге». М., 1899, стр. 178—180.

¹² В. П. Левашева. К вопросу о местных особенностях в погребениях тагарской культуры. СА, № 1. М., 1958, стр. 174—175.

¹³ М. Н. Пшеницына. Работы Позднетагарского отряда. АО, 1967. М., 1968, стр. 179—180.

¹⁴ Осмотр черепов на месте раскопок и их половозрастные определения сделаны М. П. Грязновым.

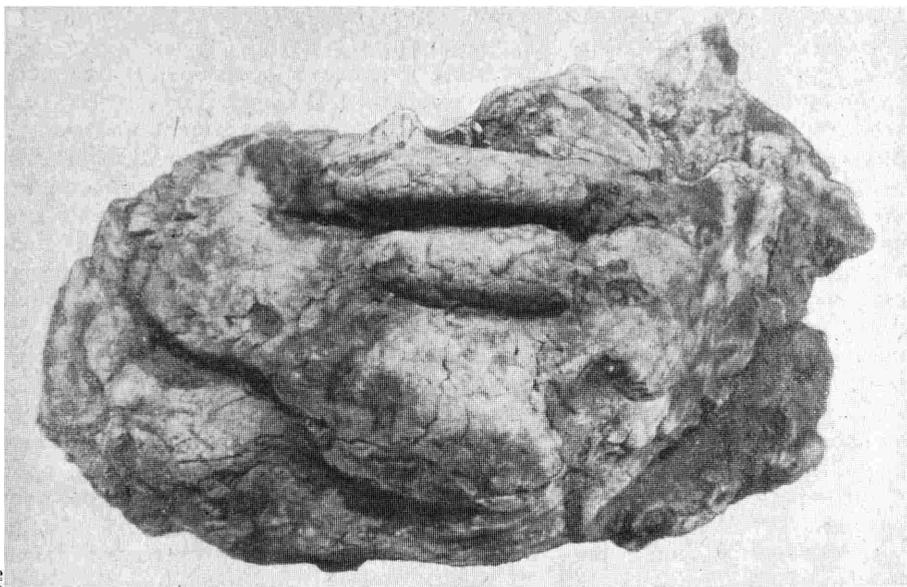

Рис. 1. Фрагмент глиняной «головы» погребенного из склепа Большого кургана могильника Барсучиха I

этажа склепа обнаружены нижняя челюсть от скелета пожилого мужчины (?), с сохранившейся глиной между левой и правой сторонами тела челюсти и ее ветвями и правая половинка нижней челюсти от скелета молодой женщины (?), обмазанная глиной изнутри и снаружи, где сохранилась часть моделированной щеки¹⁵.

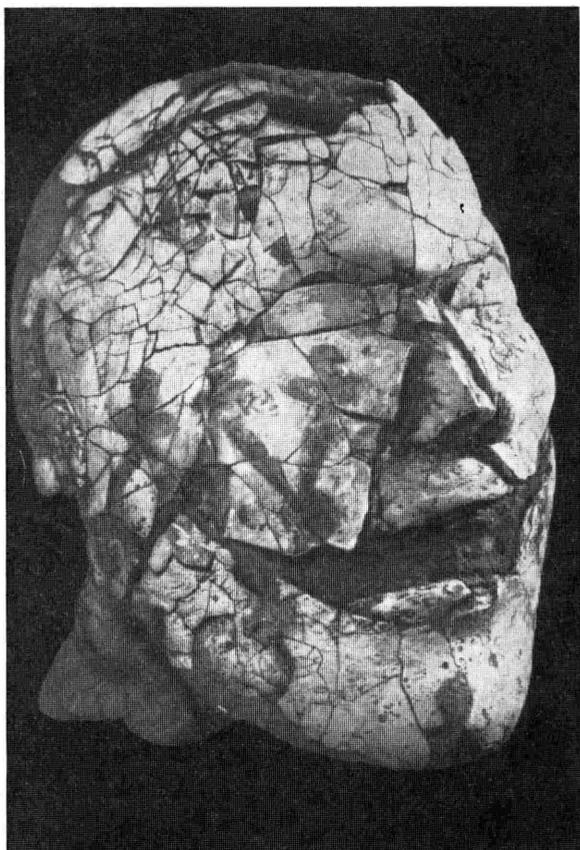
Наиболее интересны 12 черепов, моделированные глиной и покрытые сверху тонкими слоями гипса, обнаруженные в могильниках Каменка III (могилы 6, 9, 64, 71Б, 92) и Каменка V (могилы 6, 8, 10) в непогребенных грабителями могилах¹⁶. Череп трепанированы в области соединения височной и теменной костей с левой и правой сторон (шесть), либо только с левой (два) или правой (один). Степень сохранности их глиняной основы и гипсового покрытия различна¹⁷. В Каменке III в могиле 6 глиняная основа на черепе женщины 35—45 лет сохранилась на лицевых костях, покрывая верхнюю и нижнюю челюсти. Гипс остался на лобных и носовых костях черепа и в области глазниц, имеющих прорезы, моделирующие сомкнутые веки. В могиле 9 на черепе женщины старше 60 лет сохранился кончик носа из гипса. В могиле 64 погребено двое мужчин (25—30 лет и 45—50 лет). На черепе одного из них — фрагменты гипсовой обмазки. В могиле 71Б полностью сохранилась глиняная «голова» погребенного, довольно условно передающая черты лица умершего (рис. 2)¹⁸. Череп моделирован глиной. Лобные и лицевые кости его поверх глины покрыты гипсом в два слоя (нижний толщиной до 2—3 мм, верхний до 4 мм). Нос формован гипсом, намечены ноздри, на месте глаз прорезы, передающие сомкнутые веки. Наружный слой гипса не сохранился в области носа и

¹⁵ Осмотр этих фрагментов и их половозрастные определения сделаны И. И. Гохманом.

¹⁶ Я. А. Шер, Г. П. Григорьев, Н. Л. Подольский. Находки на правом берегу Енисея. АО, 1966. М., 1967, стр. 145—146. Пользуюсь случаем принести благодарность Я. А. Шеру за разрешение использовать неопубликованные им материалы.

¹⁷ Осмотр черепов и их половозрастные определения сделаны И. И. Гохманом.

¹⁸ Первая публикация этой «головы» в статье: Adolf Rieth. Gesichtsgeräthe aus Gips und Ton. «Kosmos», 12. Dezember, 1969, S. 509. По определению И. И. Гохмана, череп принадлежит женщине около 45 лет, по определению М. П. Грязнова — мужчине старческого возраста.

*Рис. 2. Глиняная «голова» погребенного из могилы 71Б
могильника Каменка III*

верхней губы. На левой щеке глубокая трещина. Сохранилось правое ухо, вылепленное из гипса. На правой щеке и подбородке сохранился узор, нанесенный красной краской, — зигзаг с тремя листками на углах. Следы такой же краски — на нижней губе и переносице. В могиле 92 погребено трое: череп одного из них (женщины 45—50 лет) трепанирован и превращен в глиняную «голову», подобную только что описанной. Остатки глиняной основы и гипсового покрытия сохранились на лицевых костях черепа. Узор на щеках и подбородке, нанесенный красной краской, такой же, что и в могиле 71Б. Череп и его обмазка раздавлены.

В Каменке V, в могиле 6 погребено пятеро: две женщины и трое мужчин. Черепа двух мужчин (30—35 лет и 45 лет) трепанированы. На черепе первого — следы глиняной обмазки. На лицевых костях второго и внутри глазниц сохранилась глиняная обмазка. На правом глазу, на глине — полоска гипса. Под подбородком, на шейных и первых грудных позвонках — нагрудник из глины. В могилах 8 и 10 — парные погребения. В могиле 10, на лицевых костях женского черепа (35—40 лет) сохранилась глиняная основа и гипсовое покрытие. На гипсе — следы росписи красной краской. На мужском черепе (около 40 лет) — следы глиняной обмазки. В могиле 8, на женском черепе — фрагменты гипсового покрытия.

Рассмотренные 12 черепов принадлежат скелетам, лежавшим в полном порядке. Положение их костей не вызывает сомнения в том, что в могилу был погребен труп умершего, а не его скелет, освобожденный от мышц и сухожилий. Это наблюдение опровергает предположение, высказанное

К. Горощенко¹⁹, а вслед за ним — А. М. Тальгреном²⁰ и поддержанное (из-за отсутствия новых материалов) С. В. Киселевым²¹ и Л. Р. Кызласовым²², согласно которому погребение умерших с черепами, моделированными глиной и обмазанными сверху гипсом, совершалось спустя значительное время после их смерти, когда от трупов оставались одни скелеты. Истлевший за это время череп обмазывали глиной, заменявшей недостающие мягкие ткани головы. К. Горощенко отмечал при этом, что трепанация производилась на голове трупа, а не на его «сухом черепе»²³. С нашей точки зрения, все операции над головой умершего (трепанация черепа, удаление его мягких тканей, обмазка глиной) производились сразу после смерти. Видимо, тогда же и тело умершего обрабатывали каким-то способом для сохранения от гниения до момента погребения в могилу.

Находки глиняных «голов» в склепах больших курганов и могилах, составляющих целые кладбища, часть которых отличается однообразием и бедностью сопровождающего погребенных инвентаря, позволяют предполагать, что этот обычай на тесинском этапе был распространен среди широких слоев общества. Вполне возможно, что своего рода «мумификации» подвергались не только трупы тех умерших сородичей, которые занимали какое-то привилегированное положение в обществе, но и рядовых обитателей. Не исключено, что в первую очередь консервации подвергались трупы тех, кто умер или погиб во время летних кочевек вдали от зимних жилищ, куда они доставлялись уже в «мумифицированном» виде. При погребенных в Каменке III найдено лишь по глиняному сосуду, железному ножу и пряжке. В могиле 71Б вещей не оказалось, кроме низки стеклянных бус и обрывка листового золота на кистях рук. В могиле 9 при погребенной в ней женщине, убитой каким-то острым предметом, была лишь одна берестяная коробка. В Каменке V, в могиле 6 из пяти погребенных лишь у двоих на черепах обнаружены остатки глиняной обмазки, причем один из них был погребен в могилу позднее первых четырех.

Рассмотренный своеобразный способ сохранения облика умершего известен не только на Енисее. При раскопках древнего Иерихона в слое докерамического неолита (Иерихон В, 7000 лет до н. э.) в 1953 г. обнаружено несколько подобных «голов»: «черты лица выполнены в гипсе на подлинном черепе и довольно реально передают облик умершего»²⁴.

Дожил этот способ и до наших дней. В начале и середине XX в. немецкими этнографами на р. Сепик в Новой Гвинее было собрано 39 черепов, моделированных глиной, на лобную и лицевую части которых поверх глиняной обмазки нанесен узор, несомненно передающий татуировку лиц умерших. По мнению исследователей, они изображают либо умерших членов семьи, либо убитых ими врагов²⁵. В Меланезии также известны черепа, моделированные глиной или смолистой массой²⁶.

Изученные нами «головы» следует рассматривать как произведения искусства древних енисейских скульпторов. По мнению И. И. Гохмана, определить по ним антропологический тип невозможно, так как они схематично передают черты умершего. При сопоставлении «голов» могил 71Б и 92 Каменки III создается впечатление, что они были выполнены одним мастером в определенной общей манере.

¹⁹ К. Горощенко. Указ. соч., стр. 179—180.

²⁰ А. М. Тальгрен. Указ. соч., стр. 9.

²¹ С. В. Киселев. Указ. соч., стр. 279.

²² Л. Р. Кызласов. Указ. соч., стр. 147—148.

²³ К. Горощенко. Указ. соч., стр. 183.

²⁴ К. Kenyon. The world's oldest known Township: Excavating the Jericho of 7000 years ago and earlier. «The Illustrated London News», may 12, 1956, p. 504—505, fig. 2; К. М. Kenyon. Digging up Jericho. New York, 1957, p. 122—124, t. 20—22.

²⁵ Н. Келт. Kunst vom Sepik. Museum für völkerkunde. Berlin, 1966, S. 37, N 240—279.

²⁶ Рецензия В. Р. Кабо на кн.: А. Lommel. Gesichter der Menschheit. Zürich, 1970. СЭ, № 2, 1972, стр. 147, 149; Н. Н. Миклухо-Маклай. Собр. соч., т. V. М., 1954, стр. 405.

Обычай сохранения облика умершего продолжает существовать в последующую, таштыкскую эпоху. На ее раннем этапе в грунтовых могилах найдены мумифицированные трупы с черепами, трепанированными в затылочно-теменной части, и с гипсовыми масками, наложенными на лицо трупа. На их поверхность красной краской нанесен узор, передающий татуировку лица покойного²⁷. В таштыкских склепах чаще хоронили по обряду трупосожжения и гипсовые маски умерших изготавливали совсем другим способом²⁸. По сравнению с тесинскими таштыкские изображения лиц умерших близки к их оригиналам, что говорит о более высоком мастерстве скульпторов того времени. По ним можно изучать антропологический тип населения таштыкской эпохи.

²⁷ Л. Р. Кызласов. Указ. соч., стр. 148; он же. Кто жил в Хакасии две тысячи лет назад? «Наука и жизнь». М., 1969, № 12, стр. 93—96.

²⁸ Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха. . ., стр. 149—150.

Т. Ф. КУЛЬКОВА

ХИМИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ГЛИНЯНЫХ «ГОЛОВ»
ИЗ СКЛЕПОВ И МОГИЛ ТЕСИНСКОГО ЭТАПА

Материал, из которого делались на Енисее глиняные «головы» и гипсовые маски, в прежних археологических исследованиях не был в достаточной мере изучен. С. В. Киселев отметил лишь, что «маски из таштыкских грунтовых могил и склепов сделаны из изобретенной еще в тагарское время гипсовой белой терракоты неизвестного состава»¹. Л. Р. Кызласов, ссылаясь на спектральный анализ обломков масок из таштыкского склепа I Изыкского чаа-таса, уточняет: погребальные маски изготовляли из гипсовой терракоты смешанного состава, куда входили каолиновые глины. Спектральный анализ, выполненный в лаборатории МГУ Ю. Л. Шаповой², выявил, что маски делались из каолина с примесью известняка (кроме того, обнаружены следы меди, марганца и стронция).

А. М. Тальгрэн приводит анализ нескольких фрагментов гипса и глины от «голов» из большого Тесинского кургана³ (раскопки Аспелина в 1922 г.). Гипсовая проба состояла: из 78,10% сернокислого кальция (CaSO_4), 21,40% воды и 0,50% алюминия. Кусок темной глины состоял из: 56,67% кварца (SiO_2), 14,68% окислов алюминия и железа ($\text{Al}_2\text{O}_3 + \text{Fe}_2\text{O}_3$), 0,21% извести и 26,40% воды. Остаток составляли поташ и магнезия.

Данная статья представляет собой первую попытку раскрыть химический состав материала глиняных «голов» тесинского этапа. Основанием этому послужил богатый археологический материал Красноярской экспедиции 1964, 1966, 1967 гг. под руководством М. П. Грязнова. Данный материал был исследован археологически и антропологически М. Н. Пшеницыной и освещен в статье «Глиняная голова» — предшественник таштыкской гипсовой маски». В лаборатории археологической технологии ЛОИА АН СССР был произведен анализ 21 пробы. 17 из них относятся к тесинскому этапу и представляют основу (в виде глины) и покрытия (в виде гипса). От двух глиняных «голов» из Каменки III и одной из Каменки V взяты пробы как основы, так и покрытия. Остальные пробы представляют фрагменты первого или второго.

Химическим анализом выявлен однотипный состав глины, из которой лепили «головы», и их гипсового покрытия. Содержание основы глины, т. е. SiO_2 и Al_2O_3 , а также примесей в ней варьируют во всех пробах в пределах ее неоднородного минералогического состава, что позволяет говорить об отсутствии каких-либо искусственно введенных добавок. Тесинцы для изготовления «голов» использовали природные глины. Глина относится к числу наиболее древних строительных материалов. Уже на заре своего существования люди использовали такое свойство глины, как пластичность, для обмазки жилищ и скрепления стен из камня. Археоло-

¹ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 448.

² Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха. М., 1960, стр. 147.

³ А. М. Tallgren. Trouvailles tombales sibiriennes en 1889. Le kourgane de Tes. SMYA, XXIX—2. Helsingfors, 1921, p. 13.

Таблица 1

Химический состав глиняных "олов" тесинского этапа и гипсовых масок таштыкской культуры

№ п/п	Эпоха	Памятник	Пол и возраст погребенного	Место взятия пробы	Глина (в %)							Гипс (в %)							
					SiO ₂	Al ₂ O ₃	Fe ₂ O ₃	CaO	MgO	TiO ₂	п. п. п.	CaSO ₄	SiO ₂	Fe ₂ O ₃	п. п. п.				
1	Тесинский этап	Каменка III, м. 71Б	ж., 45 л.	основа покрытие основа покрытие основа (из орбит чепца) То же покрытие основа " " покрытие (с остатками краски) основа основа (с остатками растительных волокон) фрагмент основы от нижней челюсти фрагмент основы То же " "	67,85	6,15	2,14	14,80	1,95	0,68	6,40	77,40	1,10	—	—	21,40			
2		То же	То же		50,43	10,00	2,09	17,80	2,60	0,56	16,50	—	—	—	с.л.	—	—	—	
3		Каменка III, м. 92, п. 2	ж., 40—50		То же	—	—	—	—	—	—	—	—	71,40	2,10	с.л.	—	25,60	
4		То же	То же		То же	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
5		Каменка V, м. 6	м., 45 л.		То же	51,07	3,00	11,70	17,40	2,50	0,57	13,70	—	—	—	—	—	—	—
6		Каменка V, м. 10	ж., 35—40 л.		То же	48,58	14,10	12,30	14,00	2,70	0,70	7,60	—	—	—	с.л.	—	—	22,10
7		То же	То же		То же	—	—	—	—	—	—	—	—	77,50	—	—	—	—	—
8		Каменка V, м. 10	м., 40 л.		То же	64,42	11,75	2,09	12,90	1,12	0,74	7,00	—	—	—	—	—	—	—
9		Барсуниха I, БК, ск. 1	Не определено		То же	50,71	7,90	14,00	8,00	1,78	0,68	16,90	—	—	—	—	—	—	—
10		То же	ск. 2		То же	41,71	12,30	2,40	20,00	7,80	0,45	15,30	—	—	73,20	5,20	с.л.	—	20,60
11		" "	ск. 3		" "	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
12		" "	ск. 5		" "	70,71	8,70	1,78	6,75	0,78	0,43	10,80	—	—	—	—	—	—	—
13		" "	" "		" "	70,04	9,00	1,66	6,15	0,78	0,50	11,90	—	—	—	—	—	—	—
14		" "	" "		м.?	64,63	13,50	2,45	5,00	2,30	0,75	11,30	—	—	—	—	—	—	—
15		" "	" "		ж.?	66,93	10,00	1,74	8,90	2,25	0,55	9,60	—	—	—	—	—	—	—
16		" "	" "		ж.?	58,24	12,00	1,74	14,10	3,15	0,56	10,20	—	—	—	—	—	—	—
17		" "	" "		ж.?	61,18	17,80	3,50	8,50	3,40	1,00	4,50	—	—	—	—	—	—	—
18	Таштыкская культура	Барсуниха II, м. 7	сожжение	фрагмент основы фрагмент основы (маска 1) фрагменты основы (маска 3) фрагменты основы	—	—	—	—	—	—	—	78,50	с.л.	с.л.	—	21,50			
19		Барсуниха IV, к. 15, м. 1	То же		—	—	—	—	—	—	—	—	77,70	1,20	с.л.	—	21,40		
20		То же	" "		—	—	—	—	—	—	—	—	77,40	1,40	2,72	—	18,10		
21		" "	" "		—	—	—	—	—	—	—	—	77,70	1,40	с.л.	—	21,20		

гические находки показывают, что в Египте керамические изделия стали применяться 10—11 тысячелетий до н. э.⁴ Характерной примесью сибирских глин является TiO_2 . Примерный состав глины Красноярского края по справочнику «Огнеупорное производство» за 1965 г. таков (в %): SiO_2 — 15—64; $Al_2O_3 + TiO_2$ — 9—39; Fe_2O_3 — 1—5; П. П. П. — 6—14.

Приведенный выше, по А. М. Тальгрену, состав глины и гипса «голов» из Большого тесинского кургана совершенно аналогичен нашим образцам.

Таштыкские гипсовые маски и гипсовое покрытие тесинских «голов» оказались одинакового химического состава с содержанием основы $CaSO_4$ в количестве от 71 до 77% (см. табл. 1). Небольшие примеси кремнезема и железа показывают, что природный гипс был достаточно чистым. Люди тесинского периода и таштыкской эпохи прекрасно знали вяжущие свойства гипса, который, будучи высушен и растворен в воде, обладает способностью схватываться⁵. Это качество гипса умело применяли для изготовления масок как культового обряда при захоронении.

⁴ Н. В. Кирсанов, У. Г. Дистанов. Глины в народном хозяйстве. Казань, 1957, стр. 5—6.

⁵ П. П. Будников. К исследованию гипса. Л., 1930, стр. 4.

В. Г. ПЕТРЕНКО

К ВОПРОСУ ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ БУЛАВОК СКИФАМИ
В VI—IV ВВ. ДО Н. Э.

До последнего времени считалось, что булавки практически не употреблялись степными скифскими племенами¹. И действительно, по сравнению с лесостепью количество найденных в степи булавок невелико: примерно на 300 погребений, содержащих предметы личного убора, приходится всего семь, в которых были найдены булавки (табл. 1). Тем не менее представляется, что в настоящее время могут быть выделены специфические для степи формы булавок, о чем и пойдет речь ниже.

Из учтенных мною 18-ти булавок 6 были найдены на Каменском городище и 10 — в погребениях.

В Днепропетровском историческом музее хранится бронзовая гвоздевидная булавка с небольшой округло-выпуклой головкой и круглым в сечении стержнем, украшенным кольцевыми нарезками в верхней части (рис. 1, 9). Место находки ее неизвестно. Булавки аналогичной формы широко представлены в лесостепных памятниках VI в. до н. э., и данная, вполне возможно, является импортом или случайным попаданием из лесостепи. Все остальные булавки происходят из памятников IV—III вв. до н. э. Они выполнены из золота, серебра, бронзы и железа. При этом выбор металла, из которого делалась булавка, не зависел от формы. По форме головки все булавки могут быть разделены на несколько типов. К типу 1 относится описанная выше гвоздевидная булавка.

Тип 2. Весловидные. Бронзовая булавка с дважды прогнутым заостряющимся книзу стержнем, верхняя часть которого расклепана в форме прямого весла, была найдена в разграбленном кургане № 4 группы «Серко», на Никольском курганном поле² (рис. 1, 10). Еще одна булавка с расклепанным верхним концом в форме фигурной лопаточки и втулкой на конце стержня хранится в Днепропетровском историческом музее³ (рис. 1, 14). Подобные булавки известны в памятниках лесостепи IV—III вв. до н. э., однако скорее всего они связаны с Востоком⁴.

Тип 3. Булавка, с петлевидной головкой, с круглым в сечении стержнем, верхний конец которого расклепан и свернут в петлю. В качестве разновидности встречаются булавки с нерасклепанным верхом, свернутым также в петельку.

Из степи происходят три железные булавки этого типа: одна из кургана 2 у села Кирово⁵ и две первого и второго варианта — из Каменского

¹ Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. МИА, № 36, 1954, стр. 108; «Археологія Української РСР», т. 2. Київ, 1971, стор. 148.

² Б. Н. Граков. Скифские погребения на Никольском курганном поле. МИА, № 115, 1962, стр. 79 и рис. 8, 3.

³ Днепропетровский исторический музей, № А-5486.

⁴ В. Г. Петренко. Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э. САИ, вып. Д1—4. М., 1967, стр. 30.

⁵ Э. В. Яковенко. Рядовые скифские погребения в курганах Восточного Крыма. «Древности Восточного Крыма». Киев, 1970, стр. 124, рис. 12, 16.

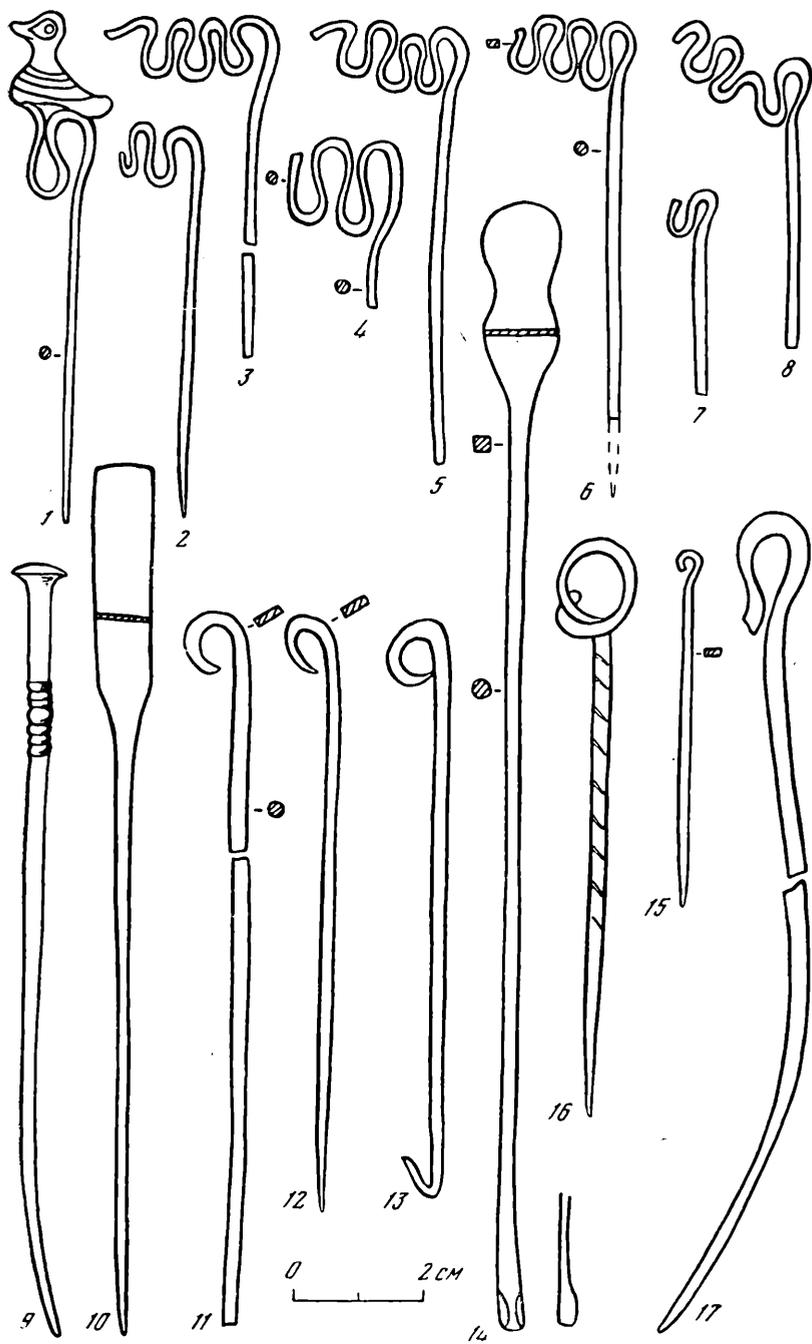

Рис. 1. Булавки из степных скифских погребений

городища⁶ (рис. 1, 11—13). Длина булавок 10,5; 9 и 8 см. Булавки этой формы известны на территории от Кавказа до Западной Европы и от Греции до лесной зоны Европейской части СССР. При этом они имеют очень широкий хронологический диапазон от эпохи бронзы до средневековья, поэтому не могут рассматриваться как характерные для какой-либо определенной эпохи или культуры.

Тип 4. Посоховидные. Во входной яме катакомбы кургана 2 группы Гаймановой могилы была найдена железная булавка длиной 12,5 см, с круглым в сечении стержнем. Верхний конец булавки согнут в форме пастьешского посоха (рис. 1, 17). Этой же формы, но меньшего размера (длина 5,2 см), сделанная из прямоугольного в сечении бронзового стерженька булавка была найдена на Каменском городище⁷ (рис. 1, 15). Вероятно, как вариант этой же формы можно рассматривать и другую железную булавку из Каменского городища, имевшую витой стержень и загнутую в петлю головку⁸ (рис. 1, 16). В степь этот тип булавок вероятнее всего попал из лесостепи, где подобные формы были распространены в памятниках IV—III вв. до н. э.⁹

Б. Н. Граков выделяет среди находок из Каменского городища два типа булавок с круглым стержнем, оканчивающимся продолговатой, наклоненной вперед ложечкой и круглой ложечкой¹⁰. Мне кажется, что отнесение этих предметов к булавам едва ли оправданно, так как мы не знаем ни одного случая нахождения их в рабочем положении, между тем форма их скорее говорит о туалетном назначении этих предметов.

Тип 5. Со спирально изогнутой головкой (рис. 1, 7—8). По общим пропорциям эта форма близка к посоховидной. Но верхний конец ее не обрывается, а изгибается, образуя петли, подобные головке. Таких витков бывает от полутора до трех с половиной. Стержень в сечении круглый, верхний конец его, образующий витки головки, иногда расклепан и имеет прямоугольное сечение (рис. 1, 5). Выполнены булавки из тонкой золотой, серебряной или бронзовой проволоки толщиной 1,5—2 мм. Высота булавок от 4,5 до 8 см. Всего найдено девять булавок этого типа: семь в четырех погребениях и две на Каменском городище. Булавка из Куль-Обы выполнена из золота и украшена фигуркой утки, посаженной на верхний изгиб спирали, что может рассматриваться как результат влияния греческого искусства на местную форму и хорошо отражает весь характер этого эллинизованного погребения. Орнаментальный мотив в виде полой фигурки утки в качестве различных привесок к украшениям был чрезвычайно распространен в греко-скифском декоративном искусстве IV в. до н. э. С другой стороны, с подобным же случаем, когда фигурка утки была посажена на булавку вполне определенной формы, известной во многих экземплярах без этого дополнения, мы встречаемся на греческой булавке VII в. до н. э. из музея Pezzoli¹¹. Может быть, подобным завершением булавки была и фигурка утки с дисковидной подвеской в клюве, найденная Г. Карейшей на Каменском городище, во всяком случае так полагают издатели «Древностей Боспора Киммерийского»¹².

Таким образом, из памятников степного Северного Причерноморья происходят пять типов булавок. Однако четыре из них представлены одним, двумя, в лучшем случае — тремя экземплярами и, вероятно, должны рассматриваться как случайное попадание единичных вещей соседних культур, отражающее торговые, брачные или какие-либо иные связи.

⁶ Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре, стр. 105, табл. XII, 10.

⁷ Коллекция ГИМ.

⁸ Б. Н. Граков. Указ. соч., стр. 105, табл. XII, 9.

⁹ В. Г. Петренко. Указ. соч., стр. 30, табл. 4, 3—8.

¹⁰ Б. Н. Граков. Каменское городище. . . , стр. 109, 105 табл. XII, 14, 15.

¹¹ «Stuka zlotnicka starozytniej Italii». Warszawa—Naj—Czerwiec, 1962, str. 45, N 37.

¹² «Древности Боспора Киммерийского», т. I. СПб., 1854, стр. 162; т. III. СПб., 1864, табл. XXIV, 5.

Таблица 1

Нахождение булавок в памятниках степного Северного Причерноморья

№ п/п	Наименование памятника	Дата	Местонахождение в могиле	Пол погребенного	Материал, из которого сделана булавка	Типы				
						1	2	3	4	5
1	Гайманова могила, погр. 4	IV—III вв. до н. э.	среди блях головного убора	ж.	серебро	—	—	—	—	3*
2	Группа Гаймановой могилы, к. 2	IV—III вв. до н. э.	во входной яме каткомбы	—	железо	—	—	—	1	—
3	Елизаветовский могильник, группа «Пять братьев», к. 8	IV в. до н. э.	среди украшений головного убора	—	бронза	—	—	—	—	2
4	Кирово, к. 2, погр. 1	—	между костями	—	железо	—	—	1	—	—
5	Куль-Оба	IV в. до н. э.	—	ж.	золото	—	—	—	—	1
6	Никопольский могильник, группа «Серко», к. 4	—	—	—	бронза	—	1	—	—	—
7	Чертомлык, юго-восточная камера	IV—III вв. до н. э.	—	—	серебро	—	—	—	—	1
8	Каменское городище	IV—III вв. до н. э.	—	—	бронза, железо	—	—	2	2	2
9	Днепропетровский исторический музей, случайные находки	—	—	—	бронза	1	1	—	—	—
Итого:						1	2	3	3	9

* количество экземпляров данного типа.

По-иному обстоит дело с четвертым типом. Во-первых, булавок этого типа девять, т. е. почти половина всех найденных на территории степи. Во-вторых, следует обратить внимание на то обстоятельство, что семь булавок этого типа были найдены в богатейших курганах: Куль-Обе, Чертомлыке, Гаймановой могиле¹³ и кургане 8 группы «Пять братьев» Елизаветовского могильника, где были похоронены, по-видимому, члены царской семьи племени скифов царских. Две булавки найдены в столице скифского государства — на Каменском городище, где находилась ставка царя и несомненно жили члены племени скифов царских.

Достаточно близкие хронологические аналогии булавам этого типа мне неизвестны. Во всяком случае у соседних со скифами племен аналогичных булавок не было. Может быть, их можно рассматривать как развитие посоховидного типа булавок, но и в этом случае они составят особый локальный вариант.

Учитывая все сказанное выше, можно предположить, что данный тип булавок являлся характерным племенным украшением скифов царских.

¹³ Пользуюсь случаем выразить благодарность В. И. Бидзиле за разрешение опубликовать булавки из Гаймановой могилы.

А. Я. ЦЕТЕНКО

РОЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ СРЕДЫ В СТАНОВЛЕНИИ
ПРОИЗВОДЯЩЕГО ХОЗЯЙСТВА ИНДОСТАНА¹

Проблема становления производящего хозяйства Индостана до сих пор остается не решенной окончательно. Наряду с возможным вариантом самостоятельного возникновения здесь земледелия и скотоводства существует мнение о принесении этих достижений человечества с запада. Характерные черты этого региона — появление оседлоземледельческих культур в более позднее время и неравномерность развития отдельных районов — связаны, вероятно, с влиянием географической среды, которая и в настоящее время настолько разнообразна, что часто Индостан представляют как «мир в миниатюре».

Оседлоземледельческие поселения Индостана на северо-западе связаны в основном с плодородными аллювиальными почвами долины Инда и горными районами Афганистана и Пакистана. Вторая область — это район деканских лав, на севере захватывающий южную часть плато Мальва, а на юге достигающий р. Кистна. Вся эта территория представляет собой довольно однообразное плоскогорье, расчлененное долинами рек и невысокими возвышенностями. Реки, водный баланс которых связан с муссоновыми ливнями, в определенное время года почти пересыхают, поэтому большое значение имеют всевозможные водоемы. Лишь в долинах рек Нарбады, Тапти и Годавари имеются плодородные аллювиальные почвы, тогда как основная часть территории покрыта черными регурями — наиболее типичными почвами, развивающимися на деканских лавах. Их способность удерживать влагу и их аэрация особенно благоприятны для земледелия².

Несмотря на общую однородность плоскогорья, существуют значительные различия между возвышенностями и речными долинами. Первые более расчлененные, имеют крутые склоны, каменистые обнаженные вершины, покрытые беднейшими регурями или даже красными, малоплодородными почвами. Широкие же долины обладают более мощными плодородными регурями с богатой растительностью. Вся область относится к зоне тропических сухих листопадных и отчасти колючковых лесов. Перечисленные особенности делают весьма различной ценностью той или иной местности Деканского плато с точки зрения географии расселения человека.

Изучение палеоботанических и палеозоологических материалов Харраппы, Мохенджо-Даро, Рангпура, Навдатоли позволяет считать, что географическая среда (растительность, животный мир, климат), существовавшая 6—5 тысяч лет тому назад, мало чем отличалась от современных природных условий индо-пакистанского подконтинента³.

¹ Термин Индостан применяется как широкое географическое понятие, включающее Индию, Пакистан и Бангладеш.

² О. Х. К. Спейт. Индия и Пакистан. М., 1957, стр. 662.

³ R. L. Raikes, R. H. Dyson. The prehistoric climate of Baluchistan and Indus valley. AA, 63, N 2, pt. I. Menashva, Wisconsin, 1961; V. Mitre. Plan economy in ancient

Наиболее благоприятные условия для перехода к новому типу хозяйства могли сложиться в тех районах древнего мира, где высокоспециализированное хозяйство собирателей развивалось на базе естественного произрастания злаковых растений. Н. И. Вавилов считал, что древние центры происхождения культурных растений являются до настоящего времени зонами исключительного сортового разнообразия. Исходя из современной ботанической географии, ученый выделил семь основных самостоятельных очагов происхождения «культурных растений и в то же время семь вероятных очагов самостоятельного возникновения земледельческой культуры». В числе таких очагов Н. И. Вавилов назвал Афганистан, Пакистан и Индостан с Индокитаем. Он указывал, что все намеченные им очаги приурочены преимущественно к горным тропическим и субтропическим областям и занимают в особенности подгорные полосы⁴.

«Если во влажных тропиках преимущественно развивается древесная растительность, — писал Н. И. Вавилов, — то в горных тропиках и субтропиках, где обосновались первые земледельческие культуры, наоборот, развиваются преимущественно травянистые виды, к которым относится большинство важнейших культурных растений»⁵. Для территории Индостана единственными районами, отвечающими перечисленным требованиям, являлись горные районы Северного Белуджистана и примыкающие к ним области Афганистана. И именно здесь были открыты архаические раннеземледельческие комплексы, демонстрирующие постепенный переход от присвоения продуктов природы к их производству.

Типичный комплекс охотников на диких животных (баран, газель, лисица) с кремневым инвентарем мезолитического облика был обнаружен в верхнем слое пещеры Кара-Камар, датируемым IX тыс. до н. э.⁶ Вероятно, еще в течение двух тысячелетий подобный образ жизни был характерен для жителей Северного Афганистана. По крайней мере, Л. Дюпри открыл такой же комплекс в нижнем слое пещеры Гари-мар, расположенной в известняковых холмах северной кромки Гиндукуша⁷.

Верхние слои этой пещеры дали два типа керамики, полированные костяные наконечники, пластины-серпы, обугленное зерно, большое число раковин улиток. Радиоуглеродные даты позволяют относить нижний слой Гари-мар к VII тыс. до н. э., а верхние неолитические слои — к VI тыс. до н. э.⁸

Следующая группа поселений представлена небольшими поселениями оседлого типа, появившимися в IV тыс. до н. э. в горных долинах Северного Белуджистана и Южного Афганистана. Остатками одного из них являются нижние слои поселения Кили-Гул-Мохаммед в районе Кветты. В пятиметровой толще керамика отсутствовала. В верхних ее слоях отмечены постройки из сырцового кирпича, костяные проколки, грубые орудия из кремнистого известняка (толстые пластины и скребки на отщепках). Подавляющее большинство костей животных в Кили I принадлежит уже одомашненным особям (козы, овцы, крупный рогатый скот). Принадлеж-

Navdatoli and Maheshwar. TRAR, publ. N 2. Poona, 1961; B. Nath. Plan remains from Rangpur. AI, N 18/19, 1963, p. 25—30.

⁴ Н. И. Вавилов. Проблемы происхождения мирового земледелия в свете современных исследований. М.—Л., 1932, стр. 7, 12—13; он же. Центры происхождения культурных растений. ТПБС, т. XVI, вып. 2. Л., 1920; он же. Учение о происхождении культурных растений после Дарвина. «Советская наука», 1940, № 12.

⁵ Н. И. Вавилов. Проблемы происхождения. . . , стр. 13.

⁶ С. Сооп, Н. У. Coultter. Excavation of the Kamar rock shelter. «Afganistan», 1955, N 1, p. 12—15; С. Сооп. Seven caves. London, 1957, p. 217—254; В. М. Массон, В. А. Ромадин. История Афганистана, т. I. М., 1964, стр. 29—30.

⁷ Л. Дюпри. Археология каменного века в Афганистане. «Труды VII МКАЭН», т. V. М., 1970, стр. 406—417; W. A. Fairsarvis. Excavation in the Quetta valley. West Pakistan. APMNH, v. 45, pt. 2. New York, 1956, p. 222—223.

⁸ G. F. Dales. A suggested chronology for Afganistan, Baluchistan and the Indus valley. In: «Chronologies in Old World archaeology». Chicago—London, 1965, p. 276.

ность последнего к типичному представителю местной фауны *Bos indicus* не совсем ясна. Небольшое количество костей диких животных свидетельствует о том, что скотоводство уже стало основным занятием населения. Радиоуглеродные даты верхних слоев Кили I помещают этот «докерамический неолит» в IV тыс. до н. э.; самые же нижние его слои уходят в конец V тыс. до н. э.⁹

В слоях следующего комплекса — Кили II (толщина 2 м) — появляются черепки сосудов, сделанных сначала от руки, с поверхностью, как бы сохранившей отпечатки плетеной корзины (*basket-marked pottery*), а затем к концу периода изготовленных на гончарном кругу и украшенных несложной росписью. По-прежнему встречаются грубые кремневые орудия и костяные шилья. Похожие материалы есть и в других долинах Северного Белуджистана. Недалеко от г. Лоралай расположено поселение Рана-Гхундай, где в нижних слоях (Рана-Гхундай I) также обнаружена посуда ручной лепки, аналогичная керамике цветских поселений¹⁰. Кремневые и костяные орудия, наличие костей домашнего скота, свидетельствуют об общности хозяйства у племен соседних горных долин; это были оседлые земледельцы и скотоводы.

С поселениями типа Кили II хорошо сопоставляются комплексы Анджира и Сиах-дамб (долина Сураба)¹¹, где найдены лепная керамика и архаичный кремневый инвентарь. Комплекс Анджира I был датирован в свое время 3500—3100 гг. до н. э. Однако в соответствии с новыми датами, он должен быть удревнен. Тогда последующие фазы (Анджира II и Сиах-дамб I), демонстрирующие развитие местной культуры, могут быть отнесены к середине IV тыс. до н. э.

Итак, в Северо-Западной Индии V—IV тысячелетий до н. э. происходит переход к новым видам экономики. Если комплексы Гари-мар II, Морази-Гхундай I документируют ранний этап становления производящего хозяйства (по Р. Брейдвуду — этап зарождения земледелия в областях, где имелись исходные виды для культивирования злаков), то комплексы Кили I, II, Анджира I, II, Сиах-дамб I, Рана-Гхундай I и Гари-мар II характеризуют этап создания примитивных сельских общин, этап появления поселений. Третий этап этого процесса — дальнейший прогресс сельских общин, появление городов и храмов — прослеживается на материалах долины Инда, где древнейшие памятники оседлых земледельцев характеризуют довольно развитую культуру.

Уже в первой половине III тыс. до н. э. в Синде и Пенджабе появляются первые поселки оседлых земледельцев. Они расположены в трех районах и дают три различных археологических комплекса. Это поселок северобелуджистанских племен под цитаделью Хараппы, поселение Амри в Синде и Кот-Диджи на левом берегу р. Инда¹². Развитой характер земледелия и скотоводства в этих дохаррапских комплексах не вызывает сомнения. Мощные культурные слои (в Кот-Диджи 4, 5), сырцовая архитектура, наличие зернотерок, отсутствие микролитов — все это свидетельствует о том, что котиджинская и амрийская культуры находились на высоком уровне развития.

Вся остальная часть страны в это время была населена племенами с присваивающим типом хозяйства. Наиболее ярко это представлено куль-

⁹ G. F. Dales. Op. cit., p. 276.

¹⁰ E. J. Ross. A chalcolithic site in Northern Baluchistan. JNES, v. V, N 4, 1946, p. 293—300; W. A. Fairsarvis. Archaeological surveys in the Zhob and Loralai districts, West Pakistan. APAMNH, v. 47, pt. 2, 1959, p. 363.

¹¹ B. de Cardi. New ware and fresh problems from Baluchistan. «Antiquity», XXXIII, 1959, p. 15—24; она же. British expeditions to Kalat, 1948 and 1957. PA, N 1, 1964, p. 20—29; она же. Excavation and reconnaissance in Kalat, West Pakistan. PA, N 2, 1965, p. 86—184.

¹² M. Wheeler. Harappa 1946. The defences and cemetery R-37. AI, N 3, 1947; J. M. Casal. Fouilles d'Amri. Paris, 1964; F. A. Khan. Excavation et Kot-Diji, PA, N 2, 1965.

турой Лангхнадж в Гуджарате¹³. Отмечено два периода этой культуры: 1) до 2500 г. до н. э. и 2) около 2000 г. до н. э. Первый характеризуется использованием микролитов, лепной, плохо обожженной керамики, во второй период появляются изделия из меди и новые типы посуды. Обитатели этих стоянок охотились на носорога, антилопу, индийского буйвола, волка и козла. Заметную роль в хозяйстве играли рыболовство и промысел черепашек. Во второй период имеются свидетельства знакомства со злаками.

Памятники гуджаратского типа с их типичными орудиями геометрических форм широко распространены на территории Индостана и образуют целый ряд локальных культурных комплексов¹⁴; их оставили группы охотников и рыболовов. Благодаря стратиграфическим колонкам Морена Чахар и Ликхахия (штат Утар Прадеш) индийскими исследователями установлена следующая культурная последовательность: 1) комплексы с негеометрическими микролитами; 2) комплексы с геометрическими микролитами и 3) комплексы с геометрическими микролитами и керамикой грубой ручной лепки. Древнейшие комплексы датируются VI тыс. до н. э., тогда как комплексы с геометрическими микролитами относятся ориентировочно к IV тыс. до н. э.

В перечисленных выше мезолитических комплексах отражена эволюция охотничьего хозяйства. Рыболовство и собирательство играли также большую роль. В тропических джунглях, богатых животными и растительными дарами и далеко отстоящих от основных центров происхождения культурных злаков, обитатели Декана в VI—IV тыс. до н. э. отставали в своем развитии от более прогрессивных племен северо-запада, уже переступивших порог производящего хозяйства.

В III—II тыс. до н. э. происходит бурное распространение хозяйства производящего типа по всему Индостану. Это явление связывается с усиливающейся экспансией хараппской культуры, которая в своем продвижении на восток и на юг вошла в соприкосновение с племенами Кашмира, долины Ганга и полуострова Декан. Такие форпосты хараппской цивилизации, как Рангпур и Лотхал, прямо потеснили аборигенов. В нижних слоях этих памятников представлены местные мезолитические комплексы. В связи с этим закономерным является вопрос о заимствовании аборигенами у пришельцев определенных злаков и пород скота.

В. М. Массон в свое время отмечал, что имеются два пути развития мезолитических культур¹⁵ в тех областях, где на основе этих культур складываются оседлоземледельческие племена, верхней гранью мезолита следует считать появление поселков из глинобитных хижин. Там же, где охотническо-рыболовецкое хозяйство продолжает оставаться основой экономики, такой гранью становится появление керамики. Положение это прекрасно иллюстрируется индийскими материалами. Первая глиняная посуда неолитических жителей Западной Бенгалии, обитателей гуджаратских стоянок и охотников Декана еще не говорит о смене экономической основы общества. Это был всего лишь шаг на пути к производящему хозяйству. Комплексы охотничьих племен с керамикой ручной лепки отно-

¹³ H. D. Sankalia. Excavation at Langhnaj. 1944—1963. Poona, 1965, pt. 1—111.

¹⁴ Это находки в районе Бомбея (см.: K. P. U. Todd. Appaleolithic industri of Bombay. JRAI, v. LXIX, 1939, pt. II, p. 257 ранний комплекс Джалахалли в Майсоре (см.: M. Seshardi. The stoneusing cultures of prehistoric and protohistoric Mysore. London, 1958), ряд комплексов в Андхра Прадеш (см.: K. V. Soundara Rajan. Stone age industries near Giddalur, district Kurnool. AI, № 8, 1952) и в Мирзাপуре, в бассейне Ганга (см.: V. D. Krishnasvami, K. V. Soundara Rajan. The lithic tool industries of the Singrauli basin. AI, N 7, 1951); это стоянка Бирбханпур в Западной Бенгалии (см.: B. B. Lal. Birbhanpur. A microlithic site in the Damodar valley, West Bengal. AI, N 14, 1958) и комплекс в Кучаи в Ориссе (см.: B. B. Lal. Indian archaeology since Independence. Delhi, 1964, p. 212, fig. 3).

¹⁵ В. М. Массон. К вопросу о мезолите Передней Азии. МИА, № 126, М.—Л., 1966, стр. 170.

сятся, как правило, к рубежу III—II тыс. до н. э., т. е. к тому времени, когда начинаются непосредственные контакты с хараппским миром. Около 2000 г. до н. э. появляются хараппские центры на Катхиаварском полуострове и в эстуариях Нарбады и Тапти. С этого времени начинается процесс становления производящего хозяйства обитателей Декана, причем Северный Декан с его плодородными регурами покрывается поселениями оседлых земледельцев, тогда как в Южной Индии, где нет плодородных почв, а ландшафт представляет идеальные условия для пастбищ, развиваются скотоводческие культуры.

О том, что перечисленные области получили в своем развитии могучий импульс со стороны северо-запада, свидетельствуют как археологические¹⁶, так и палеоботанические и палеозоологические данные. Земледельцы поселков Северного Декана возделывали два вида пшеницы — карликовую (*Triticum compactum*) и круглозерную (*Triticum sphaerosocum*) и более девяти видов бобовых. Меньшее распространение имел рис. Оба вида пшеницы были известны и хараппским поселенцам¹⁷, а круглозерная пшеница и до сих пор представляет узкоэндемический вид, возделываемый исключительно в Пенджабе¹⁸. В Насике и Навдатоли больше всего костей животных принадлежало индийскому быку (*bos indicus*) и буйволу (*bos bubalus*), т. е. крупному рогатому скоту. Значительно меньше был представлен мелкий рогатый скот — коза (*Capra aegagrus*) и овца (*Ovis vignei*). Домашняя свинья (*Sus cristatus*) и собака также были известны. Очень редко встречались кости диких животных; так в Навдатоли из 50 определимых костей лишь одна принадлежит оленю (*Cervus unicolor*), 26 — крупному рогатому скоту, 4 — мелкому и 6 — свиньям¹⁹. Сходная картина отмечена в хараппском Рангпуре, здесь 80% костей принадлежало крупному рогатому скоту (индийский бык, буйвол), 11% — мелкому (овца, козел), 8% — свиньям²⁰. Аналогичная картина, особенно в видовом отношении, наблюдалась в Хараппе и Мохенджо-Даро²¹.

В неолитическом периоде Маски (Южная Индия) оказались кости одомашненного короткорогого, безгорбого быка, а также кости индийского быка, козы и овцы²². Этот фаунистический комплекс повторяется и в неолитических слоях Пиклихала²³. Здесь также наиболее популярной фигурой был *Bos indicus* (30%). Индийский бык, однако, был представлен особями с длинными рогами. Этот вид отличается от своих короткорогих собратьев из Маски и хараппских центров. В то же время эта порода до сих пор особенно популярна в Декане. Вероятно, он был широко представлен и в неолитическую эпоху, так как его изображения на скалах встречаются часто в Южной Индии, и глиняные фигурки Пиклихала подтверждают это.

Домашняя коза и овца также были известны, а буйвол, который есть в хараппских комплексах и в энеолитических слоях Северного Декана, отсутствовал. Это весьма существенно, так как до сих пор в Декане буйвол встречается в полуприрученном состоянии. В Маски он появляется лишь в III периоде, а в Пиклихале только в раннеисторическое время. Замечено, что в петроглифах изображение буйвола чрезвычайно редко и

¹⁶ А. Я. Щетенко. Древнейшие земледельческие культуры Декана. Л., 1968.

¹⁷ J. Marshall. Mohenjo-Dare and the Indus civilization, v. I. London, 1931, p. 172; v. II, p. 586. Ср.: V. Mitre. Plant economy in ancient Navdatoli-Maheshvar. TRAR, publ. N 2, 1961, p. 25—30.

¹⁸ П. М. Жуковский. Культурные растения и их сородичи. М., 1950, стр. 85.

¹⁹ J. C. George. Identification of bones. DCMS, N 13. Poona, 1955; он же. Identification of bones from the chalcolithic layers. DCMS, Univ. publ. N 1. Poona—Baroda, 1958.

²⁰ B. Nath. Animal remains from Rangpur. AI, N 18—19, 1963, p. 153—155.

²¹ B. Prasad. Animal remains from Harappa. MASI, N 51, 1936; R. Sewell, B. Guha. Animal remains. In: J. Marshall. Mohenjo-Dare and Indus civilization, v. II, p. 649—673.

²² B. Nath. Animal remains (from Maski). AI, N 13, 1957, p. 121—129.

²³ F. R. Allchin. Piklihal excavations. Hyderabad, 1960, p. 114—121.

что он никогда не встречается на рисунках вместе с зебувидной породой быка. Чаще всего он оказывается в окружении оленей и других диких животных. Среди последних был и индийский слон, кости которого оказались в Пиклихале в неолитических слоях и в котором Р. Р. Олчин видит прототип для рисунка на печати из Маски.

Итак, в рассмотренных двух районах Индостана — в Северо-Западной Индии и на полуострове Декан — по-разному происходило становление производящего хозяйства. Если для деканских племен зависимость этого процесса от передовой цивилизации Хараппы, кажется, не вызывает сомнения, то вопрос о становлении нового типа экономики в Северо-Западной Индии еще не может быть решен окончательно. Северо-Западная Индия находилась в более благоприятных географических условиях в целом, чем полуостров Декан или остальная материковая часть Индостана. Преимущество это заключалось в ее неразрывной связи с Западной Азией.

В то же время наличие в Северо-Западной Индии одного из древнейших центров происхождения культурных растений и памятников, указывающих на возможный постепенный переход к новым видам хозяйства, как будто бы говорит о полицентризме происхождения земледелия. Действительно, древнейшая глиняная посуда белуджистанских поселков (*basket-marked pottery*) весьма своеобразна и не находит себе аналогий в памятниках Ирана или Средней Азии, откуда, казалось бы, могли прийти первые земледельческие племена. Кроме того, наличие среди одомашненных животных крупного рогатого скота местных пород также является одним из аргументов в пользу местного генезиса земледельческо-скотоводческой культуры. Изображение зебувидного быка на керамике последней фазы культуры Амри²⁴ свидетельствует о появлении этого животного задолго до первых глиняных хараппских бычков. А находки костей *bos indicus* в палеолитическом местонахождении Декана подтверждает исконно индийский характер этого вида крупного рогатого скота.

Как бы то ни было, сложение производящего хозяйства в Индостане в обоих регионах происходило в прямой зависимости от географической среды. Определенный рельеф, почвы, климат, растительный и животный мир — все эти компоненты географической среды либо создавали предпосылки для перехода к производящему типу хозяйства, либо служили тормозом на пути прогресса²⁵.

²⁴ J. M. Casal. Fouilles de Mundigak, v. II. Paris, 1964, fig. 9A.

²⁵ H. D. Sankalis. Animal-fossils and paleolithic industries from Pravara basin at Nevasa, district, Ahmadnagar. AI, N 12, 1956.

Е. Е. КУЗЬМИНА

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУРНОГО КОМПЛЕКСА
МОГИЛЬНИКА КХЕРАЙ

Проблема заселения индоариями территории индийского субконтинента до сих пор остается остро дискуссионной. Историки, археологи и лингвисты расходятся в определении прародины индоариев, путей их передвижения и времени появления в Индостане. Поэтому каждый факт, указывающий на возможность увязки археологических материалов северо-запада Индостана и сопредельных территорий, приобретает особое значение.

Интересные материалы были получены в северо-западном Пакистане, благодаря исследованиям Итальянской археологической миссии, возглавляемой Дж. Туччи¹. Особого внимания заслуживают раскопки Дж. Стакулом могильника Кхерай в Горбанде. Горная долина Горбанда связана перевалами с Афганистаном и Таджикистаном, с одной стороны, и с долиной Инда — с другой. Эта территория издревле была зоной передвижений и контактов.

В могильнике Кхерай было раскопано двенадцать одиночных погребений, совершенных по обряду труположения — скорченно, на правом боку, головой на юго-запад, в каменных ящиках, сложенных и перекрытых плитами сланца. Поскольку могильник сильно разрушен и стенки ящиков выступают на поверхность, установить характер верхней части погребальной камеры, в которую «впущены» ящики, невозможно². При умерших были поставлены глиняные сосуды. Большая часть их грубая, сформована вручную и имеет серо-коричневый цвет поверхности (класс А). Это глубокие плоскдонные миски и чашки с прямым венчиком, горшки с шарообразным или грушевидным туловом, а также сосуды цилиндрической формы и кубок или чаша на коническом поддоне³. Класс В — посуда серо-черного цвета, изготовленная на гончарном круге, представлена в могильнике цилиндрической формой⁴.

Помимо керамики, найдены только золотые височные колечки в полтора оборота.

Исследовавший могильник Дж. Стакул отметил, что керамика Кхерай гораздо примитивнее посуды, обнаруженной в других могильниках Свата, и в массе своей не имеет соответствий в Иране, если не считать формального сходства двух форм с Шах-тепе. Отсутствие аналогий не позволяет установить ни хронологию, ни происхождение культуры Кхерай.

Впоследствии Дж. Стакулом были произведены раскопки в Свате скального навеса Гхалигаи, в стратиграфической колонке слоев которого выделен период IV, давший керамику, близкую кхерайской. Этот период

¹ Обзор работ Итальянской археологической миссии в Пакистане см.: Е. Е. Кузьмина. Культура Свата и ее связи с Северной Бактрией. КСИА, вып. 132, 1972.

² G. Stacul. Notes on the Discovery of a Necropolis near Kherai in the Gorband Valley (Swat, W. Pakistan). EW, XVI, N 3—4, Roma, 1966, p. 261—274.

³ Там же, рис. 4, a—e; 5, a—f.

⁴ Там же, рис. 4, f.

непосредственно предшествует слоям с посудой, аналогичной найденной в других могильниках Свата⁵. Среди лепной керамики IV периода есть экземпляры с отпечатками ткани. Дж. Стакул сопоставляет материалы этого слоя с посудой Гиссар IIB-IIIВ, исходя из наличия в обоих комплексах чернолощенной керамики. Эти сопоставления вряд ли можно считать убедительными. Во-первых, Гиссар IIB датируется не позднее III тыс. до н. э., в то время как дата по С¹⁴, полученная для слоя III периода Гхалиган, подстилающего IV период, — 1505 ± 50 до н. э., т. е. между сопоставимыми памятниками оказывается более чем полутысячелетний разрыв. Во-вторых, гораздо более важно отсутствие сходства форм чернолощенной керамики Гиссара и Кхерая. Итальянские ученые вообще уделяют чрезмерно большое внимание распространению чернолощенной керамики⁶. Э. Кастальди на этом основании определяет даже этническую принадлежность носителей культуры Свата, вслед за исследователями культур Ирана принимая гипотезу об иранской принадлежности носителей чернолощенной посуды⁷. Эта точка зрения представляется недостаточно убедительной. Цвет поверхности сосуда зависит от способа обжига — при восстановительном обжиге поверхность получает черный цвет, при окислительном — красный. Специальными исследованиями историков гончарного производства установлено, что разные человеческие коллективы в разные эпохи независимо друг от друга изобретали эти технологические приемы⁸. Таким образом, один лишь цвет поверхности посуды не может служить указанием на этническую принадлежность ее изготовителей⁹. Представляется, что только устойчиво повторяющееся сочетание одинаковой технологии изготовления керамики и ведущих ее форм с другими признаками материальной культуры — в первую очередь с погребальным обрядом — служит указанием на вероятное родство двух археологических культур, за которым можно предполагать этническую близость их создателей.

Благодаря исследованиям советских археологов на юге Таджикистана теперь удастся определить историческое место могильника Кхерай, комплекс которого может быть сопоставлен с культурой, выделенной на севере Бактрии. Здесь А. М. Мандельштамом был раскопан могильник Тулхар¹⁰, Б. А. Литвинским — могильники Тигровая Балка, Ойкуль и ряд других¹¹; аналогичные погребения известны из случайных раскопок¹².

⁵ G. Stacul. Excavations in a Rock Shelter near Chāligai (Swāt, W. Pakistan). EW, XVII, N 3—4. Roma, 1967, p. 185—219; он же. Excavations near Chāligai (1968) and Chronological Sequence of Protohistorical Cultures in the Swāt Valley. EW, XIX, N 1—2, 1969, p. 62—64, 84, fig. 19.

⁶ E. Castaldi. La Necropoli di Katelai I nello Swat (Pakistan), Atti della Accademia Nazionale dei Lincei, Memorie VIII, XIII, fasc. 7. Roma, 1968, p. 610—616; G. Stacul. The gray Pottery in the Swāt Valley and the Indo-Iranian Connections (ca 1500—300 B. C.). EW, XX, N 1—2, 1970.

⁷ Критику этой гипотезы см.: А. М. Мандельштам. Рец. на кн.: L. Vanden Berghe. La necropole de Khurvin. Istanbul. СЭ, 1964, № 4, стр. 192—194.

⁸ L. Franchet. Ceramique primitive. Introduction a l'etude de la technologie. Paris, 1911; F. Matson. Ceramics and Man. London, 1965; M. Cardew. Pioneer Pottery. London, 1969.

⁹ Следует подчеркнуть, что в пору распространения комплексов чернолощенной керамики письменными источниками зафиксировано расселение в Иране неиндоевропейских народов (см.: И. М. Дьяконов. История Мидии. М.—Л., 1956).

¹⁰ А. М. Мандельштам. Памятники «степного» круга эпохи бронзы на юге Средней Азии. В кн. «Средняя Азия в эпоху камня и бронзы». М., 1966; он же. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. МИА, № 145. М.—Л., 1968.

¹¹ Б. А. Литвинский. Таджикистан и Индия. «Индия в древности». М., 1964; он же. Археологические открытия в Таджикистане за годы Советской власти и некоторые проблемы древней истории Средней Азии. ВДИ, 1967, № 4, стр. 122—126; Л. Т. Пьянкова. Могильник эпохи бронзы Тигровая Балка. «Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР». Ташкент, 1973, стр. 223—224.

¹² А. И. Тереножкин. Археологические находки в Таджикистане. КСИМК, вып. 20, 1948, стр. 75—76, рис. 37, 38; Г. И. Смоличев. Погребения со скорченными костями в р-не г. Сталинабада. «Известия Таджикского филиала АН СССР». Сталинабад, 1949, вып. 15; Е. Е. Кузьмина. К вопросу о формировании культуры Северной Бактрии. ВДИ, 1972, № 1, стр. 138—143.

А. М. Мандельштам выделил в Тулхаре несколько типов погребений, которые признал хронологическими. После того как будут опубликованы и другие северобактрийские могильники, вероятно, удастся выявить несколько хронологических и этнографических групп памятников. Пока же можно отметить, что признаки, характеризующие культуру могильника Кхерай, находят соответствия в Северной Бактрии. В обеих областях погребения совершаются в камерах, стенки могильных ям обкладываются камнями, практикуется положение умерших скорченно, на правом боку, с широтной ориентировкой.

Всем представленным в Кхерае формам керамики есть аналогии в Тулхарском и других северобактрийских могильниках (рис. 1). Особенно показательно сходство сосудов цилиндрической и грушевидной форм, составляющих специфику бактрийского керамического комплекса. В обеих областях известен прием формовки посуды на матерчатом шаблоне. Наряду с преобладающим типом лепной грубой керамики встречается небольшой процент импортной посуды, сделанной на гончарном круге. В Бактрии эта посуда изготовлялась земледельцами, жившими в городах и занимавшимися ремеслом, изделия которого они обменивали с соседними племенами. В настоящее время на территории Северной Бактрии известен целый ряд таких поселений: Кучук-тепе, Сапал-тепе, Муллоли-тепе и др.¹³

Аналогичные им, но еще более монументальные памятники открыты советско-афганской экспедицией, возглавляемой И. Т. Кругликовой, по южному берегу Амударьи¹⁴.

Гончары земледельческих поселений Бактрии изготовляли посуду, поверхность которой покрывали обычно беловатым ангобом. Наряду с ней производилась краснолощенная и чернолощенная керамика. Все три типа встречаются на поселениях Северной и Южной Бактрии. Эти поселения на основании стратиграфии и многих аналогий в памятниках Южного Туркменистана и Ирана датируются временем около середины II тыс. до н. э. Находки привозной гончарной керамики, как и типология обнаруженных в могильниках металлических изделий, позволяют относить бактрийские могильники ко 2-й половине II тыс. до н. э., что для ряда могил подтверждается датами по С¹⁴. Таким образом, время бытования в Северной Бактрии могильников, сопоставимых по погребальному обряду и керамическому комплексу с могильниками Кхерай, частично синхронно IV слою навеса Гхалигаи, давшему керамику, аналогичную кхерайской.

Каково же происхождение культуры, представленной материалами могильника Кхерай? Как справедливо отмечал Дж. Стакул, этот комплекс не имеет ни аналогий, ни прототипов ни в Индостане, ни в Иране. Рассмотренные северобактрийские параллели, как мне представляется, позволяют предполагать генетическую связь населения, оставившего могильник Кхерай в Северо-Западном Пакистане, с племенами, обитавшими на территории Бактрии.

¹³ Л. И. Альбаум. Поселение Кучук-тепе в Узбекистане. «Материалы археолого-этнографической сессии 1964 г.». Баку, 1965, стр. 59—60; *он же*. К датировке верхнего слоя поселения Кучук-тепе. ИМКУ, вып. 8. Ташкент, 1969; *он же*. Памятник эпохи бронзы на территории Сурхандарьи. «Общественные науки в Узбекистане». Ташкент, 1969, № 5, стр. 46, 47; А. Аскарлов. Раскопки на поселении Сапалли-тепе. АО 1971 г. М., 1972, стр. 510—511; *он же*. К вопросу о выделении культуры Сапалли. «Тезисы докладов...», стр. 21—23; Г. А. Пугаченкова. Археологические исследования Узбекстанской искусствоведческой экспедиции. АО 1970 г. М., 1971, стр. 421; *она же*. Работы Узбекстанской искусствоведческой экспедиции. АО 1971 г., стр. 521; *она же*. Работы в Шурчинском районе Узбекской ССР. АО 1972 г. М., 1973, стр. 467; *она же*. Новый памятник древнебактрийской культуры. «Успехи среднеазиатской археологии». Л., 1972, стр. 48—49.

¹⁴ И. Т. Кругликова, В. И. Сарияниди. Древняя Бактрия в свете новых археологических открытий. СА, 1971, № 4, стр. 154—158; В. И. Сарияниди. Изучение памятников эпохи бронзы и раннего железа в Северном Афганистане. КСИА, вып. 132, 1972, стр. 16—19; *он же*. Становление городской жизни Южной Бактрии. «Тезисы докладов...», стр. 84; И. Т. Кругликова. Раскопки Советской археологической экспедиции в Северном Афганистане. Там же, стр. 11.

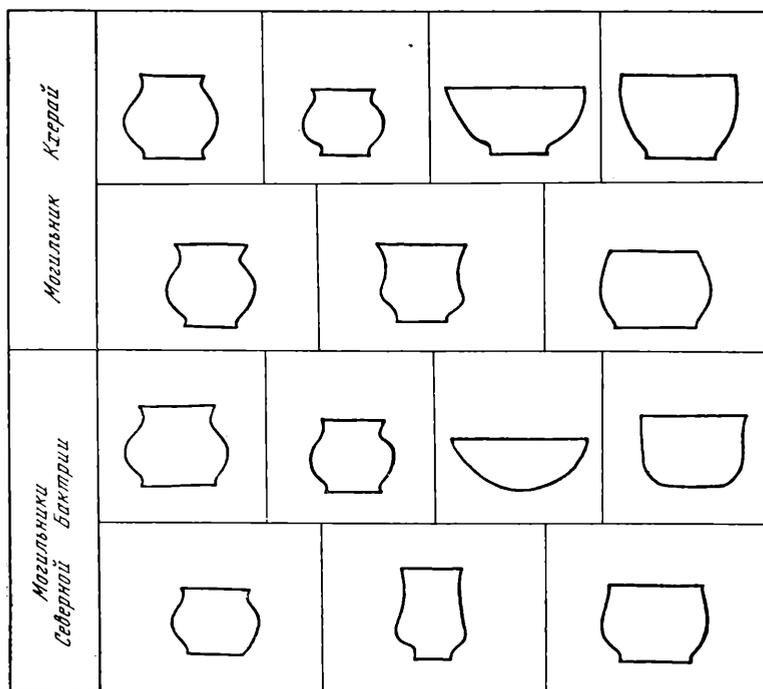

Рис. 1. Сопоставление керамики могильника Кхерай (по Д. Стакулу) и Северной Бактрии (по А. М. Мандельштаму и Е. Е. Кузьминой)

Что касается проблемы формирования культуры самих бактрийских могильников, то вопрос этот пока дискуссионен и не может быть решен вплоть до опубликования всех материалов. Одни исследователи склонны включать эту культуру в ареал распространения древнеземледельческих культур юга Туркмении, Узбекистана и Северного Афганистана, допуская лишь влияния степной бронзы¹⁵. Другие считают, что основным занятием населения, оставившего эти могильники, было скотоводство, а решающую роль при формировании этой культуры сыграли контакты различных групп племен евразийских степей¹⁶. В пользу последней гипотезы свидетельствуют топография могильников, расположенных в районах, непригодных для земледелия; погребальный обряд и конструкция каменных сооружений, совершенно чуждые земледельческим культурам и находящиеся прототипы в евразийской степной зоне; господство грубой керамики, изготовлявшейся вручную, в то время как на земледельческих поселениях было прекрасно организовано массовое производство посуды на круге в специальных мастерских, наконец, распространение среди лепной керамики весьма специфических сосудов — глубоких мисок и горшков с шаровидным и особенно грушевидным туловом, формы которых, обусловленные спецификой хозяйства и быта, характерны для скотоводческих культур Евразии.

Обнаружение на северо-западе Пакистана памятника, сопоставимого с материалами Северной Бактрии, дает основание говорить о проникновении на северо-запад Индостана во второй половине II тыс. до н. э. отдельных групп населения из Средней Азии. Эти данные находятся в соответствии с выводами лингвистов о продвижении в Индию последовательных волн племен, говорящих на арийских диалектах.

¹⁵ Б. А. Литвинский. Указ. соч.; Л. Т. Пьянкова. Указ. соч., стр. 224.

¹⁶ А. М. Мандельштам. Указ. соч.; Е. Е. Кузьмина. Указ. соч.; она же. Рец. на: А. Н. Dani. Excavations in the Gomal Valley. «Ancient Pakistan», v. V, 1970—1971. «Народы Азии и Африки», 1974, № 2.

ПУБЛИКАЦИИ

С. Н. КОРЕНЕВСКИЙ

КОМПЛЕКС БРОНЗОВЫХ ОРУДИЙ
МАЙКОПСКОГО ПОГРЕБЕНИЯ У СТАНИЦЫ ПСЕБАЙСКОЙ

Погребение майкопской культуры в кургане 1 у станицы Псебайской было раскопано Н. И. Веселовским в 1895 г.¹ А. А. Иессен в работе 1950 г. отнес его к новосвободненскому этапу майкопской культуры². С тех пор исследователи нередко упоминают это погребение при ссылке на круг памятников типа дольменов у станицы Новосвободной. Металлические предметы из этого погребения, за исключением двурогой вилки³, специально не опубликованы. Краткое описание их А. А. Иессеном⁴ не может заменить подробной публикации этого интересного комплекса.

Курган, содержащий погребение майкопской культуры у станицы Псебайской, является самым южным из памятников раннего бронзового века, раскопанных Н. И. Веселовским. Он находится на левом берегу р. Малая Лаба. Автор раскопок описал раскопки памятника следующим образом⁵: «Курган № 1 вышиной в 1½ сажени [около 3,1 м. — С. К.] в 10 верстах по дороге в Переправную. В нем найдена одна могила, впущенная в материк на 1½ аршина [немного больше 1 м. — С. К.] и заполненная мелким щебнем так, что распознать могилу и ее очертания было очень трудно. Над нею почти до поверхности кургана шел гольш, покрытый слоем земли. В насыпи попала круглая бронзовая бляшка (разбита ударом кирки), а ближе к могиле — бронзовая булава с фигурной головкой. При скелете найдены: бронзовый топор, золотые и сердоликовые бусы и золотые колечки, соединенные вместе (на одном из них сердоликовая буса). В западной части могилы лежала бронзовая кирка с загнутыми концами, бронзовый наконечник копья, обращенный острием на В, и плоский бронзовый топор в форме пальстава. Кости сильно истлели и полного скелета не было».

Б. А. Латынин писал, что ни медальон, ни молоточковидная булава, по-видимому, не относятся к комплексу погребения⁶. Заключение это кажется мне справедливым, поэтому в настоящей заметке упомянутые вещи не рассматриваются. Комплекс бронзовых орудий кургана 1 у станицы Псебайской хранится в Государственном Эрмитаже.

¹ ОАК за 1895 г., стр. 134.

² А. А. Иессен. К хронологии «больших кубанских курганов». СА, XII, 1950, стр. 163.

³ А. А. Формозов. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965, стр. 115, рис. 56, 4, а также: В. В. Данцлевский. Историко-технологические исследования древних бронзовых и золотых изделий. ИГАИМК, 110, М.—Л., 1935, стр. 225, рис. 128, 3, 4.

⁴ А. А. Иессен. Указ. соч., стр. 172, 173.

⁵ ОАК за 1895 г., стр. 134.

⁶ Б. А. Латынин. Молоточковидные булавы, их культурная атрибуция и датировка. «Археологический сборник ГЭ», вып. 9. Л., 1967, стр. 59.

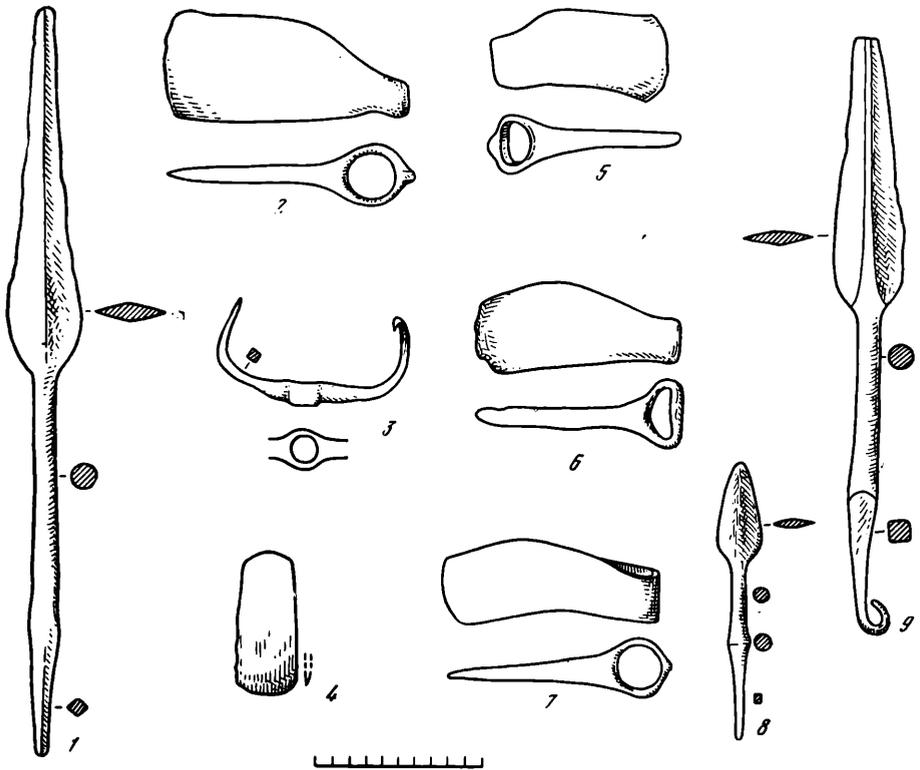

Рис. 1. Комплекс бронзовых орудий из кургана 1 у станицы Псебайской и их аналогии

1—4—ст. Псебайская; 5—с. Ялбузи; 6—г. Ленинская; 7—с. Брдадзор; 8—ст. Новосвободная; 9—«Тифлис»

Тесло (рис. 1, 4; ГЭ-27-4) имеет длину 8,8 см. Ширина у лезвия — 3,7 см, у тыльной части — 3,2 см. Тыльная часть скруглена, лезвие заточено или отбито с одной стороны. Тесла такого вида характерны для племен майкопской культуры⁷. Металл орудия не проанализирован.

Результаты спектрального анализа орудий из майкопского комплекса кургана 1 у станицы Псебайской следующие. Двуроговая вилка (рис. 1, 3; ГЭ-27-3) имеет размах между «рогами» 9,6 см. Один из них сильно загнут. Сечение «рогов» подпрямоугольное. Втулка круглая, ее внешний диаметр — 2,5 см, внутренний — 1,6 см. Как видно из табл. 1, содержание мышьяка в металле двурогой вилки очень низкое для мышьяковистых бронз майкопской культуры (0,3%)⁸. Не исключено, что это связано с переплавом металла, во время которого содержание мышьяка в меди может понижаться⁹. Двуроговая вилка является одним из характерных и загадочных металлических орудий майкопской культуры. Псебайская находка отличается от остальных подобных орудий, найденных как в комплексах, так и случайно, не только более низким содержанием мышьяка, но и сильно укороченной втулкой¹⁰. Литая удлиненная втулка, лишенная шнуровой орна-

⁷ Например: Т. Б. Попова. Дольмены станицы Новосвободной. «Труды ГИМ», вып. XXXIV. М., 1963, табл. IX, XVII, XIX, 3.

⁸ Металл орудий проанализирован методом спектрального анализа под руководством Е. Н. Черных в кабинете спектрального анализа лаборатории естественнонаучных методов ИА АН СССР.

⁹ J. A. Charles. Early Arsenical Bronzes — A Metallurgical View. AJA, v. 71, N 1, 1967, p. 21.

¹⁰ Е. Н. Черных. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966 (см. рисунки и анализы 1060, 1085, 962, 1403, 961, 1084). Мышьяк соответственно: 0,8%; 9%; 1,8%; 1,6%; 4%; 1,25%.

Таблица 1
Майкопский комплекс кургана 1 у станицы Псебайской

Шифр лаборатории	Предмет	Химический состав (в %)					
		Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb
12197	топор	?	0,003	?	0,003	0,1	0,008
12198	копье	?	0,002	?	0,007	0,04	—
12201	вилка	0,0005	0,006	?	0,0008	0,02	—

Таблица 1 (продолжение)

Шифр лаборатории	Предмет	Химический состав (в %)						
		As	Fe	Ni	Co	Mn	Au	Cu
12197	топор	1,2	0,012	0,01	—	0,01	0,001	основа
12198	копье	3,5	0,015	0,005	—	0,01	0,001	основа
12201	вилка	0,3	0,08	0,02	—	0,01	0,003	основа

ментации, является одним из характерных признаков орудий этой категории племен новосвободненского этапа, в отличие от трехзубой вилки, украшенной шнуровым орнаментом, найденной в дольмене у с. Эшери¹¹, и двузубой вилки с разомкнутой кованой втулкой, обнаруженной в катакомбном погребении в могильнике у г. Элисты, в кургане 8, погребении 6¹². Удлиненная втулка повышала прочность скрепления вилки с рукоятью. Поэтому форма орудия из кургана 1 станицы Псебайской, очевидно, связана или с неумением литейщика отливать удлиненную втулку, или с литейным браком.

Наконечник копья (рис. 1, 1; ГЭ-27-5), найденный в этом комплексе, имеет длину 46 см. Насад его длиной 7,2 см — четырехгранный; стержень длиной 16,5 см — круглый, немного сужается к лезвию; перо — обоюдоострое, с ребром посередине, длиной 22,3 см. Наконечник копья изготовлен из мышьяковистой бронзы. Такой же наконечник, но длиной всего 17,5 см найден Н. И. Веселовским в кургане 1, камере 1 у станицы Новосвободной¹³ (рис. 1, 8). Сведения о других подобных находках наконечников копий в комплексах майкопской культуры или о случайных находках в зоне распространения ее памятников нам неизвестны.

Для воинов племен новосвободненского этапа копья с черешковым насадом, по-видимому, не были характерным видом оружия. Количество их находок уступает в значительной мере топорам и ножам, если судить по сводке металлических орудий майкопской культуры, приведенной Е. Н. Черных. Исследователь учел 18 ножей и кинжалов, 14 топоров новосвободненского этапа¹⁴ (В настоящее время нам известно 23 топора, которые можно отнести к этому периоду). Копья с черешковым насадом в период раннего бронзового века Кавказа были распространены главным образом у племен куро-араксинской культуры. Мы учли 15 экземпляров этого вида оружия, найденных в Закавказье и Дагестане, по работам К. Х. Кушнаревой и Т. Н. Чубиншвили, Ц. Абесадзе, Ф. А. Махмудова, Р. М. Мунчаева, И. Г. Нариманова и других¹⁵. Центр их распространения тяготеет к среднему течению р. Куры (рис. 2). Вопросы, связанные с происхождением, хронологией, южными параллелями этого вида оружия, разобраны выше-

¹¹ Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды, т. I. Тбилиси, 1949, табл. XXXII, 3.

¹² И. В. Спицын, У. Э. Эрдиев. Элистинский могильник. Элиста, 1971, стр. 115, табл. 12, 2.

¹³ ОАК за 1898 г., табл. 4, 49.

¹⁴ Е. Н. Черных. Указ. соч., стр. 98, 101, 102.

¹⁵ К. Х. Кушнарёва и Т. Н. Чубиншвили. Древние культуры Южного Кавказа. Л., 1970, стр. 118, рис. 42, 1—7; Ц. Абесадзе. Производство металла в Закавказье в III тысячелетии до н. э. (куро-араксинская культура) (на груз. яз.). Тбилиси,

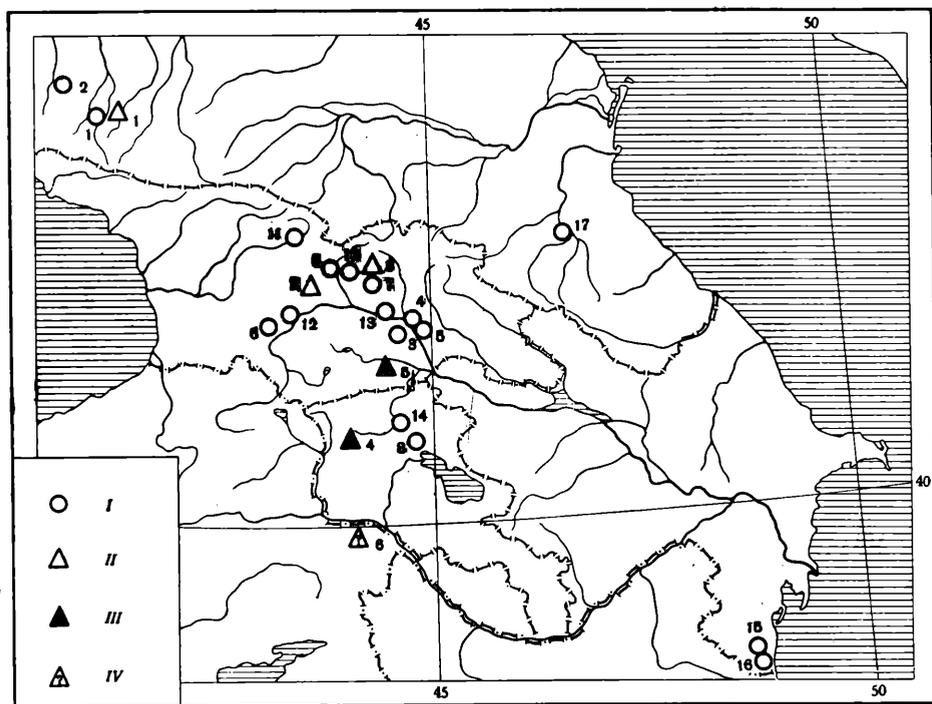

Рис. 2. Карта распространения на Кавказе находок наконечников копий с штыковидным насадом и топоров с сильно изогнутой спинкой и невыделенной втулкой I — копья; II — топоры с расширяющимся к лезвию клинком; III — топоры с сужающимся к лезвию клинком; IV — условно относимая к топорам находка. Перечень находок. Наконечники копий: 1 — ст. Псебайская; 2 — ст. Новосвободная; 3 — грузинское общество распространения грамотности; 4 — ЗАГЭС; 5 — Тифлис; 6 — Ахалдих; 7 — Осприси; 8 — Севан; 9 — Цардис-гора; 10 — Сячхере; 11 — Местинский музей; 12 — музей г. Ахалдих; 13 — Багинети; 14 — Кировакан; 15—16 — с. Тельмана; 17 — Чиркейское поселение; топоры: 1 — ст. Псебайская; 2 — с. Ялоуви; 3 — урочище Кульбакеби; 4 — г. Ленинакан; 5 — с. Брдадзор; 6 — Игдырское поселение

названными авторами и мы не будем их касаться¹⁶. Среди копий племен куро-араксинской культуры есть как отличающиеся от майкопской формы (например, копьа из Багинети, Осприси, Кировакана)¹⁷, так и очень близкие; копьа с четырехгранным насадом, круглым стержнем и лезвием с ребром (Ахалдих, погребение у с. Тельман, Астаринского района, Азербайджанской ССР, Чиркейское поселение¹⁸, «Тифлис») (рис. 1, 9). Таким образом, копьа из курганов станиц Новосвободной и Псебайской не являются, как топоры майкопского облика и кинжалы с прокованным долем, специфическим оружием племен майкопской культуры новосвободненского этапа. Появление копья со штыковидным насадом у племен майкопской культуры, вероятно, связано с заимствованием этого оружия племенами раннего бронзового века Прикубанья у своих южных соседей.

Топор (рис. 1, 2; ГЭ-27-2) имеет длину 15,1 см. Лезвие его слабо скруглено (ширина 6,8 см), спинка сильно изогнута, верхний край втулки скошен под углом 30° относительно линии насада, обух имеет высоту 2 см, брюшко прямое. Передняя стенка втулки не выделена снизу. Клинок в плане

1969, табл. IV, 90; VI, 133, 136, 138; VIII, 161; Ф. А. Махмудов, Р. М. Мунчаев, И. Г. Нариманов. О древнейшей металлургии Кавказа. СА, 1968, № 4, стр. 21, рис. 5, 7, 8; «История Дагестана», т. I. М., 1967, стр. 63, рис. 16.

¹⁶ К. Х. Кушнарева и Т. Н. Чубинишвили. Указ. соч., стр. 124, 125; Ф. А. Махмудов, Р. М. Мунчаев, И. Г. Нариманов. Указ. соч., стр. 21—22.

¹⁷ Ц. Абесадзе. Указ. соч., табл. VI, 135, 138; VIII, 161.

¹⁸ Там же, табл. VI, 134; Ф. А. Махмудов, Р. М. Мунчаев, И. Г. Нариманов. Указ. соч., стр. 21, рис. 5, 8; «История Дагестана...», стр. 63, рис. 16.

четко отделен от втулки, ширина которой в плане — 3,6 см. Вес орудия — около 600 г. Топор изготовлен из мышьяковистой бронзы.

Топор из кургана 1 у станицы Псебайской отличается от всех топоров майкопской культуры, как найденных в комплексах, так и случайно, сильным изгибом спинки и скосом верхнего края втулки. Клин топора более узкий, чем у топоров новосвободненского этапа, близких ему по длине (например, из кургана 6, станицы Андриюковской¹⁹, аула Лакшукай²⁰, станицы Анастасьевской)²¹. На Кавказе нам известны еще четыре топора с невыделенной втулкой, у которых спинка изогнута подобным образом. Они найдены у села Ялбузи²² (рис. 1, 5), в урочище Кульбакеби²³, у села Брдадзор²⁴ (рис. 1, 7) и у города Ленинакан²⁵ (рис. 1, 6). Возможно, к этой серии орудий принадлежит обломок топора из Игдырского поселения куро-араксинской культуры²⁶. Судя по ареалу находок топоров с сильно изогнутой спинкой и невыделенной втулкой, традиция их изготовления на Кавказе связана с племенами куро-араксинской культуры (рис. 2). Топоры этого вида можно разбить на две группы: с суженным к лезвию клином (Брдадзор, Ленинакан) и расширяющимся к лезвию клином (Ялбузи, Кульбакеби в Закавказье). Топоры первой группы найдены в междуречье Куры и Аракса, второй группы — в Закавказье, к северу от р. Куры. Топор из кургана 1, у станицы Псебайской близок топорам из Ялбузи и Кульбакеби, но больше их по размерам (последние имеют длину около 10 см). Брюшко у него прямое, у закавказских топоров слегка изогнуто. Группа этих топоров малочисленна, поэтому в настоящее время трудно сказать, являются ли они импортным орудием из Закавказья или местным подражанием южным образцам. Но своеобразие их формы, очевидно, связано с влиянием металлообработки куро-араксинской культуры.

Раскопанное Н. И. Веселовским погребение в кургане 1 у станицы Псебайской уступает по количеству бронзовых предметов и драгоценных украшений более богатым погребениям майкопской культуры, таким, как основное погребение майкопского кургана²⁷, дольмены у станицы Новосвободной²⁸, гробница в г. Нальчике²⁹. Как и остальные погребения майкопской культуры с разнообразным ассортиментом орудий и оружия, погребение в кургане 1, у станицы Псебайской имеет дружинный характер. Поэтому его можно рассматривать как погребение знатного воина, уносившего с собой в загробный мир дорогое оружие.

Комплекс бронзовых орудий описываемого погребения примечателен тем, что в его состав, как и в комплекс оружия камеры 1, кургана 1 у станицы Новосвободной, входят предметы, указывающие на возможное проникновение традиций металлообработки племен раннего бронзового века Закавказья к племенам новосвободненского этапа майкопской культуры.

Согласно А. А. Иессену погребение майкопской культуры в кургане 1 у станицы Псебайской датируется 2300—2000 г. до н. э.³⁰

¹⁹ А. А. Формозов. Указ. соч., стр. 115, рис. 56, 6.

²⁰ В. И. Марковин. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы. МИА, № 93, 1960, стр. 36, рис. 7, 11.

²¹ Хранится в ГИМ, № 547466.

²² Ф. Тавадзе и Т. Сакверелидзе. Бронзы древней Грузии. Тбилиси, 1959, табл. VI, 3.

²³ В. П. Любин. Археологическая разведка в окрестностях города Сталинара. КСИИМК, вып. 60, 1955, стр. 15, рис. 1, 4.

²⁴ Д. Абесадзе, Р. Бахтадзе, Т. Двали, О. Джапаридзе. К истории меднобронзовой металлургии в Грузии. Тбилиси, 1958, табл. V, 6.

²⁵ А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964, стр. 26, рис. 2, а.

²⁶ К. Х. Кушнарева, Т. Н. Чубиншвили. Указ. соч., стр. 115, рис. 40, 15.

²⁷ ОАК за 1897 г., стр. 2—11.

²⁸ ОАК за 1896 г., стр. 33—35.

²⁹ И. М. Чеченов. Гробница эпохи ранней бронзы в г. Нальчике. СА, 1970, № 2, стр. 109—124.

³⁰ А. А. Иессен. Майкопская культура и ее датировка. «Тезисы докладов на заседаниях ИА АН СССР, посвященных итогам полевых исследований 1961 г.» М., 1962, стр. 19—22.

В. И. МАРКОВИН

СОСТАВНОЙ ДОЛЬМЕН У СЕЛА АДЕРБИЕВКА
И ДОЛЬМЕНИВООИДНЫЕ ГРОБНИЦЫ В БАССЕЙНЕ Р. КЯФАР

На Западном Кавказе известно всего 32 составных дольмена из 2214 дольменных сооружений (главным образом плиточных построек). Каждый из составных дольменов в силу своей конструкции — сочетания каменных плит и блоков в разных комбинациях — уникален. Мне уже приходилось описывать составные дольмены, близкие по форме плиточным сооружениям трапециевидного плана, многоугольные и круглые постройки и дольмены, напоминающие купольные гробницы Средиземноморья¹. Однако этими вариантами не исчерпывается все многообразие составных дольменов на Западном Кавказе.

В 1972 г. на вершине одного из острогов Мархотского хребта, близ села Адербиевка (бассейн р. Адербы у г. Геленджика) был обнаружен составной дольмен. Эта постройка, стоящая в паре с плиточным сооружением, известна давно². Б. В. Луин опубликовал рисунок нижней части передней плиты с декором, украшающим камеру дольмена. Исходя из архаичности орнамента постройки, автор все дольмены Черноморья отнес к каменному веку³.

Интересующий нас дольмен не очень точно ориентирован с севера на юг, фасад расположен с южной стороны. Сложен из массивных, тщательно обработанных блоков красно-серого песчаника. Камни положены в 2—3 ряда. Отдельные блоки обработаны так, что имеют Г-образную форму.

Камера дольмена имеет трапециевидную форму, углы ее закруглены. Длина камеры по средней линии — 2,23 м, ширина в передней части — 2,10 м, ширина в задней части — 1,80 м. В передней части дольмен разрушен. Судя по положению перекрытия, камера у фасада достигала в высоту 1,60 м, в задней части — 1,40 м. Высота камеры неравномерна и по ширине: в западной части она увеличивается на 6—7 см.

Каменные блоки, из которых сложен дольмен, нависают друг над другом, образуя вместе с перекрытием подобие ложного свода. Величина блоков различна: высота — от 0,67 до 0,34 м при толщине 0,60—0,40 м (толщина отдельных блоков неравномерна).

Камера дольмена с внутренней стороны тщательно обработана, на уровне 0,75 м от пола некогда проходил сплошной бордюр из рельефных зубцов, обращенных остриями вниз. Сейчас они сохранились лишь частично. На отдельных блоках выбиты вертикальные и горизонтальные зигзаги.

¹ В. И. Марковин. Дольмены Западного Кавказа (некоторые итоги изучения). СА, 1973, № 1, стр. 10, 14, 15, рис. 3; он же. Составные дольмены с ложным сводом на Западном Кавказе. КСИА, вып. 134, 1973, стр. 35—41.

² Дольмен бегло упоминался Б. В. Луниным в его докладе, прочитанном 3 февраля 1924 г. на заседании Донского общества археологии и истории искусств.

³ Б. В. Луин. Дольмены Черноморья. «Материалы по археологии Юго-Востока России», кн. I, вып. 1. Ростов-на-Дону, 1924, стр. 25.

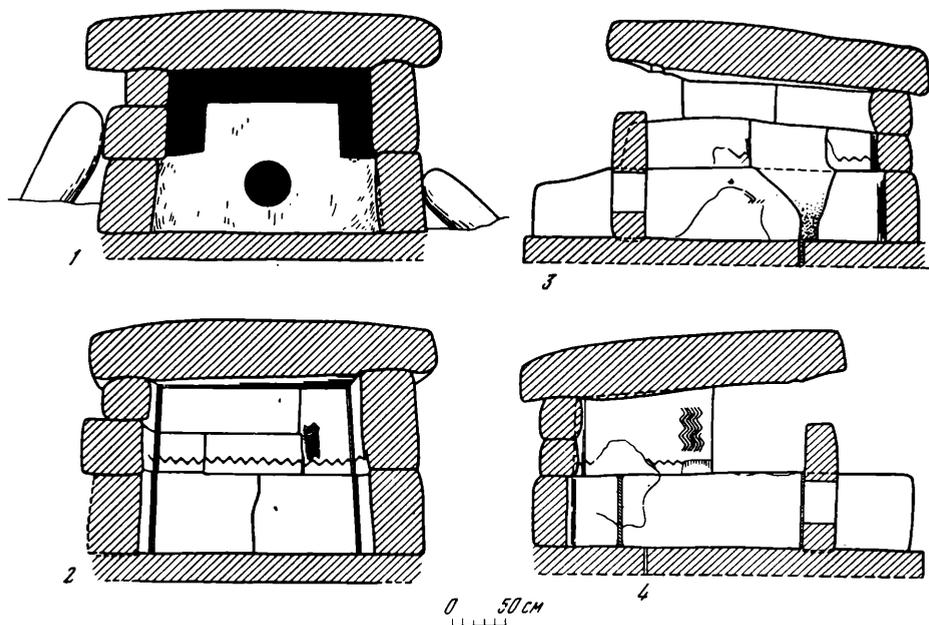

Рис. 1. Составной дольмен у с. Азербиевка (близ г. Геленджика)

1 — разрез дольмена с передней плитой (заметно углубление в плече плиты); 2 — задняя часть камеры дольмена; 3, 4 — боковые разрезы дольмена

Передняя стена сохранилась лишь в своей основной — нижней части. Плита имеет трапециевидную форму, но снабжена боковыми врезами; длина у основания — 2,10 м, высота — 1,20 м, толщина в средней части — 0,32—0,30 м. В плите пробито отверстие диаметром 0,40 м, расположенное на высоте 0,25 м от ее основания. В боковые врезы плиты входили, очевидно, отсутствующие Г-образные блоки, а сверху ее лежала плита (не сохранилась, но о ней упоминает Б. В. Лунин). Основание передней плиты покоится на широком камне, который одновременно является частью пола дольмена и порталной площадкой перед его фасадом, обрамленным выступами боковых плит.

Перекрытие (3×3,20—2,20×0,30—0,40 м) снабжено пазами, в которые входят камни кладки. В передней части перекрытия сделан срез, образующий подобие тонкого «kozyрька» (с толщиной плиты до 0,35 м).

С боков блоки камеры поддерживают девять массивных опорных камней, служащих контрфорсами. Они совершенно не обработаны.

Дольмен в Азербиевке (рис. 1) близок плиточным сооружениям трапециевидного плана и вместе с тем напоминает дольмены поселка Гузерибль и дольмен № 528 бассейна р. Кизинки (ст. Баговская), которые сопоставляются с купольными гробницами Средиземноморья⁴. Азербиевский дольмен типологически занимает срединное положение между ними. В настоящее время мы не знаем аналогичных сооружений, хотя внешне ему близки постройки, найденные в районе Геленджика, поселков Лазаревского и Садового в бассейне р. Пшиш⁵. Однако если исходить только из сходства орнаментального декора, то описанному нами дольмену могли быть аналогичны еще два дольмена, известные из той же Азербиевки

⁴ В. И. Марковин. Составные дольмены с ложным сводом. . . , стр. 35—41, рис. 7, 9, 10.

⁵ Н. Е. Талицкий. Несколько слов о кавказских дольменах. «Известия ОЛИКО», вып. 5, Екатеринодар, 1912, стр. 92—96, рис. 5; А. Н. Казнаков. О дольменах на р. Псеузапе. Неизданная заметка инженера Гилева. «Известия Кавказского музея», т. IX, вып. 1. Тифлис, 1915, стр. 53, 54; В. М. Сысов. Археологическая экскурсия по Закубанью в 1892 году. МАК, IX. М., 1904, стр. 115 и сл.

(нами не был найден) и ст. Шапсугской⁶. К сожалению, об их конструкции ничего не известно, кроме того, что орнамент в виде «змей» был нанесен на порталные выступы сооружений. Едва ли сходство в орнаменте обязательно должно указывать и на сходство в архитектуре сооружений. А. Ф. Лещенко опубликовал детали плиточных дольменов из окрестностей Геленджика, которые украшены зубцами и змеевидным орнаментом (нанесены внутри камеры и по торцам порталных выступов). Им упоминаются также дольмены с аналогичным декором, стоявшие на р. Пшаде и у ст. Эриванской⁷. Этот факт лишь подчеркивает распространенность подобного дольменного декора на небольшом участке Причерноморья — в районе г. Геленджика и еще раз указывает на преемственность, существующую между плиточными и составными сооружениями. Сказанное подчеркивает уникальность дольменного сооружения села Азербиевка.

Уже делались попытки датировать дольмены, в том числе и азербиевский, по особенностям орнамента. Б. В. Луин, как уже говорилось, временем их создания называл каменный век, А. Ф. Лещенко — энеолит (по сходству дольменного узора с отдельными декоративными элементами, обнаруженными на предметах знаменитого Майкопского кургана)⁸. На самом деле дольменный орнамент близок узорам, которыми обычно покрыты фрагменты керамики, происходящей из дольменов и поселений, связанных с ними⁹. Это позволяет говорить о времени эпохи бронзы (без уточнения).

Раскопки азербиевского дольмена, особенно его порталной части, позволили собрать керамику двух типов: типично дольменную (с красной и черной поверхностью, с примесью кальцита и комочков мергеля в тесте) и скифского времени (стенки сосудов и ручки от чарок). Эта поздняя группа керамики находит полные аналогии среди материалов, происходящих из «впускных» захоронений в дольменах Толстого мыса у Геленджика¹⁰.

Учитывая древность основных находок керамики, а также конструкцию азербиевского составного дольмена и его место среди дольменов Западного Кавказа, постройку данного памятника можно ориентировочно отнести к началу второй половины II тыс. до н. э.

Однако еще раз обратим внимание на некоторые особенности в конструкции дольмена села Азербиевка.

1. Передняя стена постройки состоит из двух частей. В основной плите (с отверстием) по бокам сделаны врезы, образующие уступы — «плечи».
2. Одно из плеч передней плиты снабжено небольшим углублением. Вряд ли это является случайностью. В него вставлялась каменная «шпонка», которая, входя в аналогичное углубление бокового блока, прочно скрепляла между собой камни.
3. Нависающие каменные блоки не только образуют подобие ложного свода внутри дольмена, но и внешне делают его похожим на пирамиду, хотя плита перекрытия сильно уплощает все сооружение.
4. Внутри камеры до сих пор заметны следы шлифовки камня в виде едва заметных волнообразных линий (также была обработана передняя плита и одного плиточного дольмена в селе Пшада).

Все отмеченные особенности находят дальнейшее развитие в конструкции и обработке камня так называемых дольменовидных гробниц Верхнего Прикубанья (Карачаево—Черкессия). Они сделаны из хорошо отесанных

⁶ Е. Д. Фелицын. Западнокавказские дольмены. МАК, IX, стр. 31, 32, рис. 15.

⁷ А. Ф. Лещенко. Матеріали до орнаментики дольменів на Північно-Західньому Кавказі. «Антропологія». Київ, 1931, стр. 242, 243, рис. 2, 3.

⁸ А. Ф. Лещенко. О времени сооружения мегалитических памятников Северо-Западного Кавказа. «Известия ОЛИКК», вып. IX. Краснодар, 1925, стр. 91—93.

⁹ В. И. Марковин. Дольмены Западного Кавказа. ..., стр. 19—21, рис. 8, 44—47.

¹⁰ И. И. Аханов. Геленджикские подкурганые дольмены. СА, 1961, № 1, стр. 147, рис. 7, 5, 6. В музее г. Геленджика хранится более ранняя керамика, происходящая из этих же дольменов. И. И. Аханов описал лишь материал скифского времени.

плит. Передняя стена построек представляет один-два монолита с «необходимыми для крепления боковых плит пазами и плечами». Фасад снабжен круглым или овальным отверстием, которое, как и в дольменах, закрывалось каменными «пробками». Стены гробниц сложены ступеньками (пирамидообразно), хотя известны сооружения и с ровными стенами. Крышу делали из целых плит, положенных по длине. Иногда она имела двускатную форму¹¹. Подобные гробницы обнаружены в бассейне р. Кяфар, в ауле Верхняя Теберда (Амгата), по р. Гиляч и в других пунктах¹². Исследователи датируют их VIII—XII вв. н. э. В. А. Кузнецов связывает эти гробницы с западным локальным вариантом аланской культуры¹³, а их строителями считает жителей Западной Алании¹⁴.

В 1972 г. нам удалось обмерить дольменовидные гробницы, находящиеся в бассейне р. Кяфар (балка р. Кривой, в 17 км южнее ст. Сторожевой). Они расположены в горном лесу среди склепов, сложенных из рваного камня и имеющих четырехугольные лазы (входы). Архитектура склепов ничего общего не имеет с тщательно выполненными монументальными гробницами. Склепы хорошо изучены В. А. Кузнецовым и датируются им также VIII—XII вв.¹⁵

Изучение дольменовидных сооружений позволило подметить черты, которые ярко выявлены и в дольмене села Азербиевка: сложная конфигурация передних плит; гнезда для каменных «шпонок», высеченные в боковой части блоков и плит; пирамидообразный характер кладки большинства гробниц; обработка поверхности камней с помощью скребка, дающего волнообразные, спиральные и веерообразные округлые углубления. К этому можно добавить пазы, подтески и другие приемы, которые служили для надежной связи отдельных частей, столь характерные для дольменов эпохи бронзы. В гробницах ясно заметно изощренное мастерство обработки камня и возведения сложных построек (рис. 2).

Исследователи, как видно, не обратили внимание на то, что внутри каждой дольменовидной гробницы (их внешние размеры: 3,22×2,73 м; 2,90×2,10 м; 2,78×2,30 м и др.) имеется «впущенная» в нее, грубо сложенная каменная обкладка в рост человека (1,94×1,05 м; 1,56×0,96 м и др.). В них во время наших расчисток найден материал аланского времени: керамика, обломки бронзовых бляшек и железных предметов. Эти захоронения в обкладках близки по инвентарю и особенно грубому характеру обрамления рваным камнем тем поздним склепам, что соседствуют с местными дольменами. Прежде чем устроить в дольмене эти впускные захоронения, население аланского времени вычистило их, а после похорон дольменную камеру заполнило мелким щебнем. Нет никакого сомнения, что так называемые «дольменовидные гробницы» являются настоящими составными дольменами, которые использовались в более позднее — в данном случае аланское время. Это вполне возможно, так как и в плиточных дольменах на основной территории их распространения встречаются остатки погребений со скифским, меотским и даже позднесредневековым инвентарем. Можно предположить, что составные дольмены р. Кяфар и других могильников Верхнего Прикубанья были использованы для захоронений не рядовых, а особо значительных лиц аланского времени.

¹¹ В. А. Кузнецов. Археологические разведки в Зеленчукском районе Ставропольского края в 1953 году. «Материалы по изучению Ставропольского края», вып. 6. Ставрополь, 1954, стр. 347; он же. Средневековые дольменообразные склепы Верхнего Прикубанья. КСИА, вып. 85, 1961, стр. 106, 107; Т. М. Минаева. История алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь, 1971, стр. 68, 69.

¹² Е. П. Алексеева. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкессии. М., 1971, стр. 81 и сл.

¹³ В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа. МИА, № 106, 1962, стр. 52—56.

¹⁴ В. А. Кузнецов. Алания в X—XIII вв. Орджоникидзе, 1971, стр. 137, 138.

¹⁵ В. А. Кузнецов. Наземные гробницы на реке Кривой в Ставропольском крае. КСИА, вып. 76, 1959, стр. 83—89.

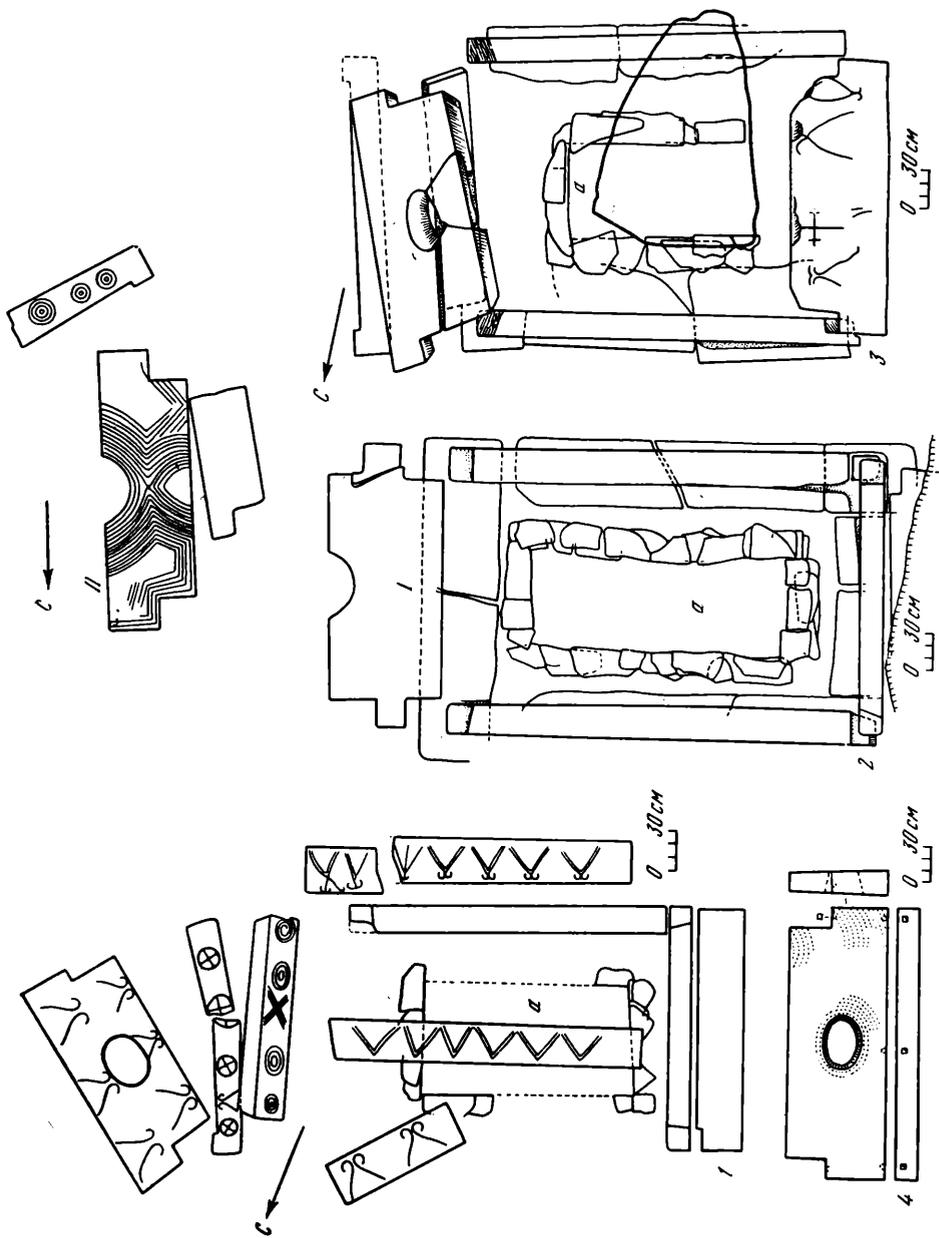

Рис. 2. «Дольменовидные гробницы» бассейна р. Кляфар
 1-3 — планы трех «дольменовидных гробниц», отдельные плиты разбросаны (а — впускные погребения в каменных обкладках);
 4 — передняя плита дольмена с углублениями для «шпонок»

Вероятно, в силу этого дольмены р. Кяфар и других пунктов тогда же были украшены рельефами, выбитыми знаками в виде козлов, а с проникновением христианской символики — крестами, которые якобы являлись самым универсальным оберегом и очистительной силой. Ими уничтожались языческие начала в древних постройках и освящалась возможность использования для христианских захоронений. Подобные факты хорошо известны из истории христианства: на месте «капищ» строили церкви, а на «языческих» постройках, прежде чем использовать их, выбивали кресты¹⁶.

Составные дольмены р. Кяфар и сходные с ними являются памятниками дальнейшего развития данного типа мегалитических построек¹⁷. Их трудно датировать без полных раскопок, но отнесение к самому концу II тыс. до н. э. и, быть может, началу I тыс. до н. э. представляется вполне возможным. Только слабая изученность дольменных памятников на их основной территории — Причерноморье и Прикубанье, — отсутствие публикаций с обмерами и могло привести к тому, что целая категория древних памятников попала в разряд средневековых.

Интересен еще один факт. На территории Причерноморья и Прикубанья (в пределах Краснодарского края) дольмены позже середины II тыс. до н. э. уже не строились, а в Карачаево-Черкессии, судя по упоминавшимся памятникам, их продолжали воздвигать и несколько позже. Вполне возможно, что какое-то племенное объединение носителей дольменной культуры, находясь вдали от главной своей территории, сумело в течение длительного периода не только сохранить, но и развить традиционные строительные приемы в возведении мегалитических гробниц.

¹⁶ П. Иоселиани. Жизнеописание святых, прославляемых грузинской церковью. Тифлис, 1850, стр. 41, 64, 81; Дм. Бакрадзе. Кавказ в древних памятниках христианства. «Записки Общества любителей кавказской археологии», кн. I. Тифлис, 1875, стр. 71.

¹⁷ Л. Г. Нечаева в работе «Осетинские погребальные склепы и этногенез осетин» (сб. «Этническая история народов Азии». М., 1972) высказала сомнения в огромном хронологическом разрыве между строительством дольменов и дольменовидных гробниц (стр. 281). Однако в этой статье имеется много спорных положений, касающихся поздних склеповых построек.

Г. Н. МАТЮШИН

ДАВЛЕКАНОВО IV — НОВОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ
В ЮЖНОМ ПРИУРАЛЬЕ

Памятники срубной культуры исследовались К. В. Сальниковым (в Южной Башкирии — поселение Береговское I)¹, А. В. Збруевой и Б. Г. Тихоновым (в северо-западной части Башкирии — поселение у дер. Метев-Томак, поселения и могильники у дер. Старые Тукмаклы и Ново-Баскаково)². Поселения на промежуточной территории между северо-западом и югом Башкирии были практически неизвестны.

В 1962—1969 гг. при раскопках многослойного поселения у г. Давлеканово нами был выявлен слой эпохи бронзы, позволяющий судить о характере поселений середины II тыс. до н. э. юго-западных районов Приуралья³. В 1962 г. Г. И. Матвеевой были вскрыты у Давлеканово два кургана срубного времени, каждый из которых содержал по два погребения⁴. К. В. Сальников отмечает в районе Давлеканово два памятника эпохи бронзы — могильник с андроновским обрядом труположения и поселение хвалынского этапа⁵. Исследование многослойного поселения у Давлеканово показало, что здесь находится мощный слой более раннего, чем хвалынский, этапа срубной культуры. Этот слой можно синхронизировать с исследованным Г. И. Матвеевой у Давлеканово могильником, который, вероятно, был оставлен населением, обитавшим на Давлекановском поселении.

За 1962—1969 гг. на Давлекановском поселении вскрыто 472 кв. м: нами раскопано 352 кв. м, Г. И. Матвеевой в 1962 г. — 120 кв. м. Находки «срубного» облика встречены по всей площади памятника в верхнем слое гумусированного песка (мощностью 30—70 см), под которым последовательно залежали три слоя: энеолита (ранней бронзы), неолита и мезолита⁶. Слой эпохи бронзы назван нами Давлеканово IV.

Стратиграфия и расположение многослойного поселения у Давлеканово нами охарактеризованы⁷, поэтому перейдем сразу к описанию слоя эпохи бронзы.

На поверхности памятника прослежены жилищные углубления. Часть одного из жилищ срубного времени была вскрыта в 1962—1967 гг.⁸

¹ К. В. Сальников. Некоторые сведения об эпохе бронзы Южной Башкирии. «Башкирский археологический сборник», Уфа, 1959.

² А. В. Збруева и Б. Г. Тихонов. Памятники эпохи бронзы в Башкирии. «Древности Башкирии». М., 1970, стр. 42—72.

³ Г. Н. Матюшин. Неолитическое поселение и погребение у г. Давлеканово на Южном Урале. СА, 1970, № 4, стр. 160—168.

⁴ Г. И. Матвеева. Памятники эпохи бронзы на р. Деме. «Из истории Башкирии». Уфа, 1963.

⁵ К. В. Сальников. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967.

⁶ Г. Н. Матюшин. Неолитическое поселение. . .

⁷ Там же.

⁸ Там же.

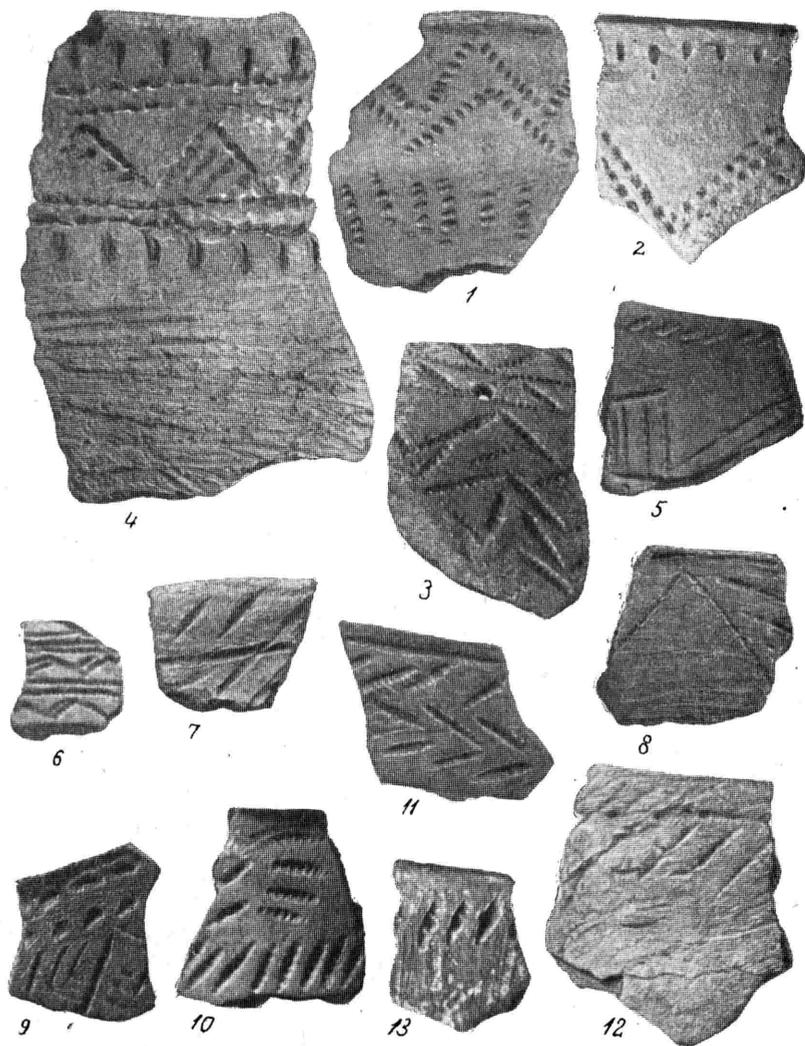
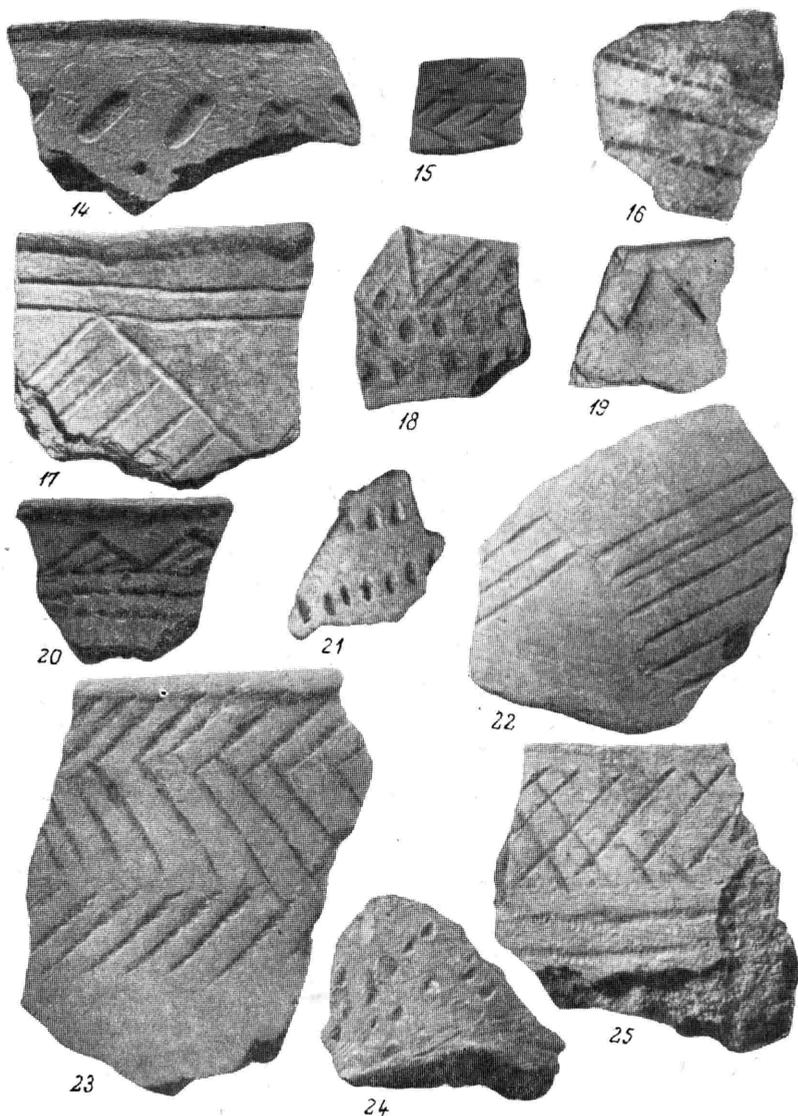

Рис. 1. Керамика Давлеканово IV

Большая часть материалов слоя эпохи бронзы представлена керамикой и костями животных, количество которых значительно⁹:

Виды животных	Количество		Виды животных	Количество костей
	костей	особей		
Крупный рогатый скот	670—41,50%	39—23,42%	Собака	111
Лошадь	327—19,90%	29—17,43%	Косуля	713
Мелкий рогатый скот	317—19,40%	41—24,41%	Волк	111
Лось	231—14,0%	23—13,80%	Выдра	111
Свинья	25—1,54%	8—4,30%	Лиса	111
Бобр	26—1,58%	12—7,20%		

⁹ Определения фауны по материалам раскопок 1962—1967 гг. производились В. И. Цалкиным. В 1969 г. А. Г. Петренко определены 1626 костей от 167 особей.

Количество особей по костям собаки, косули, волка, выдры и лисы определить не удалось. Большинство среди домашних животных составляют особи мелкого и крупного рогатого скота (24,41% и 23,42%), лошади и свиньи уступают им в численности (17,43% и 4,37%).

Керамику Давлеканово IV можно разделить на несколько групп. Преобладают сосуды плоскодонные, толстостенные, чаще всего сделанные довольно грубо. В тесте — примесь песка, шамота, раковины. Форма сосудов горшковидная или баночная. Венчик часто слегка отогнут наружу, по краю его идет утолщение. Внутри и снаружи сосуды иногда заглажены пучком (?) травы.

Отдельные баночные сосуды орнаментированы наклонными оттисками гребенки по краю венчика и небольшими треугольниками, заполненными оттисками гребенки. В некоторых случаях под треугольниками идет бахрома из насечек (рис. 1, 4).

Большая часть горшков с грубо обработанной поверхностью со следами заглаживания орнаментирована насечками, треугольниками, бахромой и т. п. рисунками, иногда прочерченный орнамент похож на отпечатки грубой ткани (рис. 2, 13, 16, 18). У других сосудов поверхность хорошо

Рис. 2. Керамика слоя эпохи бронзы Давлекановского поселения

заглажена, толщина стенок 9—11 мм, венчиков—7 мм. Иногда сосуд опоясан горизонтальными линиями (рис. 1, 16), зигзагами (рис. 1, 2, 11, 15, 19) или насечками (рис. 1, 13) по венчику и шейке. Оттиски гребчатого или иного штампа образуют и более сложный рисунок (рис. 2, 1—21), заходя на тулово (рис. 1, 1, 3—10, 11, 14, 17—18, 20—23), изредка спускаясь до самого дна (рис. 1, 24).

На одном из крупных сосудов (диаметр 28 см) по слегка отогнутому венчику идет ряд оттисков наклонно поставленного четырехзубчатого крупного штампа (длина зуба 3—4 мм), ниже тем же штампом оттиснуты две горизонтальные линии, опоясывающие сосуд. Под ними по шейке и верхней части тулова расположены крупные треугольники, обращенные вершиной вверх, и горизонтальные линии прочерченного орнамента. В изломе сосуд черный (рис. 2, 1).

У других сосудов оттиски крупного гребенчатого штампа образуют ромбы. Шейка у таких сосудов не выделена, венчик прямой, поверхность хорошо заглажена, толщина стенок и венчиков — 6 мм (рис. 1, 17, 22; 2, 2, 3).

Часть керамики орнаментирована зигзагообразными оттисками крупной гребенки (рис. 1, 11, 23).

Некоторые преимущественно крупные плоскодонные сосуды, черного цвета, баночной формы (диаметр горла — около 32 см, толщина стенок — до 30 мм) имеют только насечки по верхнему краю тулова.

Гребенчатым орнаментом украшены и горшковидные сосуды с ребром в средней части тулова. Он состоит из шевронов, заполненных крупнозубой «гребенкой», треугольников из параллельных оттисков «гребенки» с незаполненным внутри полем. Иногда ребро сосудов украшено короткими оттисками крупной «гребенки» (рис. 1, 1), иногда шейка — двойными или одинарными линиями оттисков гладкого штампа (рис. 1, 19).

Некоторые сосуды с резко отогнутым при переходе к шейке венчиком, орнаментированы канеллюрами, расположенными в шахматном порядке, геометрическими фигурами, заполненными короткими насечками, и т. п. В тесте таких сосудов много раковин.

Значительная часть посуды украшена по краю венчика снаружи оттисками крупнозубой «гребенки» (ширина зуба — 6 мм, высота — 4 мм). Венчик отогнут, в ряде случаев имеются оттиски ямочного или жучковидного штампа.

Есть сосуды баночной и горшковидной формы, орнаментированные всевозможными насечками, оттисками гладкого штампа в виде ломаных линий, зигзагов и т. п. Иногда в верхней части тулова расположена сетка из оттисков гребенчатого штампа (рис. 1, 12, 25).

Неорнаментированных сосудов относительно немного; форма сосудов и характер обработки позволяют относить их к срубной культуре.

Керамика из слоя эпохи бронзы Давлекановского поселения, на первый взгляд, разнокультурна: представлена керамика абашевского типа (рис. 1, 4, 12, 17, 22, 23; 2, 11, 13, 18), срубного (рис. 1, 1, 2, 7, 8, 24; 2, 2—6 и др.) и андроновского (черкаскульского) типа (рис. 1, 3, 5, 6, 11, 15, 20; 2, 1, 7, 15 и др.).

Однако внимательный анализ материалов говорит о том, что все сосуды изготовлены в сходной манере и имеют форму, типичную для памятников срубной культуры. Орнамент, исполненный в большинстве случаев одним-двумя штампами, также типичен для керамики срубной культуры. Правда, некоторые сосуды по характеру обработки поверхности резко отличаются от основной массы керамики грубостью отделки и четкими следами заглаживания поверхности пучком растительности или какими-то «текстильными» материалами и т. п. (рис. 1, 4, 12, 25). Орнамент таких сосудов также своеобразен. Орнаментальная композиция этой посуды включает в себя, как правило, равнобедренные треугольники, заполненные оттисками «гребенки», горизонтальные линии, нанесенные тем же штампом, и т. п. Наиболее характерным элементом этой композиции являются своеобразные насечки, бахромы, окаймляющая орнаментальную зону, и т. п. Подобные композиции и в особенности их завершения в виде бахромы больше всего напоминают сосуды абашевской культуры. Однако штамп, использованный для нанесения этого орнамента, тот же, которым орнаментированы и типично срубные сосуды. Из этого можно заключить, что эти «разнокультурные» сосуды изготовлены одними и теми же мастерами в одно и то же время и отражают не смешанность материалов разновременных и разнокультурных памятников, а своеобразие местной культуры в эпоху развитой бронзы. Стратиграфия и характер залегания слоя также не оставляет места для сомнений в том, что все это единый одновременный комплекс.

Своеобразие этой «местной» культуры, таким образом, состоит в том, что в одном и том же комплексе сочетаются разнокультурные элементы как абашевской, так и андроновской орнаментации на формах сосудов, типичных для срубной культуры. Подобное сочетание разнокультурных элементов прослеживается и в комплексах инвентаря погребений. Например, сочетание элементов орнамента и формы сосудов срубной и андроновской (алакульской) керамики было замечено нами при раскопках могильника эпохи бронзы на р. Нугуш¹⁰. Видимо, своеобразное переплетение элементов разных культур объясняется тем, что территория Южного Приуралья была зоной контактов между населением срубной и абашевской культур Приуралья с андроновскими (черкаскульскими) племенами Зауралья. Это отразилось, в частности, и в сложной орнаментации керамики Давлекановского поселения эпохи бронзы, в основе которой лежит комплекс срубной культуры. Этот комплекс вряд ли можно относить к концу срубной культуры, так как типичные для хвалынского этапа этой культуры налепы и другие поздние элементы здесь отсутствуют, но зато представлены все элементы, характерные для раннего (покровского) этапа срубной культуры. Это — типичные остросереберные формы, орнамент, заполняющий большую часть поверхности сосудов, а иногда и всю поверхность, широкое распространение гребенчатого штампа и т. п.

Покровский этап срубной культуры К. В. Сальников датировал XVI—XIII вв. до н. э.¹¹, А. Х. Халиков — XV—XIV вв. до н. э.¹² Видимо, этим же, если не более ранним временем, следует датировать и слой эпохи бронзы Давлекановского поселения. Керамика андроновского типа Давлеканово IV тоже не выходит за пределы этой даты, так как здесь нет элементов, которые можно было бы отнести к замараевскому этапу.

Фрагменты черкаскульского типа тоже не выходят за пределы раннего этапа этой культуры. Здесь нет типичных для межовского этапа валиков и других поздних элементов орнамента, но хорошо представлена поперечная штриховка меандра (рис. 2, 7), типичная для черкаскульского этапа. Сочетание в едином комплексе черкаскульско-алакульских, абашевских и срубных (покровских) типов орнаментации свидетельствует об их синхронности. Это позволяет датировать Давлеканово IV временем не позднее XIII в. до н. э.

¹⁰ Г. Н. Матюшин. Отчет о работе Нугушского отряда ИА АН СССР в 1962. Архив ИА АН СССР, № 2470, стр. 2—8.

¹¹ К. В. Сальников. Очерки древней истории Южного Урала, стр. 210—223.

¹² А. Х. Халиков. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969, стр. 220.

Э. А. СЫМОНОВИЧ

ПОГРЕБЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ
НА ЧЕРНЯХОВСКИХ МОГИЛЬНИКАХ

При раскопках черняховских памятников неоднократно обнаруживали захоронения эпохи бронзы. У Овчарни совхоза «Приднепровского», Ново-Воронцовского района, Херсонской области на полностью вскрытом кладбище черняховского типа (III—V вв. н. э.) было выявлено восемь бескурганых могил бронзового века (№ 36, 43, 50, 58, 71, 81). В двух случаях могильные ямы с захоронениями эпохи бронзы были перерезаны погребениями черняховской культуры (№ 75 и 78). Раскоп находился на пологом склоне первой надпойменной террасы р. Конки — протока Днепра¹. Погребения эпохи бронзы расположены вдоль раскопа, параллельного берегу реки, на пространстве около 40 м. Погребения не образуют скоплений, которые могли бы указывать на существование тут курганных насыпей.

Могила 36. Могильная яма округлой формы, сужающаяся книзу, диаметром 1,60 м. Под кучей камней на глубине 1,26 м обнаружено парное погребение — женщины и младенца, ориентированных головами на северо-запад. Скелет женщины лежал посередине ямы на спине, с вытянутыми вдоль боков руками и подогнутыми ногами. Череп младенца находился у локтя правой руки погребенной. Этот скелет был положен в вытянутой позе. В северо-восточной стороне ямы, слева от женского черепа найдены остатки красной краски (рис. 1, 7).

Могила 43. В небольшой прямоугольной, с закругленными углами яме, заваленной камнями, на глубине 0,80 м находилось захоронение немолодого мужчины. Скелет лежал вверх спиной, головою на восток — северо-восток. Руки согнуты в локтях, кисти сложены у лица, ноги были подогнуты, колени прижаты к животу. Без инвентаря (рис. 1, 5).

Могила 50. На глубине 0,35—0,40 м находилось погребение мужчины (?) в маленькой, прямоугольной, с закругленными углами яме, которая была завалена камнями. Дно ямы было вымазано затвердевшей зеленоватой глиной. Скелет ориентирован головой на восток и положен на спину в сильно скорченной позе. Кисти согнуты в локтях рук были сложены у лица, с правой стороны. Колени прижаты к животу (рис. 1, б; 2, б). Слева у головы стояли два сосуда. Первый горшок серовато-желтоватого цвета, черный в изломе, был изготовлен из глины с примесью мелкозернистого песка. Поверхность его в буграх, со следами заглаживания, диаметр края 12 см (рис. 2, 2; 3, 3). Другой горшок — коричневатого, местами черного цвета. Глина в изломе черная, с примесью мелкозернистого песка. Поверхность неровная, со следами заглаживания. Под венчиком проходит валик, диаметр края 14 см. (рис. 2, 1; 3, 1). На дне ямы найдена створка речной раковины.

¹ См. план: Э. А. Симонович. Раскопки могильника у Овчарни совхоза Приднепровского. МИА, № 82, 1960, стр. 196, рис. 4.

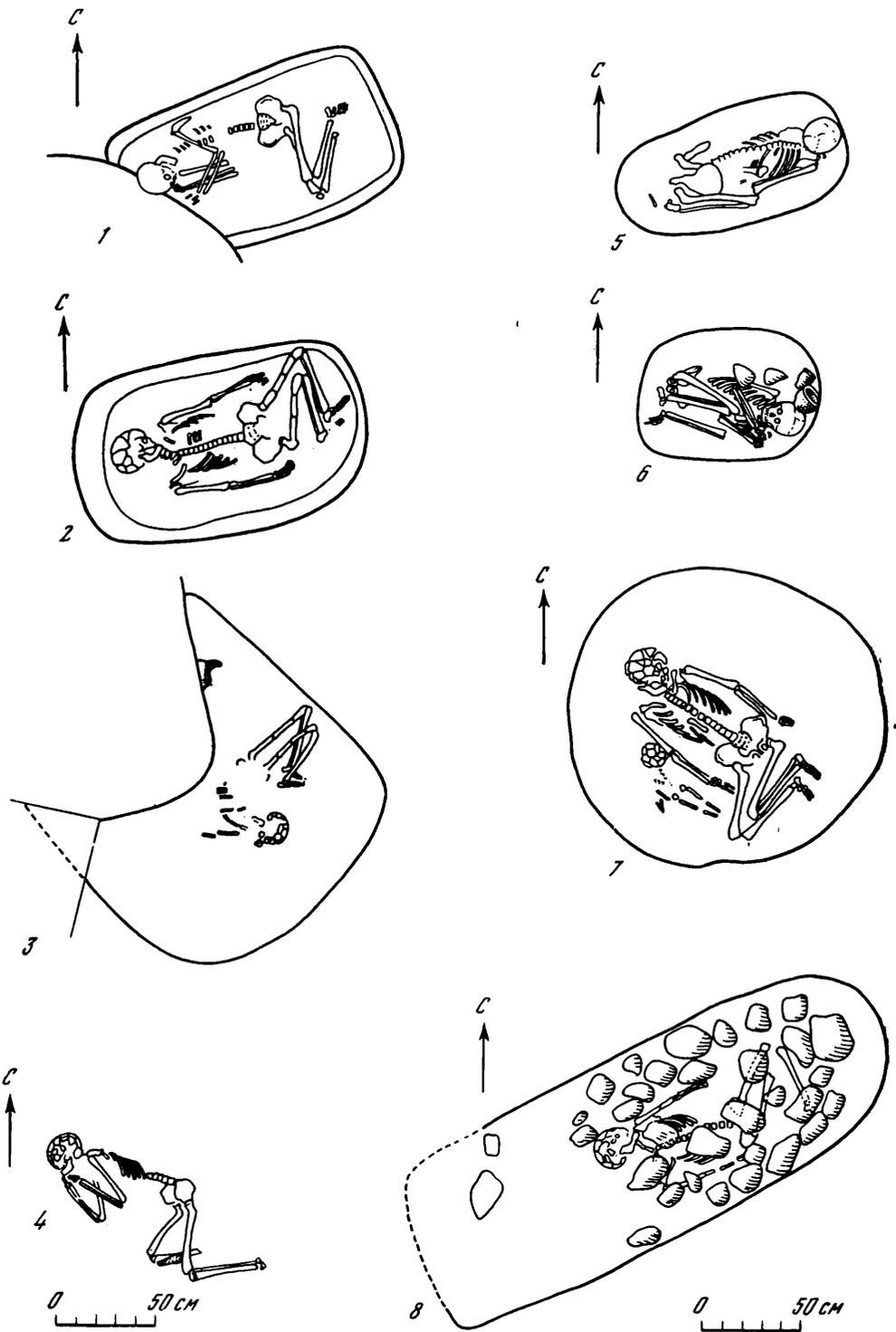

Рис. 1. Планы погребений эпохи бронзы на могильнике у Овчарни совхоза Приднепровского:

1 — могила 75; 2 — 81; 3 — 78; 4 — 58; 5 — 43; 6 — 50; 7 — 36; 8 — 71.

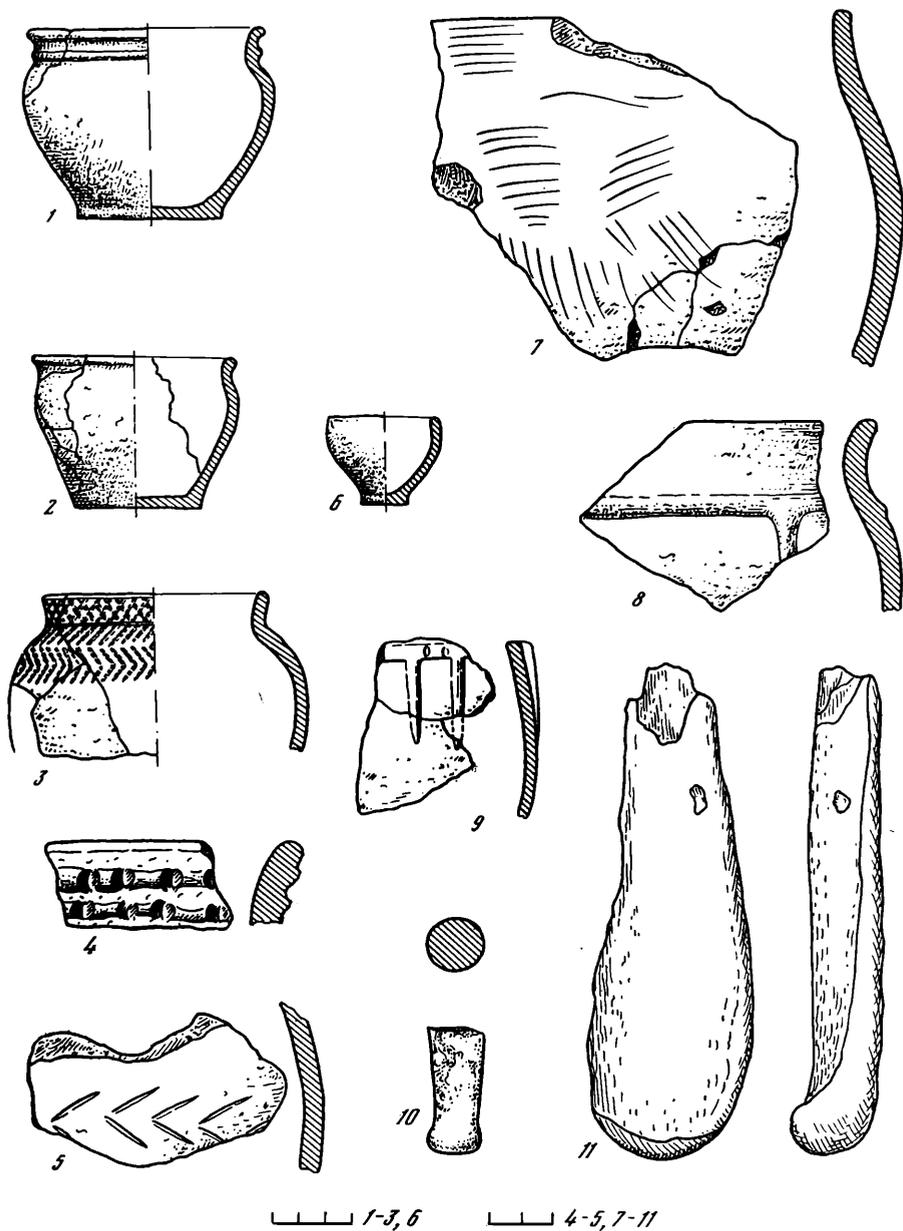

Рис. 2. Находки эпохи бронзы с могильника у Овчарни совхоза Приднепровского
 Сосуды: 1—2— погребение 50; 3— погребение 78; 4—10— керамика и обломок каменного пестика из слоя
 могильника; 11 — роговая поделка, погребение 58

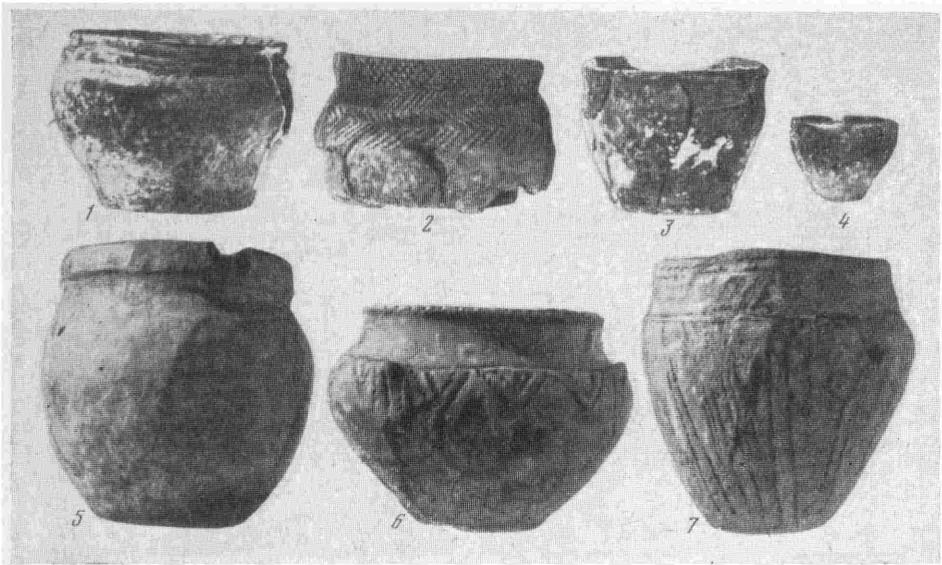

Рис. 3. Керамика эпохи бронзы

1—4 — сосуды из могильника у Овчарни совхоза Приднепровского; 5—7 — сосуды из с. Гурбинцы

Могила 58. На глубине 1,30 м лежал скелет мужчины, головой на северо-запад, на правом боку, с согнутыми руками и сложенными перед лицом ладонями, ноги подогнуты. На правой голени, возле колена, находился обломок рога животного, назначение которого неясно (рис. 2, 11).

Могила 71. На глубине 1,05 м, в большой продолговатой овальной яме лежал на спине скелет взрослого человека, головой на юго-запад. Руки вытянуты вдоль боков. Ноги подогнуты. Кости плохой сохранности из-за того, что над погребенным была большая куча камней. У таза и возле правой и левой рук были видны следы красной краски (рис. 1, 8).

Могила 75. На глубине 1,00 м, в прямоугольной с закругленными углами яме лежал скелет взрослого человека, головой на запад — юго-запад, на правом боку, кисти рук возле лица, ноги сильно согнуты. Кости плохой сохранности вследствие давления камней, набросанных на умершего. На костях местами прослеживались слабые следы красной краски. Могильная яма черняховского захоронения № 80 уничтожила западную часть могилы эпохи бронзы (рис. 1, 1).

Могила 78. Западная часть погребения эпохи бронзы была разрушена поздней могилой. Судя по ориентировке могилы эпохи бронзы и по остаткам костяка, последний был обращен головой на северо-запад. Он находился под завалом камней, на глубине 1,05 м. Сохранились непо потревоженными сильно согнутые в коленях кости ног и часть таза. Слева, возле ног, посередине ямы лежали истлевшие кости младенца, видимо, положенного в скорченном положении с руками перед лицом (?) (рис. 1, 3). Перед грудью или лицом взрослого находился сосуд, частично уничтоженный позднейшей могильной ямой. Горшок темно-серого цвета, в изломе — черный, изготовленный из глины с примесью песка. Диаметр горла 14 см. Сосуд украшают горизонтальные полосы наклонных шнуровых вдавлений. На шейке они образуют «сетку», на плечиках — «елочный» узор (рис. 2, 3; 3, 2).

Могила 81. На глубине 1,55 м, в прямоугольной, с закругленными углами яме лежал скелет женщины, головой на запад, с незначительным отклонением к югу, на спине, с вытянутыми вдоль боков руками и подогнутыми ногами. На дне ямы, у грудных позвонков — следы красной краски (рис. 1, 2).

По положению костяков и их ориентировке большая часть описанных погребений должна быть отнесена к ямному периоду эпохи бронзы (могилы 36, 58, 71, 75, 81 и 78). Сильно скорченные костяки в могилах 43 и 50, обращенные головами на запад, могут быть связаны с эпохой поздней бронзы, что подтверждают находки двух сосудов в могиле 50 (рис. 2, 1, 2; 3, 1, 3).

Немногочисленную коллекцию керамики эпохи бронзы дополняют находки из слоя могильника. Следует заметить, что в 1,0—1,5 км от раскопывавшегося объекта находилось большое Михайловское поселение эпохи бронзы, откуда могла попасть часть черепков (?).

В числе находок на могильнике целый миниатюрный сосудик (диаметр края — 7 см) (рис. 2, 6; 3, 4); большой фрагмент лепного сосуда с поверхностью, покрытой расчесами (рис. 2, 7); стенка сосуда с врезями в виде «елочки» (рис. 2, 5); ряд фрагментов горшков, украшенных гладкими валиками и с пальцевыми вдавлениями (рис. 2, 4, 8, 9); обломок полированного каменного песта или обушка топора (рис. 2, 10).

Случаи обнаружения захоронений и отдельных вещей бронзового века на территории могильника культуры полей погребений известны и в других местах. Еще при раскопках В. В. Хвойкой Черняховского могильника им было отмечено четыре захоронения с подогнутыми ногами (№ 46, 76, 120 и 121). Все они располагались, как и в Овчарне совхоза Приднепровского, в районе могильника, ближайшем к речке, в данном случае «вдоль восточного края могильника». О двух погребениях мы знаем из работы В. В. Хвойки. Одно погребение (№ 46) было ориентировано головой на юг (глубина 0,65 м) и имело за спиной «кремневый ножик». Другое захоронение № 76, ориентированное подобным же образом, находилось на глубине 1 м и сопровождалось костяной пряжкой, обнаруженной у поясицы. О погребениях № 120 и 121 узнаем только, что они были ориентированы головами на юго-восток и на юг и тоже находились в позе «спящего человека». В. В. Хвойка объяснял существование скорченных погребений устойчивостью традиций, восходящих еще к каменному веку². Однако, как сообщает В. П. Петров, готовивший к изданию дореволюционные материалы Черняховского могильника, еще В. Доманицкий счел «погребения со скорченными скелетами более древними, чем все прочие погребения могильника...»³ К древним отнес их также А. А. Спицын. В. П. Петров высказался более осторожно, отметив существование типично черняховских могил с подогнутыми ногами⁴. Все же вряд ли две из упомянутых выше могил возле с. Черняхова (№ 46 и 76) можно отнести к культуре полей погребений даже при настоящем уровне сохранности документации В. В. Хвойки. «Поза на боку, в положении спящего человека с рукой, подложенной под щеку», головой на юг и наличие в упомянутых захоронениях — в одном кремневого ножика, а в другом — костяной пряжки — соблюдают эти захоронения от других черняховских погребений.

Наши раскопки 1961—1962 гг. подтвердили возможности обнаружения в Черняхове остатков эпохи бронзы. На могильнике было открыто на глубине 0,80 м погребение № 260, принадлежавшее взрослому человеку, ориентированное головой на юго-запад. Скелет лежал на правом боку, ладони рук сложены у лица, ноги подогнуты. Инвентаря не было⁵. В то же время при раскопках выявленного нами там же поселения, относящегося к могильнику, были отмечены следы жизни в эпоху бронзы. Кроме соответствующих обломков керамики, были получены сообщения

² В. В. Хвойка. Поля погребений в Среднем Приднпровье. ЗРАО, т. XII, СПб., 1901, стр. 187.

³ В. П. Петров. Черняховский могильник (по материалам раскопок В. В. Хвойки в 1900—1901 гг.). МИА, № 116, 1964, стр. 72.

⁴ Там же, стр. 72.

⁵ Э. А. Сымонович. Новые работы в с. Черняхове. МИА, № 139, 1967, стр. 16, рис. 8, 5, стр. 20.

о находках возле домов, на том же поселении, каменного шлифованного проушного топора ладьевидной формы (по словам местного жителя, топор не сохранился)⁶.

Скорее всего с территории Черняховского могильника в с. Гурбинцы, возле г. Прилук, происходит небольшая серия сосудов эпохи бронзы, хранящаяся в фондах Прилукского музея. Туда после небольших раскопок Н. Макаренко поступала с разрушаемого современным кладбищем могильника керамика — как черняховская, так и более древняя, возможно, происходящая из погребений эпохи бронзы⁷. Таковы три лепных сосуда.

Горшок желтоватого цвета, у края — серый (№ 77/1170). Глина с мелкозернистым песком, в изломе — желтоватого и черного цветов. Поверхность гладкая, край — заглажен. Диаметр венчика — 11 см (рис. 3, 5).

Желтовато-серый сосуд, в изломе — черный, с четырьмя выступами-шишечками (№ 75/1162), с шнуровым орнаментом. Диаметр — края 10 см (рис. 3, 6).

Горшок желтоватого цвета, со шнуровым орнаментом (№ 80/1172). Глина с примесью мелкозернистого песка. Поверхность сравнительно гладкая. Диаметр края — 9 см (рис. 3, 7).

Известны случаи находок захоронений эпохи бронзы на черняховских могильниках возле сел Компанийцы (раскопки Е. В. Махно)⁸, Вовчик (раскопки В. В. Кропоткина)⁹ и в Молдавии¹⁰.

Учет ряда особенностей погребений эпохи бронзы и отмеченные неоднократные случаи нахождения последних на черняховских могильниках должны насторожить археологов при полевых исследованиях памятников первой половины I тыс. н. э.

⁶ Э. А. Симонович. Новые работы в с. Черняхове, стр. 6.

⁷ М. Макаренко. Археологічні дослідження та розшуки на Прилуччині. «Коротке звітання ВУАК за 1926 р.». Київ, 1927, стор. 111—113.

⁸ Е. В. Махно, І. М. Шарафутдінова. Могильник епохи пізньої бронзи поблизу хутора Компанійці на Дніпрі. «Археологія», вып. 6. Київ, 1972, стор. 70—81.

⁹ В. В. Кропоткин. Изучение черняховской культуры на Полтавщине. «Археологические открытия 1968 года». М., 1969, стр. 311.

¹⁰ Отклонения от черняховского обряда погребения прослежены при раскопках Будештского могильника. Положение рук у лица некоторых слишком скорченных костяков и их восточная ориентировка (могилы № 117, 185, 186) и прочие особенности (могилы № 257, 330, 348, 356, 362) дали нам право предполагать «многослойность» могильника, частично подтвержденную антропологическим анализом. См.: Э. А. Рикман. Памятник эпохи Великого переселения народов. Кишинев, 1967, а также см. рецензию на эту книгу: СА, 1970, № 4, стр. 285—289.

А. И. ПУЗИКОВА

РАБОТЫ КУРСКОГО ОТРЯДА В 1972 Г.

Курский отряд ИА АН СССР в 1972 г. проводил разведки и раскопки¹. Для выяснения культурно-хронологической принадлежности уже известных памятников² и целесообразности их дальнейших раскопок было обследовано 15 городищ на р. Сейм и его притоках Свапе, Прутище, Снагости, Тускари. Выяснилось, что два городища — Жидеевское на р. Усоже (левый приток р. Свапы) и Юрасовское на р. Сейм — относятся к роменской культуре, два городища — Тимохинское и Гапоновское на р. Сейм — к юхновской культуре. Пять памятников связаны со скифообразными культурами — Шестополовское на р. Тускари, Шатохинское на р. Усоже, Черемошкинское и два городища у с. Тураевки на р. Котлинке, притоке р. Прутица. Шесть городищ представляют собой многослойные памятники со слоями скифообразной, юхновской и роменской культур. Для раскопок было выбрано Переверзевское I городище, расположенное в 20 км к северу от г. Курска, на правом берегу р. Тускари, у деревни Переверзево (Кобзево). Здесь же находится и второе городище (за глубоким оврагом, в котором протекает ручей). Одно из городищ, по местному названию «Курган», было известно еще до революции, затем обследовалось А. Е. Алиховой и Ю. А. Липкингом³.

Второе, под названием «Тарелочка», было открыто и прошурфовано Ю. А. Липкингом в 1955 г.⁴ В 1969 г. Курский отряд ИА под руководством О. Н. Мельниковской с участием автора произвел обследование обоих памятников⁵. Шурфовка I Переверзевского городища показала наличие насыщенного культурного слоя, позволившего проследить взаимную хронологическую последовательность между скифоидной и юхновской культурами.

Городище Переверзевское I расположено на мысу треугольной формы, ориентированном в направлении северо-запад — юго-восток, длина его — 65 м, ширина — около 50 м. С севера, востока и юга ограничено двумя глубокими оврагами и поймой р. Тускарь. На южных склонах заметны следы искусственного подрезания для увеличения их крутизны. С запада городище укреплено валом и рвом, которые сильно распаханы (рис. 1). Площадка городища задернована и понижается в сторону реки. На городище заложено три раскопа общей площадью 338 м².

Наиболее интересным оказался раскоп II площадью 162 м, заложенный в северной части городища. Раскоп пересекала в направлении с юго-

¹ Участвовали студенты Курского педагогического института. Работы отряда частично финансировал Курский областной краеведческий музей.

² Ю. А. Липкин. Городища эпохи раннего железного века в Курском Посеймье. МИА, № 113, 1962, стр. 134—141.

³ Ю. А. Липкин. Указ. соч., стр. 140.

⁴ Там же.

⁵ О. Н. Мельниковская. Отчет о разведках Курского отряда ИА АН СССР в 1969 г. Архив ИА, д. № 4204, стр. 5—7.

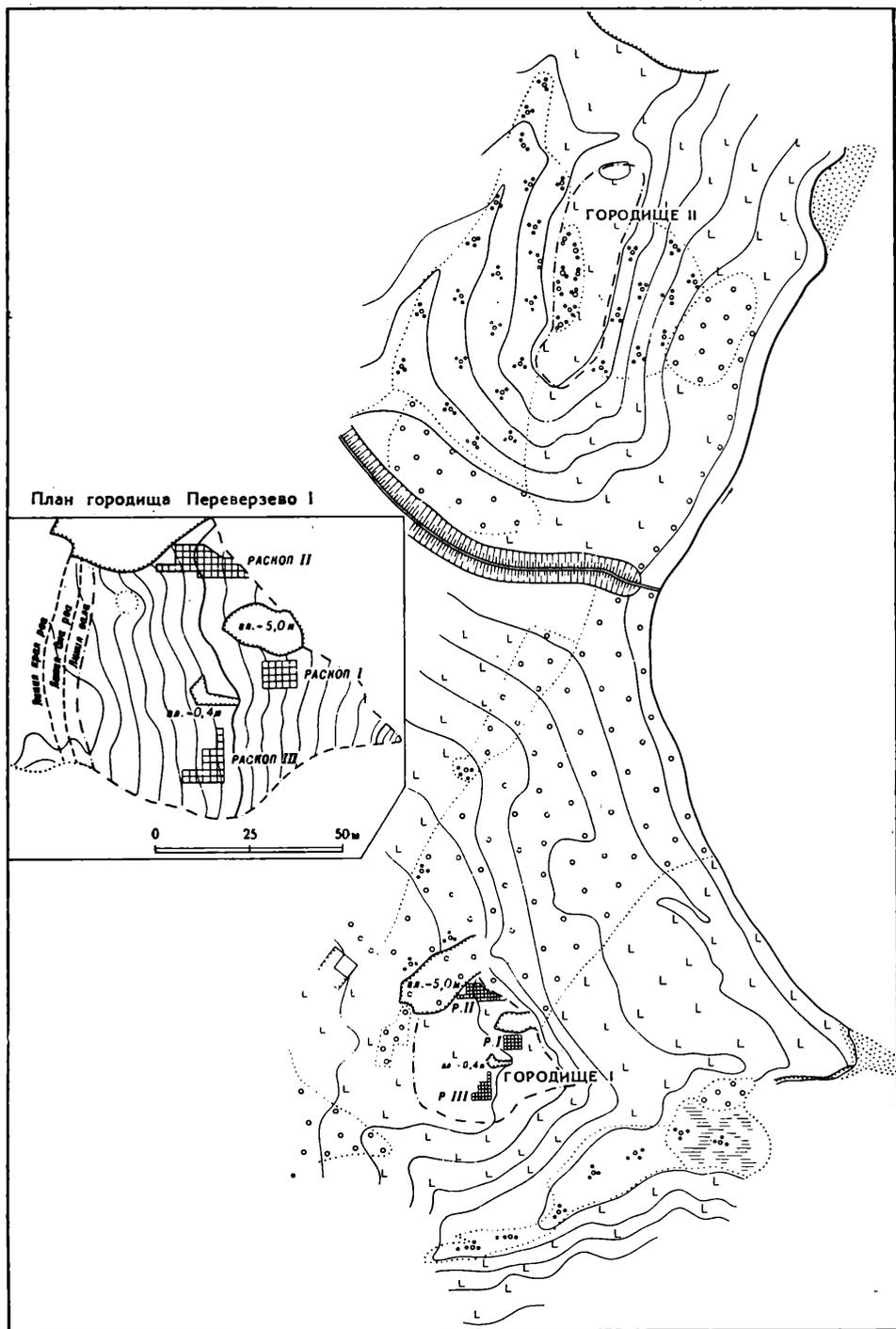

Рис. 1. План городищ у. с Перверзево

запада на северо-восток канава шириной 1,60—2 м, замеченная на глубине 0,4 м, углубленная в материк на 0,20—0,25 м и забутованная светлой глиной, угольками, золой, жженой землей. В канаве, в забутовке, прослеживались столбовые ямки диаметром от 0,25 до 0,60 м, глубиной от 0,25 до 0,70 м.

В северо-западной части раскопа, параллельно широкой канаве шла более узкая канавка также с ямками от столбов. Канавка имела перемычку в 40 см, после которой начиналась от столба⁶. С юго-востока параллельно стене раскопа проходил ряд ямок от столбов. Вся восточная часть раскопа была также занята ямками от столбов и большим очагом (2×2 м²). Столбы шли параллельно широкой стене в два ряда и, видимо, составляли с ней единую конструкцию. Все сооружение погибло от пожара, так как вплоть до материка грунт в раскопе был с большой примесью угля, золы, жженой земли, а в западном и северном профилях раскопа на слое погребенной почвы ясно прослеживался слой пожарища.

Вероятно, нами обнаружены остатки оборонительной стены на краю городища, к которой изнутри примыкали жилые постройки. Конструктивно она близка сооружениям, обнаруженным на городище Кузина Гора: те же параллельные канавки со столбовыми ямками, ряды столбов снаружи, аналогичное устройство входов, большое количество ямок на всей площади городища⁷. Возможно, сооружения, подобные кузиногорским, были характерными и для других памятников этого района. Культурный слой мощностью 0,20—0,40 м; на северном краю городища — до 1,2 м, значительно насыщен находками, особенно керамикой. Вся посуда изготовлена от руки, как правило, имеет в тесте примеси шамота, реже шамота с песком или песка. Куски шамота обычно очень крупные, отчего вся поверхность сосудов имеет шероховатую фактуру. На днищах сосудов встречаются отпечатки зерен проса, травянистой полумы, изредка зерен ячменя. Цвет поверхности сосудов — желто-оранжевый или (редко) черно-серый, с пятнами, темными от кострового обжига.

В орнаментации сосудов преобладают однообразные сочетания: в основном пальцевые защипы или насечки по краю, под краем — сквозные проколы, наколы снаружи или изнутри, отчего на противоположной стороне сосуда получались выпуклые жемчужины (рис. 2). Изредка на шейках сосудов встречается тычковый орнамент, нанесенный углом или концом палочки (рис. 2, 5). Он располагается полосой (редко двумя) по краю сосудов, изредка сочетается с наколами снаружи или изнутри, очень редко — со сквозными проколами; в двух случаях встречен резной орнамент в виде кружков и зигзагов. Защипами и насечками в сочетании с проколами и наколами снаружи и изнутри орнаментировано 55,4% керамики, тычковым орнаментом — 15,6%. Довольно высок процент неорнаментированной посуды — 22,4%, на долю редких орнаментов падает 6,6%.

Насколько можно судить по обломкам венчиков (целые сосуды не реконструируются), большая часть сосудов относилась к типу I с плавным и равномерным отгибом венчика наружу (рис. 2, 1, 2). С данным типом сосудов сочетается, как правило, орнамент в виде защипов, насечек по краю и проколов, наколов по шейке. Немногочисленны сосуды типа II, с высоким венчиком, поставленным под тупым углом по отношению к тулову (рис. 2, 3, 4). Они орнаментировались насечками по краю и наколами по шейке или без орнамента. Сосуды типа III — со слабо выраженным венчиком, почти сразу переходящим в тулово, чаще всего имеют тычковый орнамент (рис. 2, 5, 6). Большая часть этих сосудов относится к юхновской культуре.

⁶ Такой конструктивный прием неоднократно отмечался А. Е. Алиховой на городище Кузина Гора (см.: А. Е. Алихова. Древние городища Курского Посеймья. МИА, № 113, 1962, стр. 93).

⁷ А. Е. Алихова. Указ. соч., стр. 93 и далее.

Обращает на себя внимание очень небольшое количество фрагментов столовой посуды: кувшинов (три обломка) и мисок. Довольно большую и разнообразную группу вещевых находок составляют изделия из глины. По назначению их можно разделить на две группы. Первую составляют предметы хозяйственного назначения. Среди них количественно преобладают пряслица (20 штук) различной формы: в виде катушки, шаровидные, цилиндрические, плоские — из стенок сосудов. Одно пряслице орнаментировано ногтевыми зашипами, другое — точечными наколами. Затем следуют грузила в виде круглой лепешки с отверстием в центре (рис. 2, 7), грузило в виде ступки, обломок льячки (рис. 2, 9); другую группу находок следует, видимо, связать с отправлением каких-то культов. К ней относятся глиняные лепешки довольно крупных размеров (диаметр 7—10 см, рис. 2, 8); зооморфные фигурки (рис. 2, 11, 13); обломки рогатых кирпичей, изготовленные из рыхлой глины с примесью соломы или травяной трухи; маленькая моделька рогатого кирпича (рис. 2, 10); грибовидная поделка с наколами, похожая на грузики дьякова типа (рис. 2, 12); миниатюрные сосудики. Многие из этих предметов имеют многочисленные аналогии из синхронных городищ Курского Посеймья⁸.

Изделия из камня — зернотерки, терочки и растиральники округлой и шестигранной формы — связаны с производственной деятельностью населения и прежде всего с земледелием. Все обломки зернотерок и часть терочников обработаны с одной стороны. О высоком уровне костерезного мастерства свидетельствует находка ложки, изготовленной из рога животного (рис. 3, 8). Остальные поделки из кости: проколки, заготовка рукояти для ножа, рукоять ложки — довольно обычны. Изделия из железа немногочисленны. У обоих серпов, найденных на городище, концы были обломаны (рис. 3, 9). Судя по аналогиям, скрепление с рукоятью у серпов такого типа осуществлялось при помощи крюка⁹. Ножи, обнаруженные в раскопе II, относятся к двум типам (по Б. Н. Гракову)¹⁰. К типу II, для которого характерны горбатая спинка и вогнутое лезвие, относятся два ножа (рис. 3, 7). Третий нож, с прямой спинкой и дуговидно выгнутым лезвием относится к типу IV (рис. 3, 2). Шило, обнаруженное при раскопках, обычной формы: в рабочей части — круглое в сечении, в месте насады рукояти — квадратное (рис. 3, 5).

Оригинально массивное железное орудие — долото, или пешня, с массивной втулкой и плоской, раскованной наподобие копья рабочей частью. Во втулке сохранились остатки дерева (рис. 3, 1). Наиболее близкую аналогию это орудие имеет в находках с городища Кузина Гора¹¹. Из шести изделий из бронзы, обнаруженных в слое городища, пять относятся к категории украшений. Это две спиралевидные многовитковые привески (рис. 3, 4), широко распространенные повсеместно с конца эпохи бронзы¹², браслет из тонкой проволоки с концами, раскованными в плоскую пластинку (рис. 3, 6), стержень от булавки (?) и целая гвоздевидная булавка с расширением в середине стержня (рис. 3, 3). Небольшое бронзовое тесло трапецевидной формы могло применяться для обработки изделий из цветных металлов.

В заключение несколько слов о культурной принадлежности и дате городища. Несомненно, материалы городища относятся к кругу лесостепных

⁸ См.: А. Е. Алихова. Древние городища Курского Посеймья. МИА, № 113, 1962, рис. 5, 4; 9; 13; 20, 3, 7 и т. д.

⁹ Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. МИА, № 64, 1954, стр. 141, рис. 14, 1, 2; А. Е. Алихова. Указ. соч., рис. 5, 11, 12; О. Н. Мельниковская. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М., 1967, рис. 21, 22; А. И. Пузикова. Поселения Среднего Дона. МИА, № 151, 1969, рис. 16, 1, 6.

¹⁰ Б. Н. Граков. Указ. соч., стр. 110—111.

¹¹ А. Е. Алихова. Указ. соч., рис. 6, 2.

¹² Там же, рис. 8, 6; О. Н. Мельниковская. Племена Южной Белоруссии. . . , рис. 31, 20, 21; 36, 5—10.

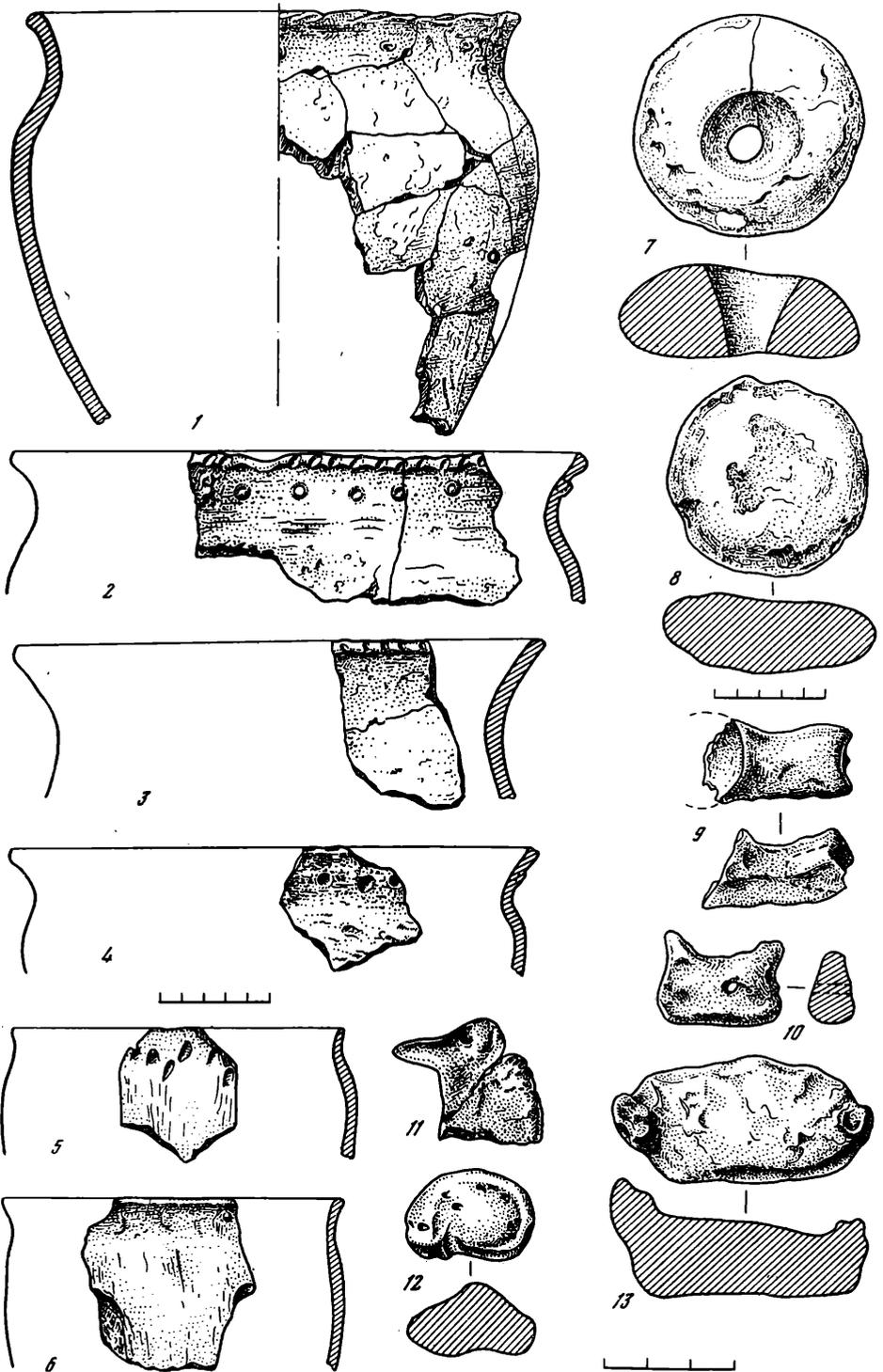
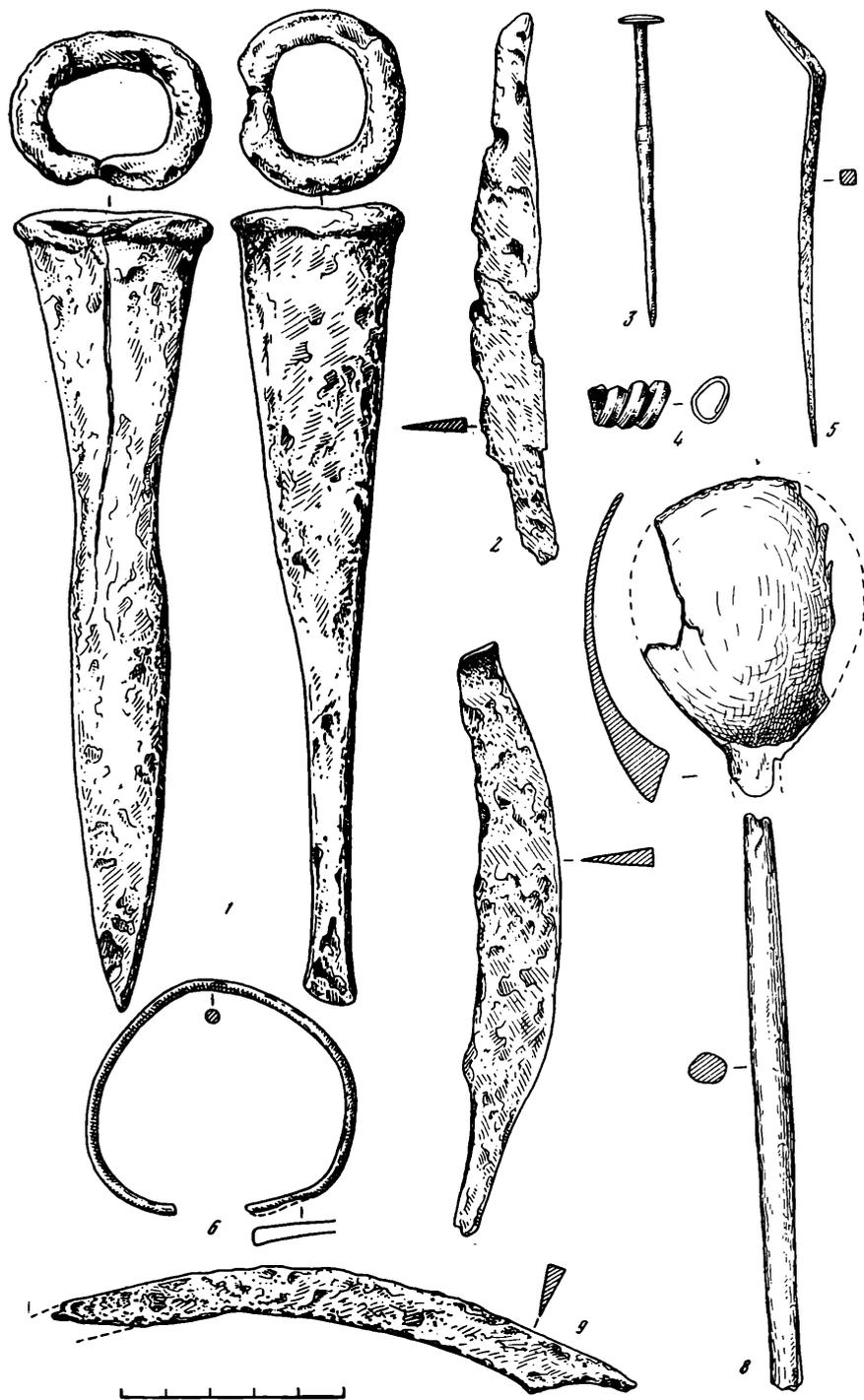

Рис. 2. Находки из раскопок городища Переверзевское I

1-6 — керамика; 7 — грузило глиняное; 8 — лепешка глиняная; 9 — обломок ложки; 10 — глиняная моделька рогатого кирпича; 11, 13 — зооморфные глиняные фигурки; 12 — грибовидная глиняная подставка

Рис. 3. Находки из раскопок городища Переверзевское I

1 — железное долото или пещня; 2, 7 — железные ножи; 3 — бронзовая булавка; 4 — бронзовая, спиралевидная привеска; 5 — шило железное; 6 — бронзовый браслет; 8 — костяная ложка; 9 — серп железный

скифообразных культур, о чем, прежде всего, говорят керамический комплекс и его орнаментация. Небольшой процент керамики, слабо профилированной в верхней части, с характерными для юхновской культуры приемами орнаментики, не меняет дела, так как непосредственное соседство этих племен неизбежно вело к близким контактам.

Дата городища определяется по отдельным характерным предметам. К ним относятся глиняное грузило и бронзовая булавка. Круглые глиняные грузила с конусовидным отверстием в середине, согласно наблюдениям О. Н. Мельниковской, бытуют на сейминских памятниках до VI в. до н. э. Позже они исчезают¹³. Бронзовая гвоздевидная булавка с расширением в середине стержня имеет многочисленные аналогии в памятниках лесостепи, датирующихся VI в. до н. э., таких, как курган в с. Глеваха¹⁴, поселения Пожарная Балка¹⁵, курган 37 у с. Мачуха¹⁶, Западное Бельское городище¹⁷. В памятниках более позднего времени булавки подобных форм не встречаются.

Таким образом, основываясь на этих находках, городище Переверзевское I предварительно можно датировать VI в. до н. э.

¹³ Наблюдение сделано на городище Жадино, датирующемся V в. до н. э. Грузила с отверстиями были найдены только в основании вала. В слое же городища при огромном количестве обычных яйцевидных блоков ни одного грузика обнаружено не было. Пользуясь случаем, приношу благодарность О. Н. Мельниковской за консультацию.

¹⁴ О. И. Тереножкин. Курган біля с. Глеваха. «Археологія», IX, Київ, 1954, табл. I, 12.

¹⁵ И. И. Ляпушкин. Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа. МИА, № 104, 1961, рис. 66.

¹⁶ Г. Т. Ковпаненко. Кургани поблизу с. Мачуха на Полтавщині. «Археологія», XXIV, Київ, 1970, рис. 7, 7.

¹⁷ Материалы из раскопок Западного Бельского городища хранятся в археологическом музее ХГУ (автор раскопок Б. А. Шрамко). Инвентарный номер булавки — 154.

О. Н. МЕЛЬНИКОВСКАЯ

ШАБАЛИНОВСКОЕ ГОРОДИЩЕ

Известное Шабалиновское городище — единственный древний укрепленный пункт в месте слияния Десны и Сейма на левобережье — не раз привлекало внимание исследователей. Расположение городища на важных водных путях объясняет использование его в разные исторические эпохи. Городище неоднократно обследовалось краеведами, археологами. Материалы, собранные Ю. С. Виноградским, хранятся в Сосницком музее и частично опубликованы¹.

В 1946 г. Шабалиновское городище было обследовано Деснинской экспедицией ИА АН СССР под руководством М. В. Воеводского при участии автора², в 1947 г. — Днепровской левобережной экспедицией ЛОИА АН СССР под руководством И. И. Ляпушкина³. Исследователи отмечают особое значение этого памятника как самого западного из известных пока городищ скифской культуры левобережной лесостепи⁴ и самого южного в Подесенье городища юхновской культуры. Деснинский отряд ИА АН СССР обследовал городище дважды — в 1965 и 1967 г. В 1965 г. на его площадке проведены разведочные раскопки. Ниже мы публикуем общие данные о памятнике и найденных на нем в разное время предметах.

Городище находится в 12 км на северо-восток от г. Сосницы, близ места впадения Сейма в Десну, в 2,5 км к юго-западу от села Шабалинов Коропского района, Черниговской области. От известного Долинского могильника⁵ оно отделено р. Сеймом. Городище занимает выступ боровой террасы левого берега Десны в урочище Ведмедки или Прапорка, в 2,5 км от Десны и в 4 км от Сейма. У подножья городища лежит болото Вязвене. Схематический план городища опубликован И. И. Ляпушкиным⁶. Площадки, вал и ров, как и плато за ними, ежегодно распахиваются, вал сильно расплылся, ров слабо заметен. Городище резко выделяется среди

¹ Ю. Виноградский. Сосниця та її околиці. Топографічні і археологічні матеріали, перекази та історичні відомості. «Чернігів і північне Лівобережжя». Київ, 1928; он же. Археологічні розшуки на Сосничині р. 1927. «Хроніка археології та містечтва», ч. 3. Київ, 1931; он же. Археологические работы Сосницкого историко-краеведческого музея (к 35-летию со дня основания). КСИА АН УССР, вып. 5. Киев, 1955, стр. 86—93.

² О. Н. Мельниковская. Могильник у с. Долинское Черниговской области. КСИИМК, вып. XXXIV, 1950, стр. 73—74.

³ И. И. Ляпушкин. Поселения зольничной культуры (скифов-пахарей) в северной полосе днепровского лесостепного левобережья. СА, XII, 1950, стр. 46; он же. Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа. МИА, № 104, 1961, стр. 142—143; он же. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. МИА, № 152, 1968, стр. 80.

⁴ Термин «скифская лесостепная культура левобережья» здесь и ниже употребляется нами условно. Мы имеем в виду памятники так называемой «позднезольничной» культуры Посеймья.

⁵ О. Н. Мельниковская. Указ. соч., стр. 70—74; она же. Поселение и могильник у с. Долинское Черниговской области (в печати).

⁶ И. И. Ляпушкин. Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа, стр. 143, рис. 78.

других в Подесенье значительными размерами (с укреплениями около 30 000 кв. м). В 200—250 м на северо-восток от городища по обоим краям мыса имеются курганообразные бугры. На участке плато между укреплениями городища и буграми встречаются те же черепки, что и на городище (в том числе раннего железного века), хотя четко выраженный слой отсутствует и находок меньше⁷.

На городище собран подъемный материал, сделаны зачистки и заложена разведочная траншея на мысу, в юго-западной части площадки. Культурный слой в траншее представляет собой темную супесь мощностью 0,20—0,25 м, на склонах достигает большей мощности. Слой подстилается светло-желтым песком. Никаких прослоек не прослежено. На зачистке поверхности материка обнаружено два пятна ям, резко отличных по цвету, и две столбовые ямки.

Яма 1, хозяйственная, выделялась в виде черного углистого круглого пятна диаметром 1 м, край которого уходил под стенку траншеи. Яма была неглубокой (глубина 0,2 м от поверхности материка), с отвесными или слегка расширяющимися книзу стенками, обложенными деревом и тонким деревянным настилом на дне (дерево сохранилось благодаря пожару). В заполнении ямы найдены обломки лепных сосудов и целый горшочек черного цвета, толстостенный, с выступающим наружу краем венчика и слабо намеченной шейкой (рис. 1, 11). Все обломки посуды из ямы относятся к юхновской культуре. Горшки серо-коричневого цвета, с примесью песка и дресвы в глине. Края венчиков прямые или слегка отогнутые наружу, шейки невысокие, корпус округлый. Венчики, шейки и плечики орнаментированы прямыми или косыми вдавлениями палочкой, мелкими ногтевыми врезами. Найдены часть плоски, сделанной из нижней части юхновского горшка путем заточки его краев (рис. 1, 16), и обломок горшка со сквозным отверстием при переходе от стенки к днищу, с отпечатками проса на наружной поверхности днища. Весь комплекс керамики из ямы типичен для ранних периодов юхновской культуры (рис. 1, 11, 12, 16, 17, 22). Ближайшие аналогии ему дают исследованные нами на Черниговщине городища VI—начала V в. до н. э. у сел Кудлаевка, Мезин, Свердловка⁸ и др.

Характерны не только формы и орнаменты, но и примесь песка в сочетании с дресвой, что является ранним признаком, использование под плоски разбитых горшков (позже плоски-мисочки лепились специально), отверстия у перехода к днищу, углубленные днища и прочее.

Яма 2 слабо выделялась на поверхности материка в виде светло-серого пятна удлиненной формы, неправильных очертаний, ориентированного на северо-восток—юго-запад. Глубина от зачистки по матерiku — 0,15 м. В яме обнаружены следы захоронения: обломки детского черепа плохой сохранности в северо-восточном конце ямы. У северной стенки ямы, на дне — раздавленный лепной сосуд яйцевидной формы. Высота сосуда — 15 см, диаметр устья — 12 см. Его плавно отогнутый наружу край косо срезан, дно слегка уплощено. Сосуд вылеплен из глины с песком, массивный (толщина стенок — 1 см). Наружная поверхность оранжево-кирпичного цвета, покрыта оттисками штампа, расположенного елочкой в 12 горизонтальных рядов (рис. 1, 10; 2). Внутренняя поверхность — черного цвета, со штрихами от горизонтального заглаживания. На шейке сосуда симметрично размещены две пары отверстий для скрепления при ремонте. Горшок из ямы 2 относится к средним периодам бронзового века, очень слабо изученным на Черниговщине. Сосуд можно определить как поздний средне-

⁷ В 300 м на юг от городища стоит одинокий курган «Саврова могила». Высота его — 2 м. Неподалеку, в урочище Могилковатое заметны низкие, расплывчатой формы курганы. В урочище Дуброва, недалеко от городища найден скифский наколочник стрелы.

⁸ О. Н. Мельниковская. Работы у с. Свердловка на Черниговщине. «Археология», XV. Київ, 1975.

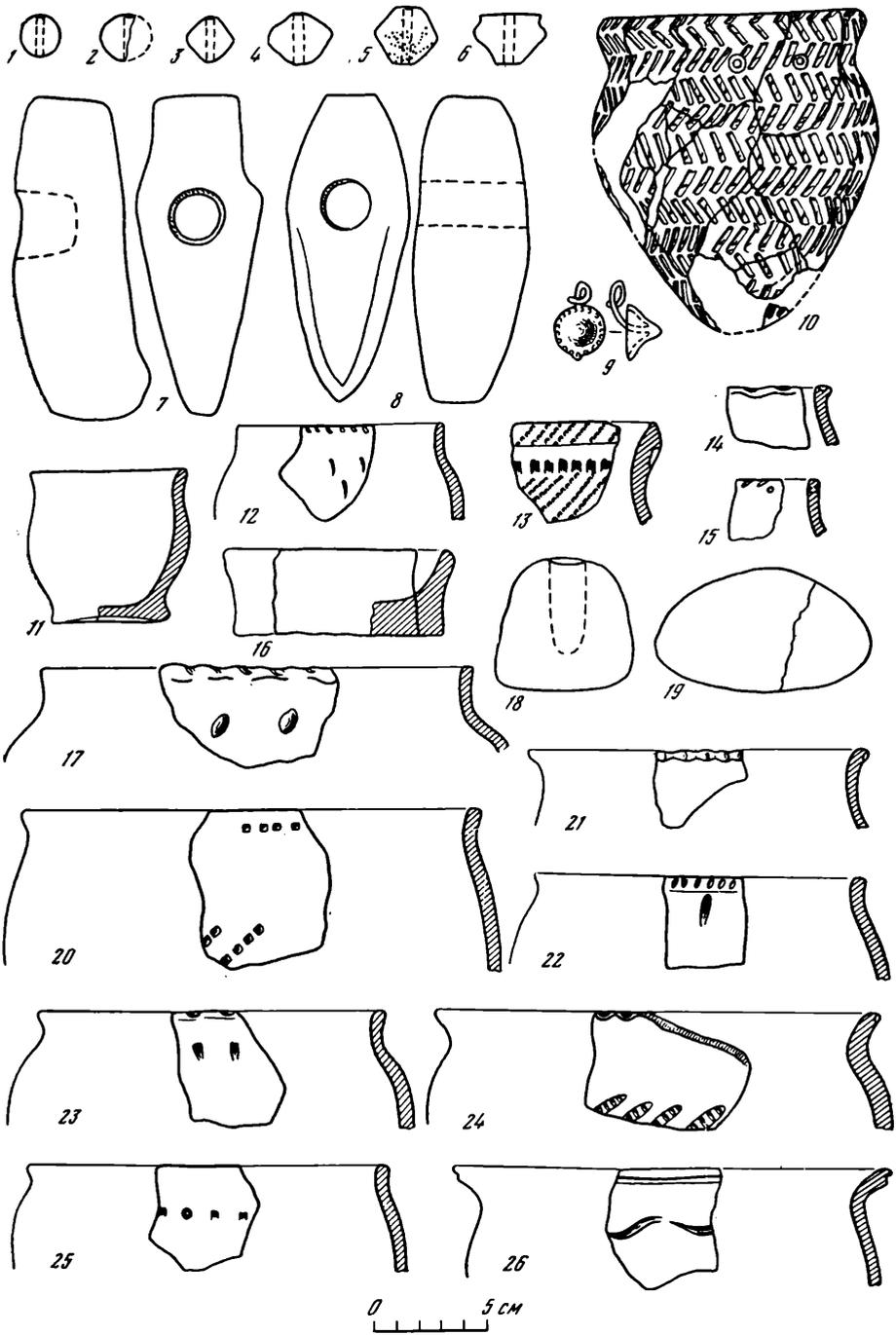

Рис. 1. Находки с Шабалиновского городища

днепровский и датировать второй четвертью II тыс. до н. э., ближе к середине этого тысячелетия⁹.

На городище в разное время найдено немного обломков довольно толстостенных сосудов бронзового века. Они бурого цвета, темные в изломе, с примесью дресвы и песка, слабопрофилированные, с косым срезом венчика, орнаментированным отрисками зубчатого штампа. Шейки и плечики сосудов украшены косыми рядами отрисков штампа в сочетании с ямками от вдавления щепочки (рис. 1, 13). В фондах Сосницкого музея хранятся два шлифованных каменных топора-молота с Шабалиновского городища. Размеры их — 14—15 см. Топоры отличаются деталями формы, один из них имеет сквозное отверстие, другой просверлен только наполовину (рис. 1, 7, 8)¹⁰. Не исключено, что они происходят из разрушенных неглубоких погребений эпохи бронзы, подобных раскопанному нами.

Основной подъемный материал с городища относится к юхновской культуре. Только один фрагмент с косыми насечками по краю и проколами под ним по орнаменту может быть отнесен к скифской лесостепной культуре (рис. 1, 15). Возможно, подобные черепки были встречены и И. И. Ляпушкиным, что дало ему основание говорить о так называемой «позднезольничной» принадлежности городища. Вся остальная посуда раннего железного века, в частности из наших разведок и раскопок, целиком должна быть отнесена к юхновской культуре, как правило, — к ее ранним этапам¹¹.

Фрагмент от слабо профилированного серого сосуда с дресвой в глине, с отпечатками зубчатого штампа по шейке и верхней части корпуса (рис. 1, 20) может быть датирован несколько позже. Такие приемы орнаментации появляются в V в. до н. э., получая широкое распространение в более поздние периоды развития юхновской культуры. К этой же культуре следует относить глиняные грузило округло-конической формы с несквозным каналом и яйцевидный блок (рис. 1, 18, 19), а также несколько пряслиц шаровидной и биконической формы (рис. 1, 1—5). На городище при наших работах найдено серо-черное пряслице в виде мисочки, приближающейся по форме к зарубинецким (рис. 1, 6), с хорошо заглаженной поверхностью и примесью песка в глине. Вопрос о его датировке остается пока открытым.

На городище найдена бронзовая массивная литая серьга скифского типа с конической бляшкой, украшенной по краю ложной зернью, и с изогнутым проволочным крючком (рис. 1, 9). По многочисленным аналогиям в скифских древностях эта вещь должна быть датирована VI—V вв. до н. э.¹² Здесь же найдены медные шлаки, свидетельствующие о местном бронзолитейном производстве; в 1929 г. на городище был найден брон-

Рис. 2. Сосуд бронзового века с Шабалиновского городища

⁹ Благодарю И. И. Артеменко за консультацию.

¹⁰ Ю. С. Виноградский. Археологические работы Сосницкого историко-краеведческого музея. . . , стр. 91, рис. 3, 5, 10.

¹¹ В нашем отчете за 1965 г. мы также говорим о заметном лесостепном компоненте. Это объясняется тем, что в то время (первый год работ в Подесенье) материалы раннего этапа юхновской культуры (заметно отличающиеся от более поздних) были еще не изучены и с трудом выделялись.

¹² О. Н. Мельниковская. Могилиник у с. Долинское Черниговской области, стр. 73. рис. 20, 8.

зовый наконечник стрелы скифского типа (не сохранился). По описанию Ю. С. Виноградского, наконечник «трехреберный», с внешним кольцом втулки. Известна находка на городище фрагмента горла от тонкостенной, широкогорлой античной амфоры, светло-коричневого цвета, из чистой глины.

Среди материалов с Шабалиновского городища имеется несколько черепков, относящихся к древнерусской культуре (роменские и более поздние гончарные): например, обломок слабо профилированного сосуда роменского типа, с широким устьем и низкой шейкой, темно-желтого цвета, с шамотом в тесте, с вдавлениями по краю и косыми отпечатками веревочного штампа по плечикам (рис. 1, 24) или бортик слабо профилированного гончарного сосуда с широким открытым устьем черного цвета, с песком. Наружный край его венчика прорезан горизонтальной бороздкой, по шейке — волнистая линия (рис. 1, 26). Этот фрагмент может относиться к XII в., как и хранящиеся в музее обломки стеклянных браслетов.

На городище можно выделить наиболее перспективные участки для раскопок, наметить места жилищ по заметным на пашне скоплениям глиняной обмазки, шлакированной посуды и другим находкам.

Таким образом, уже в первой половине II тыс. до н. э. на выступе боровой террасы, занятом позже городищем, располагалось поселение и могильник бронзового века, возможно, только могильник. В VI в. до н. э. здесь возникло укрепленное поселение как южный юхновский форпост, контролировавший важнейшие водные пути по Десне и Сейму. Об особом значении этого пункта говорит, кроме географического размещения, его величина, в 8—10 раз превышающая размеры средних городищ¹³. Можно предполагать, что Шабалиновское городище — один из важнейших племенных центров того обширного древнего объединения племен, которое Геродот упоминает под именем меланхленов, а мы условно называем юхновской культурой.

Остается проблематичной связь Шабалиновского городища с культурой лесостепи в ее сейминском варианте. Пока нет материалов, подтверждающих, что оно было заселено лесостепными племенами. Распространенной у этих племен посуды с проколами и «жемчужинами» под венчиком и другими характерными признаками нет и на других близких памятниках, например, на открытом нами поселении у Долинского могильника, оказавшемся юхновским, как и сам могильник.

Отдельные черепки посуды лесостепного типа встречаются на памятниках этого района очень редко, как исключение. Два ближайших к Шабалиновскому деснинских правобережных городища — в деревнях Зметнев и Оболонье, Сосницкого района, расположенные против Шабалинова и немного выше по течению, имеют ранние юхновские слои. Только на одном из бортиков с городища Оболонье нанесены проколы под венчиком, да и то в сочетании с юхновской формой этого сосуда и юхновскими элементами ornamentации. Бесспорно, оба эти пункта также участвовали в контроле водных путей по Десне. Можно полагать, что жившее на них население действовало в контакте с населением Шабалиновского городища. Двусторонний контроль водного пути по Сейму мог осуществляться в контакте с жителями Долинского и других юхновских селений, расположенных напротив Шабалиновского городища, на другом берегу Сейма. Низкие места не позволяли здесь сооружать городища. При проведенных нами значительных раскопках Мезинского городища и на полностью раскопанном (3250 кв. м) Кудлаевском городище — южных юхновских городищах, синхронных сейминским с лесостепной культурой, — обнаружено всего несколько черепков, типичных для этой культуры. На юхновских городищах Подесенья лесостепные формы посуды не имели распространения, не го-

¹³ Площадь Кудлаевского городища — 3500 кв. м, Мезинского и Свердловского I — менее 3000 кв. м и т. д.

воря, конечно, о ярко выраженном сходстве с бондарихинской культурой левобережной лесостепи. Этот вопрос требует особой разработки. Нет поселений сейминского варианта лесостепной культуры и на нижнем Сейме, что отмечает И. И. Ляпушкин¹⁴.

Очевидно, племена левобережной лесостепи с культурой сейминского типа вообще в этих местах не жили. На приведенной И. И. Ляпушкиным карте в низовьях Сейма нет ни одного пункта кроме Шабалиновского городища¹⁵. Материалы наших раскопок и разведок, а также хранящиеся в Сосницком музее вещи из разведок Ю. С. Виноградского говорят о наличии в этих местах ряда неукрепленных поселений с находками юхновской культуры типа Долинского (у с. Великое Устье на берегу оз. Сквирень, у с. М. Устье в урочище Привалово-Сруб, между селами Великое Устье и Долинское в урочище Круг, в окрестностях г. Сосницы в урочище Белая Круча).

Таким образом, во владения юхновских племен входили не только земли по Десне, но и важные в стратегическом отношении районы устья Сейма и его нижнего течения. Можно полагать, что одной из важнейших функций Шабалиновского городища было охранять юхновские племена от своих лесостепных соседей, в частности, от живших выше по Сейму и, следовательно, крайне заинтересованных в водных путях через его устье.

Что касается ситуации в Среднем и Верхнем Посеймье, то роль юхновских племен здесь гораздо более значительна, чем это считал И. И. Ляпушкин, мнение которого о расселении юхновских племен только в нижнем его течении, да и то вперемежку с лесостепными племенами¹⁶, давно опровергнуто работами А. Е. Алиховой и Ю. А. Липкина.

Юхновские племена жили по всему Сейму как на правом, так и на левом его берегу, в среднем его течении вплотную контактируя с населением сейминской культуры лесостепи.

Приведенные выше данные наглядно свидетельствуют о значении юхновских племен Черниговщины, державших в своих руках в VI—V вв. до н. э. важные ключевые позиции на севере лесостепи. На Сейме значение юхновских племен, по-видимому, сохраняется и в IV в. до н. э. В Черниговском Подесенье материалов юхновской культуры этого времени, как и более поздних, почти нет.

Конкретные исторические причины этого явления, бесспорно связанные с ситуацией в степной и лесостепной Скифии, должны выяснить исследования на юге.

¹⁴ И. И. Ляпушкин. Днепровское лесостепное левобережье. . . , стр. 16.

¹⁵ Там же, стр. 20, рис. 2.

¹⁶ Там же, стр. 16; А. Е. Алихова. Древние городища Курского Подесенья. МИА, № 113. М., 1962, стр. 86—129; Ю. А. Липкин. Городища эпохи раннего железного века в Курском Подесенье. Там же, стр. 134—141.

И. В. ГАВРИЛОВА

НОВОЕ ЗООМОРФНОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ
НА КЕРАМИКЕ ФЕДОРОВСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ

В результате раскопок Федоровского поселения в 1972 г. найдено еще одно, весьма своеобразное изображение на керамике (рис. 1). Небольшое по размерам ($5 \times 1,5$ см), оно расположено на внутренней стороне венчика сосуда и представляет собой животное, определить которое не удастся из-за значительной стилизации. Гребенкой переданы туловище и две ноги, по направлению ступней ног можно предполагать, где должна помещаться голова, но, однако, трудно понять, обозначают ли нанесенные здесь две линии шею, голову, уши или рога. На противоположном конце гребенчатая линия продлена вверх от туловища и, вероятно, обозначает хвост. К сожалению, в этом месте фрагмент обломан, поэтому неясно, было ли данное животное единственным или их было несколько.

Зооморфные изображения на обломках профилированных сосудов уже встречались на костромских памятниках. Здесь же, на Федоровском поселении ранее был найден фрагмент венчика со змеей, обломок аналогичного сосуда с «рыбкой» обнаружен при последних раскопках Галичской стоянки¹. Несмотря на различие изображаемых объектов, для всех их характерна одна и та же техника исполнения, строгая приуроченность к внутренней стороне венчика и, что особенно важно, тип керамики, на которой они нанесены.

Все три обломка принадлежат достаточно крупным сосудам, вылепленным из глины с неорганической примесью, с расширенными стенками, суженным горлом, сравнительно высоким венчиком, несколько отогнутым наружу. Орнамент состоит из коротких отпечатков гребенки и неправильных ямчатых вдавлений. Подобная керамика на костромских памятниках определена Н. Н. Гуриной как фатьяноидная².

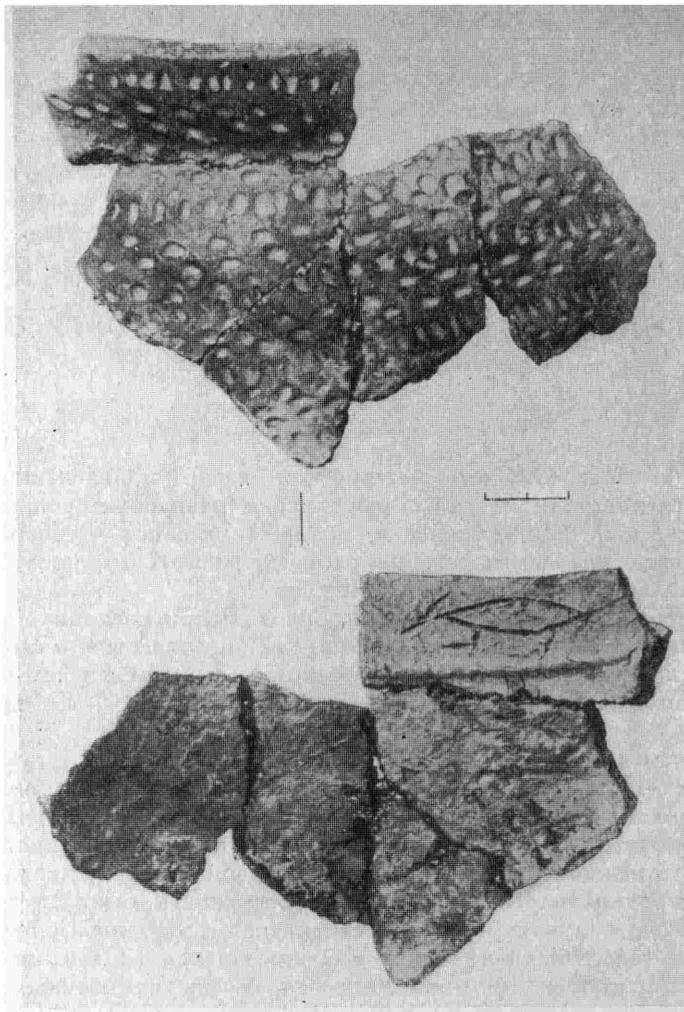
За последние годы фатьяноидная керамика стала известна довольно широко, в то же время зооморфных изображений на ней, кроме упомянутых, нигде не наблюдалось. Это послужило поводом для некоторых исследователей отнести их к абашевской культуре³, что, казалось бы, подтверждается находкой обломка абашевского сосуда на Федоровском поселении, на том же участке, где найдены фрагменты с зооморфными изображениями. Не отрицая окончательно возможность подобного решения, хотелось бы сделать несколько замечаний по этому вопросу.

Прежде всего укажем, что фатьяноидная керамика в силу гибридного происхождения в каждом конкретном случае, сохраняя основные признаки, обладает некоторым своеобразием. Не исключено, что зооморфные изображения являются одной из особенностей фатьяноидной керамики на

¹ Л. В. Кольцов. Изображение рыбы на сосуде из Галичской стоянки. КСИА, вып. 127, 1971, стр. 63—64; И. В. Гаврилова. Зооморфные изображения на керамике Федоровского поселения. КСИА, вып. 131, 1972, стр. 115—118.

² Н. Н. Гурина. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье. МИА, № 110, 1963, стр. 85—203.

³ Л. В. Кольцов. Указ. соч., стр. 64.

Рис. 1. Зооморфное изображение на керамике Федоровского поселения

Чухломском и Галичском озерах. Однако их наличие, как и некоторых других специфических черт, не позволяет исключить эти фрагменты из группы фатьяноидной керамики, основные признаки которой они сохраняют.

Существенным кажется и отсутствие абашевской керамики на Галичской стоянке. Напротив, обломки фатьяновских сосудов и каменных сверленных топоров обнаружены как на Федоровском поселении, так и на Галичской стоянке. Их находки указывают, очевидно, на значительное влияние фатьяновцев в формировании культуры эпохи развитой бронзы на данной территории. Поэтому кажется более правильным рассматривать описанные выше фрагменты как фатьяноидные и, может быть, лишь в самих изображениях видеть влияние абашевской культуры. Рисунки на керамике заставляют вспомнить, что и среди вещей Галичского клада имеется зооморфная фигурка с удлиненным туловищем, двумя короткими ногами и невыразительной головой, а на рукояти кинжала — змея.

Сюжеты, синхронность клада и нашей керамики, а также значительная заселенность этого края в эпоху развитой бронзы, о чем свидетельствуют последние находки на Федоровском поселении, позволяют поставить вопрос о принадлежности галичского клада племенам, оставившим поселения с фатьяноидной керамикой. Но для окончательного решения нужны дополнительные доказательства.

К. А. СМЕРНОВ

О НАЗНАЧЕНИИ КЕРАМИЧЕСКИХ ФИГУРОК
С ДЪЯКОВСКИХ ГОРОДИЩ

Городища Волго-Окского междуречья давно привлекают внимание ученых. Исследователи не раз обращались к разработке вопросов хронологии, этнической принадлежности, а также касались частных вопросов. Однако не все проблемы решены окончательно. К их числу относится вопрос о назначении керамических фигурок.

Впервые они были найдены В. И. Сизовым при раскопках на Дьяковском городище в 1889 г.¹ В настоящее время они известны в семи пунктах: на Дьяковском городище — 4, на Огубском — 2, на Успенском — 1, на Борисоглебском — 9, на Щербинском — 1, на Кузнечиках — 19, на городище Отмич — 1.

Фигурки изготовлены очень грубо, выступами показаны ноги, руки и голова (рис. 1). У отдельных образцов имеются ступни ног. Широкие бедра заставляют считать эти фигурки женскими. Размеры изображений сильно колеблются. Обычно у изображения гладкая поверхность, однако имеются пять исключений. В двух случаях у фигурок с Дьякова и Борисоглебского городищ плоская (лицевая) поверхность была густо покрыта точками². В двух случаях на обломках фигурок с городищ Борисоглебского и Кузнечики точки были нанесены в области пояса³. Особенно интересна находка на городище Кузнечики. На бедрах фигурки точками нанесены три треугольника углами вниз — один спереди и два сзади. По-видимому, это попытка обозначить пояс (рис. 1, 4). Большой интерес представляет фигурка с городища Отмич, также украшенная точками, которые расположены в определенном порядке. «Кроме нескольких линий, которыми, очевидно, подчеркнуты детали одежды, на квадрате, выделенном точечным орнаментом, нанесено несколько треугольников»⁴. Подавляющее большинство фигурок разбито, однако имеются и целые образцы.

К какому времени следует отнести эти фигурки? Их стратиграфическое положение не дает оснований датировать их более ранним или более поздним временем. Следует, однако, учитывать, что в шести случаях из семи фигурки были найдены на памятниках, имеющих ранние слои, и только в одном — на памятнике несомненно позднем — на Огубском городище. Это в какой-то мере дает основание относить их к более раннему времени.

Относительно назначения фигурок высказывались различные точки зрения. Описывая материалы из раскопок Дьякова городища, В. И. Сизов

¹ В. И. Сизов. Дьяково городище близ Москвы. ТАС, IX, т. II. М., 1897, стр. 263, табл. XXV, 1—3.

² В. И. Сизов. Указ. соч., табл. XXV, 1; Р. Л. Розенфельдт. Разведки и раскопки дьяковских городищ в Подмосковье в 1960—1963 гг. КСИА, вып. 102, стр. 112.

³ Р. Л. Розенфельдт. Археологические разведки в Подмосковье в 1964—1965 гг. КСИА, вып. 112, 1967, стр. 109; А. Ф. Дубынин. Городище Кузнечики в Подмосковье. СА, 1970, № 1, стр. 157.

⁴ М. А. Бухтеева. Работы дьяковского отряда верхневолжской экспедиции. «Археологические открытия 1968 года». М., 1969, стр. 33.

отметил керамические фигурки. Однако об их назначении он не принял определенного решения⁵.

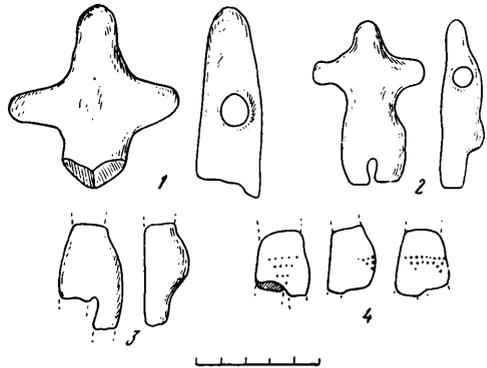
В. А. Городцов, рассматривая находки с Огубского городища, высказался относительно керамических фигурок вполне определенно: «К культовым глиняным изделиям относятся два обломка глиняных идольчиков»⁶.

А. В. Успенская, разбирая вещи с Успенского городища, пишет: «Подобные фигурки, по мнению многих археологов, имели магическое значение и были связаны с земледельческим культом»⁷.

Такой же точки зрения придерживается Р. Л. Розенфельдт: «Культовое значение этих фигурок, возможно, связано с развивающимся в это время в лесной зоне земледелием»⁸.

Рис. 1. Керамические фигурки

1 — Борисоглебское городище;
2—4 — городище Кузнечики

А. Ф. Дубынин считает, что эти фигурки следует связывать с культом «великой богини, матери всего сущего»⁹.

Таким образом, мнение В. А. Городцова относительно культового назначения рассматриваемых фигурок было принято всеми последующими исследователями. По-видимому, с этим трудно не согласиться. Однако их связь как с земледельческим культом, так и с культом великой богини, матери всего сущего, пока не доказана.

Следует учитывать, что, как правило, изображения божеств, связанных с плодородием, имеют четко выраженные половые признаки. То же можно сказать и относительно великой богини — матери всего сущего. У рассматриваемых фигурок мы этого не наблюдаем.

С каким же культом следует связывать глиняные фигурки? Представляется наиболее вероятным, что их следует связывать с культом хозяйки огня — покровителя домашнего очага, близкого позднему домовому. Этот культ был распространен очень широко.

С. А. Токарев отмечает, что, судя по этнографическим данным, у народов умеренного и холодного поясов прослеживаются два характерных явления: «1) Религиозное почитание родового и семейного очага как средоточия и материального воплощения жизни рода и семьи и 2) олицетворение очага в образе „хозяйина“ или чаще „хозяйки“ очага»¹⁰. Это явление прослеживается там, где огонь горит в жилищах. В жарких странах, где огонь зажигают вне жилищ, это явление не наблюдается.

С. А. Токарев проследил существование этого культа на большом этнографическом материале. Например, у гилаков, по их воззрениям, в каждом очаге находится «старуха огня» и по другим представлениям — «старик

⁵ В. И. Сизов. Указ. соч., стр. 263.

⁶ В. А. Городцов. Болотное Огубское городище. Тр. ГИМ, вып. 1. М., 1926, стр. 119.

⁷ А. В. Успенская. Успенское городище. КСИИМК, вып. 68, 1957, стр. 121.

⁸ Р. Л. Розенфельдт. Археологические разведки в Подмосковье..., стр. 110.

⁹ А. Ф. Дубынин. Об орнаменте грузиков Троицкого городища. СА, 1966, № 1, стр. 272.

¹⁰ С. А. Токарев. К вопросу о значении женских изображений эпохи палеолита. СА, 1961, № 2, стр. 14.

со старухой»¹¹. Во всех важных случаях жизни гилек совершал жертвоприношение и просил старуху о помощи.

У эвенков центром семейного и родового культа являлся домашний очаг, который в их представлении олицетворялся в образе «бабушки». Культ очага находился в руках женщин¹².

Исследователь гольдов Л. Н. Липский отмечал: «Этого духа огненной стихии гольды представляют в образе дряхлой сторбленной старухи в красном халате»¹³.

Ссылаясь на В. Йохельсона, С. А. Токарев отмечает наличие такого же культа у юкагиров, которые верят в „хозяина огня“ или „человека огня“, который является хранителем семейного очага и живет в очаге. К нему обращается „огненная мать“¹⁴.

У чукчей и у коряков имеются изготовленные из дерева домашние божества, которые называются: «деревянная женщина» и считаются покровительницами семейного благополучия¹⁵. Было сделано наблюдение, что у этих народов семейный культ и все семейные обряды находятся в руках у женщин. Старшая в семье женщина является жрицей этого культа и называется «главноогненная»¹⁶. Это явление, по-видимому, является пережитком каких-то древних норм, когда женщина являлась хранительницей и жрицей огня, который, возможно, поддерживался непрерывно.

Из приведенных примеров видно, что почитание хозяйки огня, своеобразного женского домового, было распространено широко у народов на стадии распада общинно-родовых отношений. Основой хозяйства у них было скотоводство, подсобным — охота. Такую же картину мы наблюдаем и у обитателей дьяковских городищ на ранней стадии их развития. Поэтому рассмотренные керамические фигурки можно связывать с культом «хозяйки огня».

¹¹ С. А. Токарев. К вопросу о значении женских изображений эпохи палеолита. СА, 1961, № 2, стр. 14.

¹² С. А. Токарев. Указ. соч., стр. 15.

¹³ Л. Н. Липский. Элементы религиозно-психологических представлений гольдов. Чита, 1923, стр. 233.

¹⁴ С. А. Токарев. Указ. соч., стр. 15.

¹⁵ В. Г. Богораз. Чукчи. II. Религия. Л., 1939, стр. 58—59.

¹⁶ Там же.

Н. А. АВАНЕСОВА

ЖАМАН-УЗЕН II — АТАСУСКИЙ МОГИЛЬНИК
ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА

Могильник находится на правом берегу р. Жаман-Узен (приток р. Сары-Су), в 8 км к юго-востоку от совхоза Ортау, Жана-Аркинского района, Карагандинской области. Жаман-Узен II входит в ортаускую группу памятников эпохи бронзы, обследованных в 1955—1956 гг. Центрально-Казахстанской археологической экспедицией, руководимой вот уже 25 лет академиком АН Казахской ССР А. Х. Маргуланом¹.

На полого-выпуклой гряде, покрытой степным травостоем и караганником, вдоль магистральной дороги Ортау—Коктенкуль тянется с северо-запада на юго-восток серия круглых оград из поставленных на ребро гранитных и сланцевых плит, выступающих над поверхностью степи на 5—15 см. Сохранившиеся 35 оград различаются только по размерам. Диаметр их варьирует от 2 до 18 м. В 1972 г. нами раскопано три ограды, содержащие пять каменных ящиков.

Ограда 1 (рис. 1) — диаметр 5 м. Внутри, у северо-западной стенки обнаружены остатки поминальной тризны (кости конечностей в сочленении и череп быка). В центре ограды — могильный ящик, прямоугольный (200×90 см, глубина — 80 см), ориентированный с северо-запада на юго-восток. Ящик сложен из четырех массивных плит розового гранита. Торцовые стенки возвышались над покрытием на 10—15 см. Могила ограблена в древности. В заполнении и на дне встречены кости взрослого человека, две бронзовые кольчатые бусины из треугольной в сечении проволоки, просверленный резец волка², фрагменты алакульской керамики.

Ограда 3 (рис. 1, 1) примыкает вплотную к южной стенке ограды 1. Диаметр — 2 м. Сооружена небрежно, из массивных рваных блоков розового гранита. В нее как бы втиснут прямоугольный ящик, сложенный из четырех плит (130×60 см, глубина — 70 см), ориентированный с юго-востока на северо-запад. В заполнении ящика встречены скопления угольков. На дне ящика по углам стояли два сосуда. Один — горшковидный, с резным алакульским орнаментом, второй — баночный, без орнамента, весь закопченный. В первом — находились кости двухлетнего младенца³.

Ограда 2 (рис. 1, 1) расположена в 5 м к востоку от ограды 1 (диаметр — 6 м). Вдоль внутренних стен в трех пунктах на разных уровнях обнаружены остатки поминальных тризн или жертвенных приношений в виде костей четырех конечностей в естественном сочленении и черепа быка или барана в каждом пункте и рядом с ними (в двух пунктах) опрокинутого вверх дном горшка. Внутри ограды три каменных ящика, ориентированных с северо-запада на юго-восток. Могилы ограблены, плиты от покрытия разбросаны по всей ограде.

¹ «Археологическая карта Казахстана». Алма-Ата, 1960.

² Определение Н. М. Ермоловой.

³ Определение М. П. Грязнова.

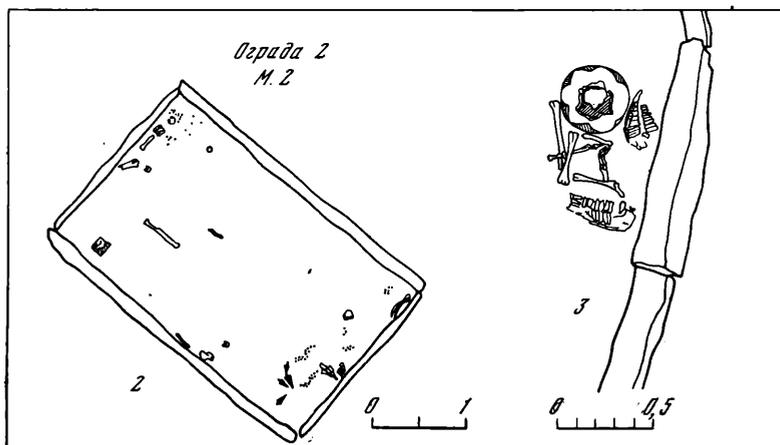
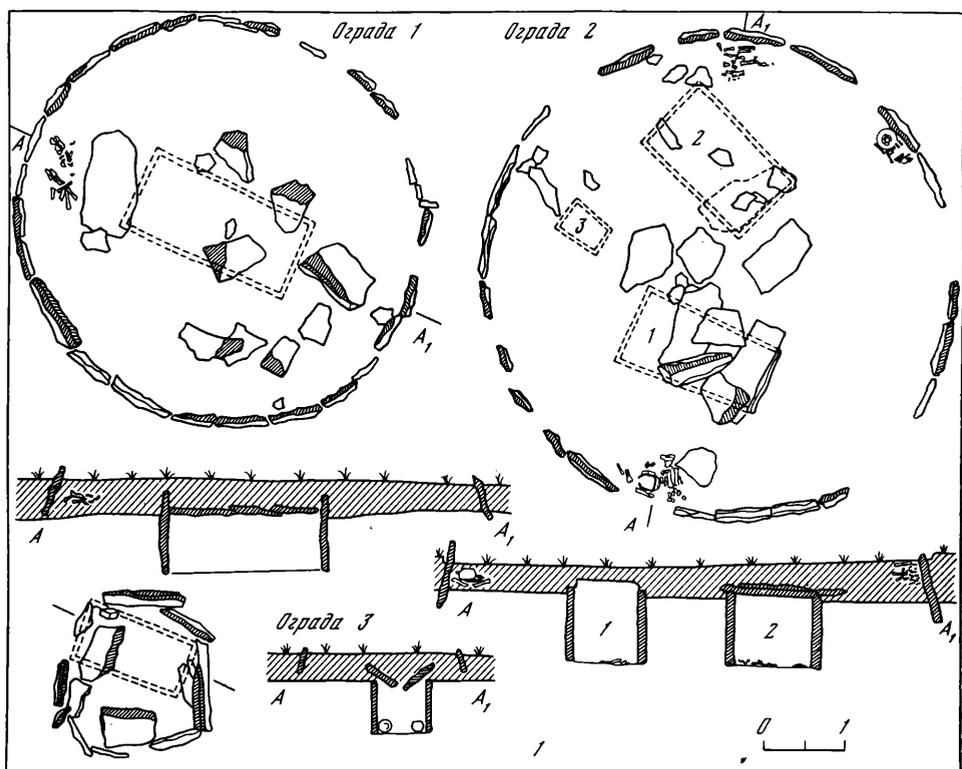

Рис. 1. Могильник Жаман-Узен II

1 — план и разрезы погребений и оград; 2 — могильный ящик 2, ограда 2; 3 — остатки от поминальной гряды ограда 2, пом. 2

Могила 1 — трапециевидный ящик (180×90 см, глубина — 100 см) из четырех массивных плит гранита. Торцовые стенки возвышаются над покрытием. В заполнении ящика фрагменты трех сосудов с алакульским орнаментом и отдельные кости взрослого человека. На дне сохранился слой коричневатого тлена.

Могила 2 — прямоугольный ящик (160×90 см, глубина — 90 см) из четырех плит гранита. Сохранилась массивная плита от покрытия у ног. В заполнении ящика и на дне встречены кости взрослого человека и под-

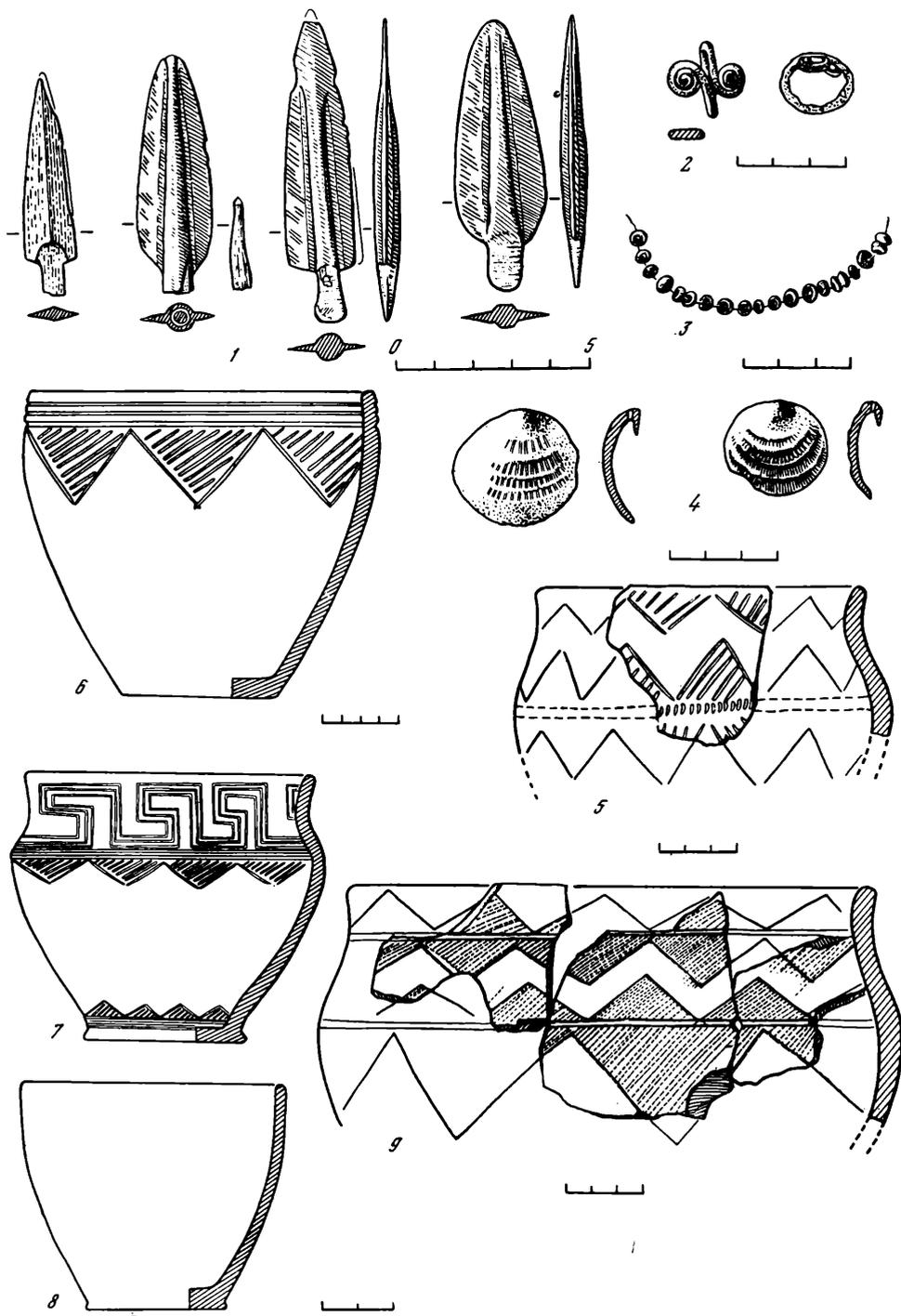

Рис. 2. Инвентарь из могил и оград могильника Жаман-Узен II
 1-5 — ограда 2, могила 2; 6 — ограда 2, пом. 2; 7-8 — ограда 3; 9 — ограда 1, могила 1

ростка 9 лет⁴. На дне — следы подстилки (коричневатый тлен, возможно, трава). В юго-восточной части *in situ* частично сохранились кости стопы. Судя по их положению, погребенный лежал скорченно, на левом боку, головой — на северо-запад. На уровне голеностопного сочленения удалось проследить расположение низки бисера из стекловидной массы в виде двух параллельно идущих ломаных линий (рис. 1, 2). Это характерная деталь украшений андроновской обуви. В южном углу, у ног лежали три бронзовых и один костяной наконечники стрел. В восточной части могилы обнаружены две подвески из просверленных раковин (рис. 2, 4), которые встречаются только в алакульских памятниках андроновской культуры. В северо-западной части могилы обнаружен бронзовый провололочный, с загнутыми в спираль концами перстень (рис. 2, 2), в углу — четыре астрагала овцы (на двух насечки) и фрагменты двух сосудов с типично алакульской зональной орнаментацией и формой (рис. 2, 5).

Возможно, перед нами парное захоронение. На алакульском этапе в Центральном Казахстане в парных захоронениях женский костяк лежит, как правило, на левом, а мужской — на правом боку⁵; украшения обычно находили в женских могилах. Можно предположить, что боевые стрелы, обнаруженные в могиле 2, сопровождали в загробный мир женщину, а не подростка⁶. Аналогичный случай известен в увакском могильнике, где в двух женских могилах были обнаружены предметы вооружения — кремневый наконечник стрелы и бронзовый наконечник дротику⁷.

Могила 3 — трапециевидный ящик (50×40 см, глубина — 70 см), сложенный из четырех сланцевых плит. Торцовые стенки ящика выступают над покрытием на 10—12 см. Могила — детская, ограблена. В заполнении — фрагменты неорнаментированного сосуда. На дне, в северо-западном углу два астрагала барана (?) с насечками.

Стратиграфические наблюдения в ограде 2 позволили проследить порядок сооружения ограды и ящиков. Под дерновым слоем, не превышавшим 15 см, залегает суглинок с примесью мелкого щебня. Это выброс из могильной ямы, ибо за пределами ограды, под дерновым слоем идет лесовидный суглинок, а затем материковый слой-щебенка. Видимо, сначала строилась ограда, затем внутри ее выкапывалась могильная яма, стенки которой облицовывали плитами. Покрытие делали из массивных плит. Выброс из ямы оставляли в ограде и по всей вероятности заравнивали после каждого захоронения. Этим, возможно, и объясняется залегание остатков поминальной тризны на разных горизонтах.

Характер орнамента и форма сосудов могильника Жаман-Узен II не оставляют сомнения в том, что они относятся к алакульскому типу керамики. Особое место в инвентаре погребений могильника занимают наконечники стрел, обнаруженные в могиле 2 ограды 2 (рис. 2). Типологически все они отличаются друг от друга: 1) костяной треугольный наконечник с плоским квадратным черешком; 2) бронзовый листовидный наконечник с выступающей круглой втулкой, переходящей в жилку по всему перу; 3) бронзовый наконечник с треугольным пером и плоским черешком, также переходящий в массивную жилку до уплощенного ковкой острия; 4) бронзовый листовидный наконечник с плоским округлым черешком, переходящим в жилку по всему перу. На черешковых наконечниках сохранились следы крепления их к древку. Во втулке листовидного

⁴ Определение М. П. Грязнова.

⁵ К. А. Акишев. Эпоха бронзы Центрального Казахстана. Автореферат канд. дисс. Л., 1953, стр. 6.

⁶ Обнаружение астрагалов с достоверностью указывает, во-первых, на детский возраст, а во-вторых, — на мужской пол погребенного (В. С. Сорокин. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I в Западном Казахстане. МИА, № 120, 1962, стр. 35).

⁷ Э. А. Федорова-Давыдова. Новые памятники эпохи неолита и бронзы в Оренбургской области. ВАУ, вып. 2. Свердловск, стр. 18—19.

наконечника осталась часть древка, выструганного из плотной древесины. Все наконечники литые, с последующей ковкой.

Бронзовые наконечники стрел — сравнительно редкая находка в памятниках андроновской культуры. Они известны по могильникам Центрального и Северного Казахстана (Айшрак, Биырек-коль)⁸, Челябинских и Оренбургских степей (Сосновка, Смолино, Увак)⁹, а также поселений Западного Казахстана (Тасты-Бутак)¹⁰, Приуралья (Мирный II)¹¹ и Восточного Казахстана (Малокрасноярка, Аул Канай)¹². Во всех указанных памятниках наконечники втульчатые, только в могильнике Айшрак, как и в нашем комплексе, встречены и втульчатые, и черешковые.

Наиболее архаичными по технике изготовления и форме являются плоские листовидные формы со свернутой втулкой стрелки из поселений Мирный II и Тасты-Бутак. Типологически их следует считать самой ранней формой бронзовых стрел евразийских степей¹³.

По форме пера, способу крепления бронзовые стрелки из Жаман-Узен II, Айшрак и Увак однотипны¹⁴. По погребальному инвентарю и обряду могильник следует датировать XV—XIV вв. до н. э.

Находки костей животных вдоль стен с внутренней стороны ограды в могильнике Жаман-Узен II представляют собой ценный источник по верованиям и культу андроновских племен. Обнаруженные в оградах кости конечностей и черепа — не что иное, как остатки шкуры животного с оставленными в ней неотчлененными головой и ногами, принесенного в жертву при поминальных тризнах. Об этом свидетельствуют широкие этнографические параллели и археологические данные¹⁵.

Андроновская культурно-историческая область занимает огромную территорию, на которой намечается ряд локальных вариантов, характеризующих определенными особенностями каждую этническую группу. Эти особенности сказываются и в религиозных мировоззрениях разных групп племен. Картографирование жертвоприношения (шкура с конечностями и головой), поминальной пищи (пища в сосудах за оградой, у ограды, в насыпи) и заупокойной пищи (определенные куски мяса в могиле) позволили выявить систему представлений о загробной жизни каждого племени. Так, обычай снабжать покойников определенными кусками мясной пищи широко практиковался у федоровских племен челябинской группы (Федоровский

⁸ К. А. Акишев. Памятники андроновской культуры Центрального Казахстана. «Древняя культура Центрального Казахстана». Алма-Ата, 1962, стр. 94—95, табл. IV, 2—6; А. М. Оразбаев. Северный Казахстан в эпоху бронзы. «Труды ИИАЭ АН Казахской ССР», т. V. Археология, 1958, стр. 245, табл. IV, 17.

⁹ К. В. Сальников. Бронзовый век Южного Зауралья. МИА, № 21, 1951, стр. 129, рис. 14, 11; Н. К. Минко. Отчет о раскопках в окрестностях Челябинска за 1907 г. Архив Свердловского музея, ф. 1, 1904, № 219, л. 31; Э. А. Федорова-Давыдова. Новые памятники эпохи неолита и бронзы в Оренбургской области. ВАУ, вып. 2. Свердловск, 1962, стр. 19. Вряд ли можно увакскую стрелку принимать за наконечник дротика, как это считает Э. А. Федорова-Давыдова: этому противоречат размеры пера и втульчатого насада.

¹⁰ «Андроновская культура». САИ, вып. ВЗ—2. М.—Л., 1966, стр. 60—61.

¹¹ В. Ф. Генинг, Т. М. Гусенкова, В. Ф. Кернер, В. И. Стефанов. Отчет о раскопках в Челябинской области в 1971 г. Архив КА Ургу, ф. II.

¹² С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, № 88, 1960, табл. XXVIIa, XXXVI.

¹³ Н. А. Аванесова. К хронологии бронзовых наконечников стрел андроновской культуры (в печати).

¹⁴ Э. А. Федорова-Давыдова увакский могильник датирует концом XVI—XV в. до н. э. на основании наконечника стрелы (см.: Э. А. Федорова-Давыдова. Племена Южного Приуралья в эпоху бронзы. Автореферат канд. дисс. М., 1968, стр. 17).

¹⁵ Обряд жертвоприношения быка подробно рассмотрен М. П. Грязновым (см.: М. П. Грязнов. Бык в образах и культах древних скотоводов). «Тезисы докладов на сессии и пленумах, посвященных итогам полевых исследований в 1971 г.» М., 1972, стр. 24; см. также работу С. Пиггота, который широко освещает вопрос о ритуальных захоронениях и о происхождении обычая приношений шкур животных, наблюдаемых от долины Сейлсбери до Причерноморья и Сибири: S. Piggot. Heads and Hoofs. Antiquity. Cambridge, v. XXXV, N 142, June, 1962, p. 110—118.

могильник, Туткубаево, Смолино, Сухомесово, Черняки I)¹⁶, у племен Северного, Центрального и Восточного Казахстана (Боровое, Бурлук, Ботакара, Богулы I, Канаттас, Канай, Зевакино), у енисейских племен (Пристань I, Сухое Озеро, Орак)¹⁷. В указанных могильниках ритуальная пища (ребра, лопатка, шейные позвонки) принадлежала главным образом лошади, реже встречаются овцы и быки.

В памятниках федоровского типа известна поминальная «пища» в виде приношений в сосудах растительной и молочной пищи, обнаруженных в насыпи (Федорово, Смолино) в оградах (Бурлук I, Ботакара). Там их ставили к северу и северо-западу от основной могилы.

Обряд поминок доминируется у алакульских племен, где в ритуал поминальных приношений входило жертвоприношение животных, мясо которых поедали сородичи, а шкуру с конечностями оставляли покойнику. Здесь шкура символизировала жертвенное животное, принесенное в пищу усопшему. Истоки отношения к животному, как к жертве для умерших, восходят к эпохе палеолита¹⁸.

Можно различать поминальные тризны и похоронные. Как остатки поминальной тризны следует рассматривать скопление костей конечностей и черепа у ограды и в насыпи. Это имеет место в Алакульском могильнике¹⁹, в могильнике Раскатиха²⁰, в Центральном Казахстане (Быкылдак I, II, Жыланды)²¹, в могильниках Северного Казахстана (Амангельды, Семипалатное)²². Во всех указанных памятниках приношения при поминальной тризне ставились к северо-востоку или юго-востоку от могилы, ограды, насыпи. В алакульских памятниках есть случаи, когда поминальная пища ставилась за оградой (Алепаул, Боровое, Быкылдак III)²³. Видимо, это связано с каким-нибудь религиозным запретом — табу, причем в указанных случаях поминальная пища не мясная.

В качестве похоронной тризны следует рассматривать скопления костей конечностей и черепа (шкура), обнаруженные над могилой, над ее покрытием у края могильной ямы.

- ¹⁶ К. В. Сальников. Андроновский курганный могильник у с. Федоровки Челябинской области. МИА, № 1, 1940, стр. 59—65; Е. Е. Кузьмина. Могильник федоровского типа — Туткубаево. АО 1968. М., 1969, стр. 152—153; «Андроновская культура», вып. 1, САИ, вып. ВЗ—2. М.—Л., 1966, стр. 22—27, 31—33; В. С. Стоколос. Отчет по археологической экспедиции Челябинского краеведческого музея в зоне сооружения Шершневского водохранилища в 1962 г. Архив Челябинского краеведческого музея, ф. 234.
- ¹⁷ А. М. Оразбаев. Указ. соч., стр. 262; С. Я. Эданович. Могильник эпохи бронзы Бурлук I. «По следам древних культур Казахстана». Алма-Ата, 1970, стр. 162; А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Оразбаев. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, стр. 73, 82, 86; С. С. Черников. Указ. соч., стр. 34; Ф. Х. Арсланова. Отчет археологической экспедиции Усть-Каменогорского пединститута за 1972 г. Архив КАУП; С. Рахимов. Памятники андроновской культуры в степях среднего Енисея. Автореферат канд. дисс., 1966, стр. 6—11; Г. А. Максименков. Отчет о работе второго отряда Красноярской экспедиции за 1968 г. Архив ЛОИА АН СССР; М. Н. Комарова. Могильник андроновской культуры близ улуса Орак. АС, вып. 3. Л., 1961, стр. 34—35.
- ¹⁸ Н. Токин. Очерк происхождения религиозных верований. М.—Л., 1929, стр. 37—38.
- ¹⁹ К. В. Сальников. Курганы у озера Алакуль. МИА, № 24, 1952, стр. 52—62.
- ²⁰ Т. М. Потемкина. Раскопки у села Раскатиха на реке Тобол. «Из истории Южного Урала и Зауралья», вып. IV. Челябинск, 1969, стр. 6.
- ²¹ А. Х. Маргулан, К. А. Акишев и др. Указ. соч., стр. 104—112; М. К. Кадырбаев. Исследования в районе строительства канала Иртыш-Караганда. АО 1972 г. М., 1973, стр. 251.
- ²² Г. Б. Эданович, С. Я. Эданович. Могильник Амангельды I по раскопкам 1970 г. Отчет. «Полевые исследования СКАЭ в 1970 г.» т. II. Петропавловск, 1971, стр. 12—21. Архив СКМ, № 2917; Г. Б. Эданович, В. Ф. Зайберт. Могильник эпохи бронзы у с. Семипалатное. Отчет. «Полевые исследования СКАЭ в 1969 г.» т. II. Петропавловск, 1970, стр. 4—9. Архив СКМ, № 2314.
- ²³ П. С. Рыков. Работы в совхозе «Гигант» (Караганда). «Известия ГАИМК», вып. 110. М.—Л., 1935, стр. 58—61; А. М. Оразбаев. Указ. соч., стр. 264; А. Х. Маргулан, К. А. Акишев и др. Указ. соч., стр. 114—116.

Наиболее ярко прослежены остатки от похоронной тризны в Алакульском могильнике, где под насыпью четырех курганов²⁴, у могильных ям оказались положены шкуры с конечностями от 22 овец и от 8 быков. В двух случаях шкура лошади находилась на накатнике. Часто поверх костей животных стоял опрокинутый вверх дном горшок, как и в исследуемом нами могильнике.

Картографирование остатков поминальных и похоронных тризн показало, что обычай оставлять шкуру жертвенного животного покойнику широко распространен в алакульских памятниках. В могильниках Федоровского типа это встречено только один раз, в четырех оградах могильника Бугулы I были обнаружены кости конечностей и черепа лошади²⁵. У алакульцев в качестве жертвенного животного использовались овца и бык, реже лошадь.

Андроновские племена Северного Казахстана устраивали жертвоприношения, связанные с закланием животного и оставлением шкуры с конечностями, также и вне связи с погребальным обрядом²⁶.

Из приведенного здесь краткого анализа местоположения остатков животных совершенно очевидно, что при раскопках поселений и могильников андроновской культуры необходимо внимательнее относиться к костям животных, определять не только их видовую принадлежность, но и точный состав костей и возраст. Тогда можно будет намного полнее представить картину культов, верований и мировоззрения андроновских племен. Между тем исследователи часто ограничиваются лишь указанием: «кость животного», «кости барана» и т. п. Если бы было больше сделано таких наблюдений, как в могильниках Алакуль и др., то представленная здесь картина погребальных обрядов могла быть значительно полнее.

²⁴ К. В. Сальников. Указ. соч. (курган 8 и 13); Е. Е. Кузьмина. Отчет о работе Еленовского отряда за 1969 г. Алакульский могильник (курганы 15, 49). Архив ИА АН СССР, Р-1, 3994.

²⁵ А. Х. Маргулан, К. А. Акишев и др. Указ. соч., стр. 73—78.

²⁶ На поселении Новониколаевское I обнаружен кольцевой ров, служивший частью оборонительной системы. На дне его, в южной половине прохода (ширина прохода — 2,5 м) были прослежены мощные слои прокала с черепами и костями барана и лошади (Г. Б. Зданович. Поселение Новониколаевское I по раскопам 1970 г. Отчет СКАЭ 1970 г. Архив СКОМ, № 2917). Такие же два пункта зафиксированы на поселении Петровка II, где исследовано оборонительное укрепление, представляющее собой ров, обнесенный внутренними и внешними валами, соединенными проходами. Рядом с проходами обнаружены черепа и кости конечностей овец и коровы и тут же горшки. Расположение этих скоплений говорит о многократных жертвоприношениях (Г. Б. Зданович, С. Я. Зданович, В. Ф. Зайберт. Работы в Северном Казахстане, АО 1971 г. М., 1972). Любопытно, что на этом же поселении, в жилище № 2, в южной половине помещения, в наиболее углубленной его части обнаружены мощные слои прокала с черепами и конечностями с сочленениями овец и быка. Видимо, к такому же жертвенному комплексу можно отнести находки костей конечностей лошади и быка, обнаруженные вдоль юго-западной стены жилища 4 Атасуского поселения Центрального Казахстана (А. М. Оразбаев. Поселения и жилища. «Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1962, стр. 219).

И. Н. ХЛОПИН

ПОСЕЛЕНИЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ ПАРХАЙ-ДЕПЕ

Холм Пархай-депе расположен в трех километрах от поселка Кара-Кала в долине р. Сумбар, у выхода из ущелья Пархай-депе. Это — высокий холм (высота — 12,5 м) с крутыми склонами, южный склон более пологий. Остатки древнего поселения здесь были открыты в 1968 г.,¹ через год были проведены разведочные раскопки². Стратиграфический раскоп на южном склоне холма установил, что его культурные напластования состоят из восьми строительных горизонтов разной толщины. Материал позволил определить предварительные культурные и хронологические рамки поселения: оно должно быть отнесено к культуре архаического Дахистана, распространенной на Мешеди-Мисрианской равнине в конце II — начале I тыс. до н. э.³ Открытое поселение явилось самым восточным пунктом названной культуры в долине р. Сумбар. В стратиграфическом раскопе, кроме характерной серо- и красноглиняной керамики, найдены подвеска из бронзовой проволоки (рис. 1,1) и обломок стоящей антропоморфной статуэтки, столбчатое основание которой было украшено врезанными изображениями змей (рис. 1,3).

Верх холма представляет собой сравнительно ровную горизонтальную площадку овально-вытянутых очертаний (30×12 м). В 1972 г. в результате проведенных работ были вскрыты два последовательных строительных горизонта на площади до 300 кв. м (рис. 2).

Верхний (первый) строительный горизонт сохранился очень плохо. На поверхности холма, в дерновом слое и ниже его, было найдено большое количество камней разной величины (рис. 3). Это — остатки фундаментов, на которых возводились стены из сырцового кирпича или битой глины. Наряду с необработанными камнями в фундаменты были заложены старые зернотерки (на вскрытой площади найдено 18 зернотерок и 6 верхних терочных камней). Каменные фундаменты под глиняные стены, неизвестные на синхронных памятниках северной подгорной равнины Копет-дага, следует рассматривать в качестве особого строительного приема, характерного для горных районов. Насколько была жизненной эта традиция, можно судить по тому, что она доживает до нашего времени: в поселке Кара-Кала и в других населенных пунктах долины Сумбара стены многих домов и дувалы имеют в подошвенной части каменную кладку.

Несмотря на хаотичность развала, удалось установить, что в центральной части поселения выделяется круг диаметром 5 м, к которому с севера примыкают остатки прямоугольного сооружения (3×4 м). К востоку от названных сооружений отмечена мощная булыжная вымостка с облом-

¹ И. Н. Хлопин. Разведка памятников эпохи бронзы в долине Сумбара. АО 1968 г. М., 1969, стр. 431.

² И. Н. Хлопин. Раскопки Пархай-депе. АО 1969 г. М., 1970, стр. 420.

³ В. М. Массон. Памятники культуры архаического Дахистана в Юго-Западной Туркмении. ТЮТАКЭ, т. VII. Ашхабад, 1956, стр. 385—456.

ками крупных сосудов, залитая для большей твердости глиной в качестве связующего раствора.

При вскрытии этого слоя было обнаружено несколько вертикально врытых целых хумов, три из которых были покрыты крышками из каменных необработанных плиток. Их венчики находились на уровне камней фундаментов, что затрудняет определение их принадлежности к тому или иному строительному горизонту. Разумеется, они не могли относиться к верхнему строительному горизонту, поскольку находились целиком под уровнем полов (если только они не были полностью вкопаны в землю). Наличие крышек может говорить о том, что при возведении построек верхнего горизонта они не были сломаны, а только прикрыты, после чего были сооружены полы.

Второй строительный горизонт отделен от первого толстой прослойкой (местами до 50 см) нивелировочной забутовки из битой глины и сырцовых кирпичей. Под этим слоем удалось нащупать остатки стен толщиной 80 см из сырцового кирпича (75—80×30—35×8 см). Стены сохранились на высоту 40—50 см, но были сильно нарушены впущенными сверху мусорными ямами и хумами. Не исключена возможность, что нивелировочная прослойка на самом деле была строительным горизонтом, однако сохранность его была настолько плохой, что его невозможно было расчистить. В этом случае часть хумов и ям может быть отнесена именно к данному слою.

Постройки второго строительного горизонта состоят из двух больших помещений и дворового участка, вымощенного булыжником (рис. 4). Помещение 1 размером 3,25×5,60 м имеет вход в восточной стене. Дверной проем шириной 70 см сохранил обмазку и порог из специально положенных камней. Южная стена помещения обрывается, не доходя до пересечения с западной; место, где они должны были соприкасаться, занято большим развалом из обожженных кирпичей, что может указывать на вероятное наличие здесь очага.

Значительно большее помещение 2 (7,6×6,25 м) примыкает к первому с севера, но не сообщается с ним. Оно было разделено надвое поперечной стенкой, доходящей примерно до середины помещения. В южной части сохранился барьер из поставленных на ребро кирпичей, отгораживающий один из углов помещения. В восточной стене прослеживаются остатки дверного проема.

На расстоянии 2,5—3,5 м от восточной стены вскрытого здания, по краю холма обнаружена стена толщиной в 1 м, сохранившаяся в длину

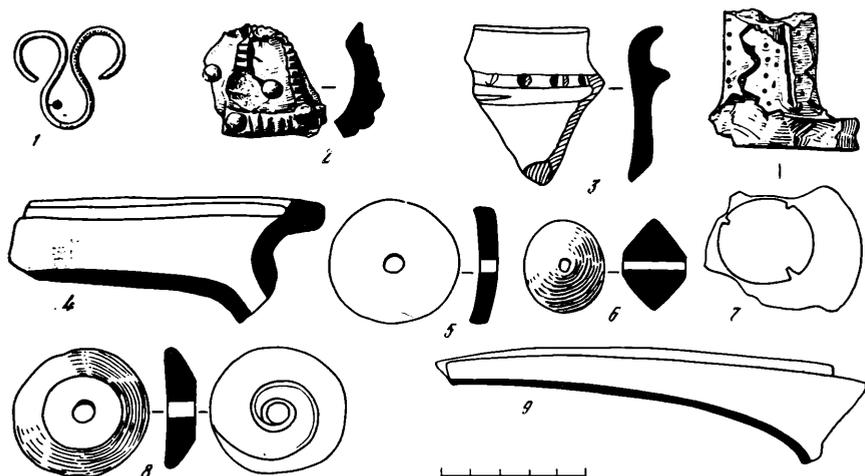

Рис. 1. Находки с поселения Пархай-депе.

на 10 м. Эта стена ограждает поселение с востока; между ней и домом находился двор, вымощенный толстым слоем некрупных камней и обломками от толстостенных сосудов, в пол были врыты хумы.

Дополнительные раскопки показали, что вокруг холма располагалось одновременное поселение площадью не менее одного гектара, теперь оно целиком покрыто толстыми аллювиальными наслоениями. Таким образом, сам холм Пархай-депе надо рассматривать как выделенное место, на котором располагалось небольшое строение.

Комплекс находок этого поселения типичен для подобного рода памятников, не разгромаженных, а мирно оставленных. Это в основном обломки глиняных сосудов, формы которых хорошо восстанавливаются (рис. 5). Наиболее многочисленна столовая посуда, изготовленная из серой (иногда доходящей до черной) или красной глины. По количеству обломков на первом месте находятся кувшины. Затем следует группа из двух форм, которые во фрагментарном состоянии трудно делимы: это — триподы

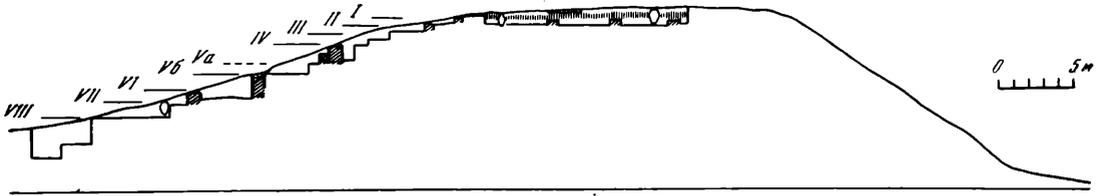

Рис. 2. Стратиграфический разрез поселения на холме Пархай-депе по линии север-юг

и чаши с загнутым внутрь венчиком. Значительно меньшим числом фрагментов представлены прямые конические сосуды типа ритонов, которые имеют миниатюрное дно с прикрепленными для устойчивости специальными лапками, небольшие тарелки с вогнутым внутрь дном, чайники с изящными сложными носиками-сливами и перемычками между носиком и венчиком сосуда. Хозяйственная посуда представлена хумами и хумчами, большими тазами. Для приготовления пищи служили лепные горшки из жаропрочного теста с примесью песка. В целом же керамический материал обоих строительных горизонтов совершенно одинаков и разделен по слоям быть не может.

Обнаружение керамического шлака в культурном слое, а также небольшого фрагмента трипода из необожженной глины подтверждает предположение о местном изготовлении керамики. Кроме многочисленных зернотерок и каменных изделий (пестов, ступ, терочников и др.), были найдены обломки сильно окислившихся медных или бронзовых изделий и остатки небольшого, чуть изогнутого железного ножа.

Большинство памятников культуры архаического Дахистана расположено на юге Мешед-Мисрианской равнины (12 местонахождений) и на Чатском земельном массиве (4 местонахождения); для орошения полей их жители использовали воды рек Атрека и Сумбара (во втором случае). Очевидно, по правому берегу Сумбара тянулась цепочка поселений, которая заканчивалась в районе Кара-Кала. Выше этого поселка долина сужается и становится малопригодной для первобытного оседлого земледелия.

Многочисленные обследования долины Сумбара, вверх от Кара-Калы, не привели к обнаружению древних памятников, зато в окрестностях этого поселка они представлены по крайней мере в количестве 10 поселений и могильников. Все это позволяет нам рассматривать нижнее и среднее течение Сумбара как составную часть территории, на которой была распространена культура архаического Дахистана.

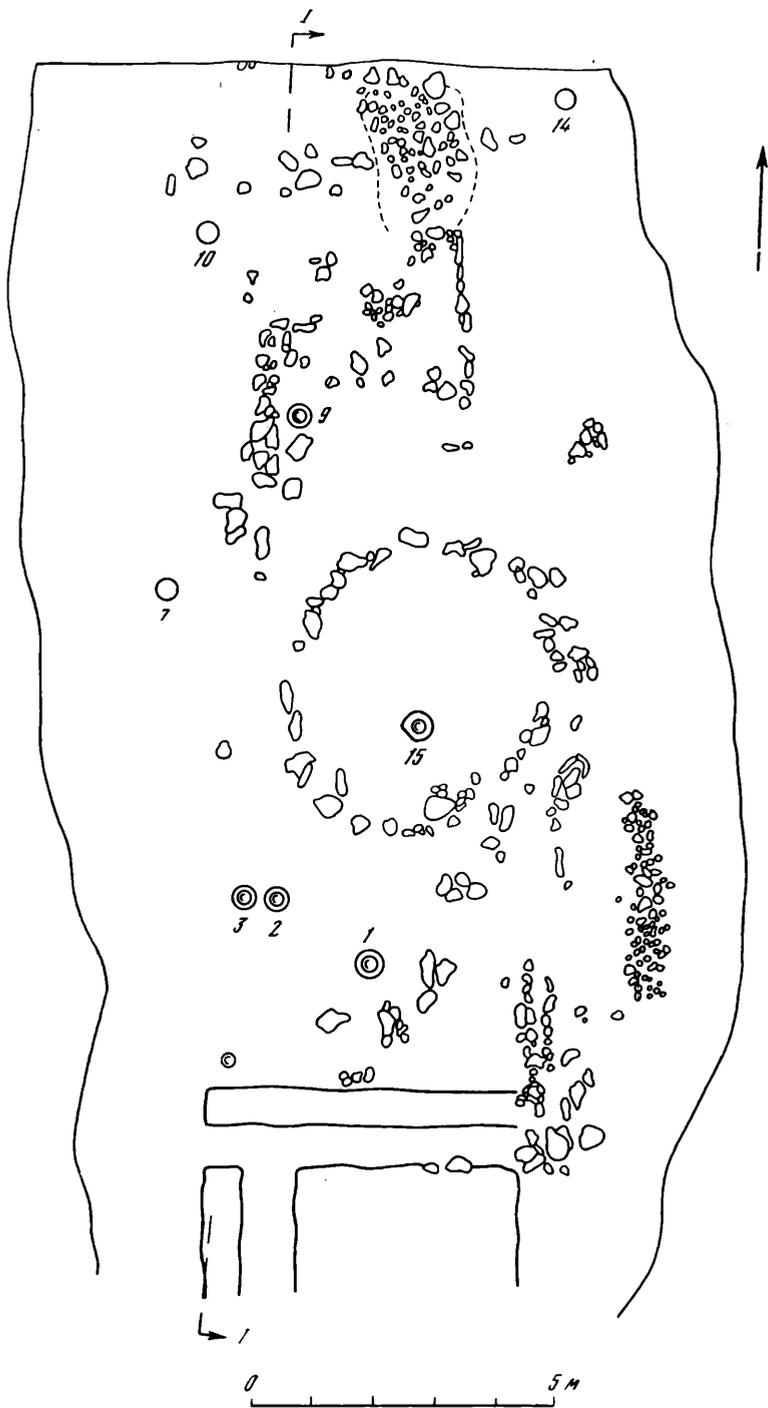

Рис. 3. Пархай-депе. План построек первого строительного горизонта

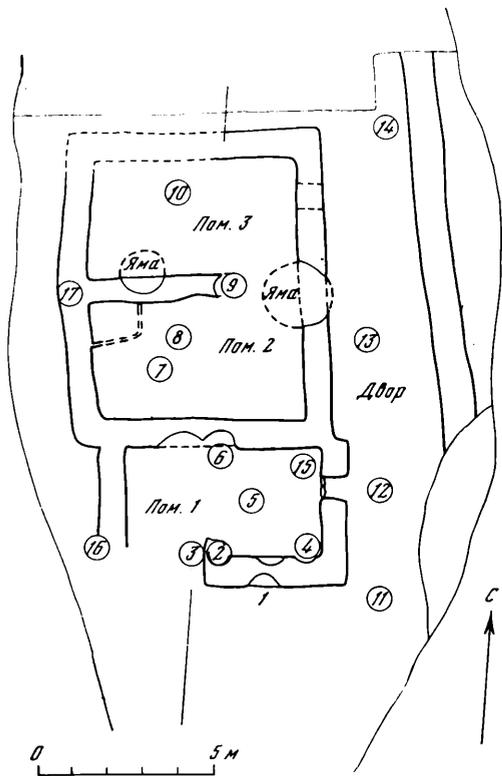

Рис. 4. Пархай-депе.
План построек второго
строительного гори-
зонта

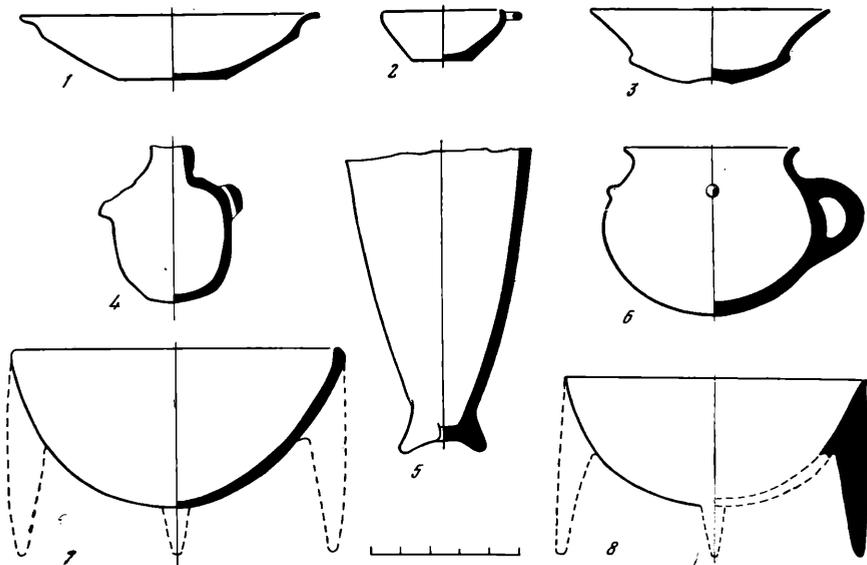

Рис. 5. Посуда с поселения Пархай-депе

Толщина культурных напластований Пархай-депе достаточно велика и не меньше, чем на поселениях основного ареала, это служит достаточным показателем длительности обживания поселений. К сожалению, керамический материал из всех стратиграфических шурфов, заложенных на поселениях этой культуры, совершенно не дифференцируется; не исключено поэтому, что весь правый берег Сумаро-Атрекской системы был освоен практически одновременно носителями культуры астрабадского бронзового века, которая в пределах Мешед-Мисрианской равнины получила название культуры архаического Дахистана. Памятники этой культуры возникают неожиданно и без субстрата на территории Южного Туркменистана, существуют здесь в конце II—начале I тыс. до н. э. и неожиданно исчезают. Их историческая интерпретация нуждается в дополнительных исследованиях.

М. А. ДЭВЛЕТ

НАХОДКИ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ НА СТОЯНКЕ АЗАС I
В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ТУВЕ

Скифское время в истории Тувы изучалось по материалам курганов, поминальных выкладок, оленных камней, наскальных рисунков и случайных находок. Исследователями была выделена уюкская, или казылганская культура¹, синхронная тагарской культуре среднего Енисея. Однако стоянки этого времени в Туве известны не были.

Первая стоянка с культурным слоем, содержащим находки уюкской эпохи, исследовалась в 1972 г. Тоджинской экспедицией Института археологии АН СССР на северо-востоке Тувы, близ оз. Азас. Здесь, на берегу протоки, соединяющей оз. Азас и Хочжир-Холь, наряду с изучением погребальных и поминальных памятников производились раскопки стоянки в пунктах Азас I и Азас II. Рассматриваемые в настоящей заметке находки скифского времени были обнаружены в пункте Азас I на раскопе 2, где нами вскрыта площадь в 224 кв. м. Мощность культурного слоя — 0,3—0,8 м. Материалы, полученные в результате раскопок, разновременны. Вертикальную стратиграфию проследить не удастся. В отношении горизонтальной стратиграфии мы должны заметить, что имеются некоторые наблюдения. Так, каменный инвентарь встречается по всей площади стоянки. Это — ножевидные пластинки, нуклеусы, скребки, двусторонне обработанные вкладыши, наконечники стрел, долотовидное орудие². Железные предметы — ножи, стремена, долото, еще недавно бытовавшие у местного населения, — обнаружены в восточной части раскопа.

Находки, датируемые нами скифским временем, концентрируются у западной стенки раскопа 1972 г. Это — бронзовое шило, каменная бусина и керамика с волутообразным орнаментом (рис. 1, 2, 4). Бронзовое шило — четырехгранное, с выделенной круглой шейкой и массивной шляпкой. Подобные шилья встречены в курганах тагарской эпохи. Эволюцию тагарских шильев наметил М. П. Грязнов. На баиновском этапе (VII—VI вв. до н. э.) отмечаются шилья четырехгранные с гвоздевидной шляпкой, на подгорновском (VI—V вв. до н. э.) — у шильев между головкой и рабочей частью появляется круглая шейка, на сарагашенском этапе (IV—III вв. до н. э.) появляются шилья с двух- или трехъярусной головкой на тонкой шейке³. Тоджинское шило типологически соответствует шильям подгорновского этапа тагарской культуры.

Недалеко от шила найдена белая каменная цилиндрическая бусина. Аналогичные бусины обнаружены в большом числе в курганах скифского времени, у поселка Тоора-Хем, в местности, носящей название «Вторая

¹ Л. Р. Кызласов. Этапы древней истории Тувы. ВМУ/1958, № 4; С. И. Вайнштейн. Некоторые итоги работ археологической экспедиции Тувинского НИИЯЛИ в 1956—1957 гг. «Ученые записки Тувинского НИИЯЛИ». Кызыл, 1958.

² М. А. Дэвлет. Раскопки стоянок с каменным инвентарем в Тодже. «Проблемы археологии Урала и Сибири». М., 1973.

³ М. П. Грязнов. Тагарская культура. «История Сибири», т. I. Л., 1968, стр. 188—193.

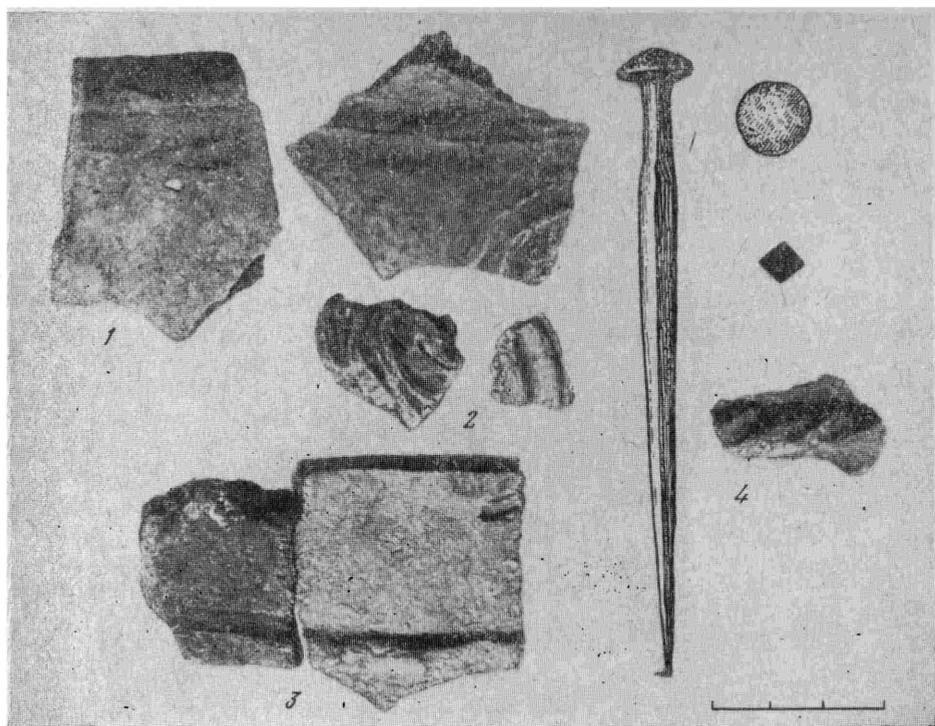

Рис. 1. Находки со стоянки Азас I

поляна». Научные сотрудники Минералогического музея АН СССР М. Е. Яковлева и В. В. Якубова определили, что бусы изготовлены из талька. Цилиндрические бусы из кургана 2 были нашиты на ткань в два ряда, один из которых состоял из длинных бусин, другой — из более коротких. Белые цилиндрические бусы, упоминающиеся в литературе как аргиллитовые или пастовые, имели распространение у носителей тагарской культуры, встречены они и в погребениях скифского времени Тувы.

Были обнаружены обломки глиняного сосуда с прочерченным спиральным узором на тулове и выделенной шейкой. Подобная керамика на тоджинских стоянках нам не встречалась, однако среди инвентаря уюкских курганов из других районов Тувы сосуды со спиральным орнаментом известны⁴. Спиральный орнамент не характерен для тагарской керамики. Нам известен лишь один случай находки сосуда со спиральным орнаментом из тагарского могильника Малые Копены 3, ограда 28, могила 3, раскопки Л. П. Зяблина в 1963 г.

Изучение уюкской керамики со стоянок представляет значительный интерес, так как в тоджинских курганах керамика скифского времени не была обнаружена, что, очевидно, составляет местную особенность этих памятников. Предположительно к скифскому времени можно отнести фрагменты двух крупных толстостенных сосудов. Один имеет утолщенный нависающий венчик, другой — с прямым обрезом верхнего края и валиком с косыми насечками в верхней части (рис. 1, 1, 3).

⁴ М. Х. Маннай-Оол. Тува в скифское время. М., 1970, рис. 14, 6; 16, 5; С. И. Вайнштейн. Памятники казылганской культуры. «Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции». М.—Л., 1966, табл. I, 3.

О. БЕРДЫЕВ

Археологическая наука понесла тяжелую утрату. 7 июля 1973 г. трагически погиб Овлияжули Бердыев, заведующий сектором первобытной археологии Института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР.

О. Бердыев родился в 1935 г. в г. Теджене, в семье рабочего. После окончания школы О. Бердыев поступает в Туркменский государственный университет, где специализируется по первобытной археологии.

В 1959 г. он заканчивает университет и зачисляется в Институт истории АН Туркменской ССР на должность научного сотрудника.

В 1960—1963 гг. О. Бердыев проходит специализацию в аспирантуре Института этнографии АН СССР и принимает активное участие в полевых исследованиях памятников джейтунской неолитической культуры.

Им была подготовлена и успешно защищена кандидатская диссертация на тему «Южная Туркмения в эпоху неолита». В ней впервые разработана и обоснована трехчленная хронологическая периодизация джейтунской культуры, прочно вошедшая в науку.

В последующие годы О. Бердыев проводит раскопки на многих памятниках джейтунской культуры, и в 1969 г. публикует монографию «Древнейшие земледельцы Южного Туркменистана».

Но особого внимания заслуживают открытия, сделанные экспедицией О. Бердыева на поселении джейтунской культуры — Песседжик-депе. Здесь были найдены одни из древнейших в мире настенные фрески VI тыс. до н. э. Трудно переоценить значение этих открытий, бросающих новый свет на культуру и историю существования древнеземледельческих племен юга Туркменистана.

В последние годы О. Бердыев принимал активное участие в работах Советско-Афганской археологической экспедиции. Отдавая большую часть времени своим непосредственным обязанностям как археолога, О. Бердыев

занимался также изучением жизни и быта местного туркменского населения.

Как настоящий этнограф, он не пропускал возможности лично познакомиться со многими сторонами общественной жизни местного туркменского населения, вел систематические записи бесед со своими информаторами. Результатом такой многолетней работы явилась книга «Дружественный Афганистан», написанная на туркменском языке, богато иллюстрированная фотографиями. Книга имеет большое научное значение.

За сравнительно короткий период жизни О. Бердыев опубликовал как в СССР, так и за рубежом свыше 40 печатных листов. Он являлся членом республиканского общества «Знание», председателем отделения общества охраны памятников истории и культуры Туркменистана, членом редколлегии журнала «Успехи среднеазиатской археологии», был награжден почетной грамотой ЦК КПТ, Президиума Верховного Совета и Совета Министров ТССР.

О. Бердыев навсегда останется в памяти как человек исключительной скромности и душевности.

ОСНОВНЫЕ ПЕЧАТНЫЕ РАБОТЫ О. БЕРДЫЕВА

1. Стратиграфия Бамийского поселения. СА, № 4, 1963.
2. Стратиграфия Тоголок-депе в связи с расселением племен джейтунской культуры. СА, № 3, 1964.
3. Неолит новой Нисы. СА, № 2, 1965.
4. Чагыллы-депе. «Изв. АН ТССР», № 1, 1964.
5. Развитие археологической науки в Туркменистане за годы Советской власти. «Изв. АН ТССР», № 5, 1964.
6. Производственные функции каменных и костяных орудий из Чагыллы-тепе (совместно с Г. Коробковой). «Изв. АН ТССР», № 6, 1964.
7. Чагаллы-депе — новый памятник неолитической джейтунской культуры. «Материальная культура Средней Азии и Казахстана». М., 1966.
8. Итоги полевых работ сектора археологии Института истории АН ТССР. 1959—1966 гг. «Материальная культура Туркменистана», вып. 1. Ашхабад, 1972.
9. Чопан-депе — уникальный памятник неолитической джейтунской культуры. Там же.
10. Чакмаклы-депе — новый памятник неолитической джейтунской культуры. «Средняя Азия». «История, археология и этнография». М., 1968.
11. Археологическое изучение Туркменистана за годы Советской власти (совместно с Атагарриевым). СА, 1967.
12. Монжуклы-депе — памятник археологии Анау IА. «Каракумские древности», вып. 4, 1972.
13. Древнейшие земледельцы Южного Туркменистана. Ашхабад, 1969.
14. Дружественная страна Афганистан (на туркменском языке, в печати).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	— Археологические открытия
АС	— Археологический сборник
ВАУ	— Вопросы археологии Урала
ВДИ	— Вестник древней истории
ВМУ	— Вестник Московского университета
ГИМ	— Государственный Исторический музей
ГЭ	— Государственный Эрмитаж
ЗОРСА	— Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества
ЗРАО	— Записки Русского археологического общества
ИА	— Институт археологии АН СССР
Изв. АН Каз. ССР	— Известия Академии наук Казахской ССР
ИИАЭ АН Каз. ССР	— Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР
Изв. ГАИМК	— Известия Государственной академии истории материальной культуры
Изв. Тадж. ФАН	— Известия Таджикского филиала АН СССР
ИМКУ	— История материальной культуры Узбекистана
КАУП	— Кабинет археологии Усть-Каменогорского пединститута
КАУр. ГУ	— Кабинет археологии Уральского государственного университета
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
МАК	— Материалы по археологии Кавказа
МАЭ	— Музей антропологии и этнографии
МДЦПО	— Материалы к доистории Центрально-промышленной области
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
МКАЭН	— Международный конгресс антропологических и этнографических наук
VII МКДП	— VII Международный конгресс доисториков и протоисториков. «Доклады и сообщения археологов СССР»
МХЭ	— Материалы Хорезмской экспедиции
ОАК	— Отчет археологической комиссии
ОИМ	— Отчет Исторического музея
ОЛИКК	— Общество любителей изучения Кубанского края
ОЛИКО	— Общество любителей изучения Кубанской области
ПГУ	— Петрозаводский государственный университет
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических источников
СКАЭ	— Северо-Казахстанская археологическая экспедиция
СКОМ	— Северо-Казахстанский областной музей г. Петропавловска
СЭ	— Советская этнография
ТАС	— Труды археологического съезда
ТКУ	— Трипільська культура на Україні
ТМАЭ	— Труды Марийской археологической экспедиции
Тр. ГИМ	— Труды Государственного исторического музея
Тр. СОМК	— Труды Саратовского областного музея краеведения
ТПБС	— Труды по прикладной ботанике и селекции
ТЮТАКЭ	— Труды Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции

- Уз. Тув. НИИЯЛИ — Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка и литературы
- AA — American Anthropologist
- AI — Ancient India. New Delhi
- AJA — American Journal of Archaeology
- AMN — American Museum Novitates
- APAMNH — Anthropological Papers of the American Museum of Natural History
- DCMS — Deccan College Monograph Series
- EW — East and West
- JGRS — Journal Gujarat Research Society
- JNES — Journal of New Eastern Studies. Chicago
- IRAI — Journal of the Royal Anthropological Institute. London
- MASI — Memoirs of the Archaeological Survey of India
- PA — Pakistan Archaeology. Karachi
- SAOC — Studies in Ancient Oriental Civilization. The Oriental Institute University of Chicago
- SMYA — Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja
- TRAR — Technical Reports on Archaeological Remains

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

<i>Черныш Е. К.</i> Место поселений борисовского типа в периодизации трипольской культуры	3
<i>Николаева Н. А., Сафронов В. А.</i> Происхождение костяных молоточковидных булавок	11
<i>Ошибкина С. В.</i> Краткая характеристика позднекаропольской культуры	18
<i>Третьяков В. П.</i> Соотношение поздняковских памятников и культуры сетчатой керамики	25
<i>Журавлев А. П.</i> О древнейшем центре металлообработки меди в Карелии	31
<i>Мелентьев А. Н.</i> Керамика карасукского типа из Северного Прикаспия	39
<i>Пшеницына М. Н.</i> Глиняная «голова» — предшественник таштыкской гипсовой маски	44
<i>Кулькова Т. Ф.</i> Химическое исследование глиняных «голов» из склепов и могил тесинского этапа	50
<i>Петренко В. Г.</i> К вопросу об употреблении булавок скифами в VI—IV вв. до н. э.	53
<i>Щетенко А. Я.</i> Роль географической среды в становлении производящего хозяйства Индостана	58
<i>Кузьмина Е. Е.</i> К вопросу о формировании культурного комплекса могильника Кхерай	64

Публикации

<i>Корневский С. Н.</i> Комплекс бронзовых орудий майкопского погребения у станицы Псебайской	68
<i>Марковин В. И.</i> Составной дольмен у села Азербиевка и дольменовидные гробницы в бассейне р. Кяфар	73
<i>Матюшин Г. Н.</i> Давлеканово IV — новое поселение эпохи бронзы в Южном Приуралье	79
<i>Сымонович Э. А.</i> Погребения эпохи бронзы на черняховских могильниках	85
<i>Пузикова А. И.</i> Работы Курского отряда в 1972 г.	91
<i>Мельниковская О. Н.</i> Шабалиновское городище	98
<i>Гаврилова И. В.</i> Новое зооморфное изображение на керамике Федоровского поселения	104
<i>Смирнов К. А.</i> О назначении керамических фигурок с Дьяковских городищ	106
<i>Аванесова Н. А.</i> Жаман-Узен II — атасуский могильник Центрального Казахстана	109
<i>Хлопин И. Н.</i> Поселение эпохи бронзы Пархай-депе	116
<i>Дэвлет М. А.</i> Находки скифского времени на стоянке Азас I в Северо-Восточной Туве	122
Некролог. О. Бердыев	124
Список сокращений	126